

АЛЕКСЕЙ
БУЛГАКОВ

Отчего мы, русские, такие?

Все выигрыши в наших руках

18+

Социально-психологическая рефлексия

Алексей Булгаков

Отчего мы, русские, такие?

«Автор»

2024

Булгаков А.

Отчего мы, русские, такие? / А. Булгаков — «Автор», 2024

Сейчас много говорят и пишут о России, о её судьбе в прошлом, о значительных переменах последней четверти века. Делаются всевозможные прогнозы. Нас, русских, стали особенно интересовать наши корни, истоки зарождения нашего национального характера. Почему мы считаемся великой нацией? От чего зависит благополучие и преуспевание нашего человека? Почему так значительна в России роль правителя? Что нам мешает чувствовать себя увереннее среди других стран и народов? Какова может быть наша, русских, роль в сохранении среды обитания, пригодной для жизни людей, в спасении человечества от самого человека? Всё, что с нами происходит, – не только чья-то воля свыше или со стороны, это, прежде всего, наши с вами помыслы, намерения, действия. Мы часто, согласно поговорке, пожинаем собственный характер, свои привычки, жизненные ценности – всё, что нынче называется модным словом «менталитет». В книге делается попытка разобраться во всех этих вопросах.

© Булгаков А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПОЧЕМУ МЫ СЧИТАЕМСЯ ВЕЛИКОЙ НАЦИЕЙ?	8
ОТКУДА ВСЁ-ТАКИ ПРИШЛО СЛОВО «РУСЬ»?	14
ЗА ВОИНСТВЕННОСТЬ ЛИ НАС НЕ ЛЮБЯТ?	23
НАС «АРШИНОМ ОБЩИМ НЕ ИЗМЕРИТЬ»	44
НЕ ВСЁ ЛАДНО В НАШЕМ КОРОЛЕВСТВЕ	72
МЫ – В ПОДРОСТКОВОМ ПЕРИОДЕ РАЗВИТИЯ?	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Алексей Булгаков

Отчего мы, русские, такие?

ПРЕДИСЛОВИЕ

На стене дома в Туле кто-то написал: «Потребление – это не жизнь». В нескольких словах – целая философия. И философу не более двадцати лет – не будет же взрослый человек писать на стенах. Но мудрости у этого подростка – побольше, чем у многих взрослых. Эта фраза – ответ подавляющему большинству наших соотечественников, устремившихся в погоню за материальными благами. Появляется робкая надежда, что это – не крик одинокой тульской души, а кредо юного поколения если не сейчас, то в ближайшем будущем.

Уже много сказано и написано о русской национальной идее. А в самом деле, какую главную объединяющую цель должна поставить перед собой наша нация? Мы очень хотим, чтобы нас уважали другие народы. Правда, некоторые подменяют слово «уважать» глаголом «бояться». Но ведь в глубине души нам хочется, чтобы нас не только уважали, но и любили. Однако между словами «бояться» и «любить» по смыслу – «дистанция огромного размера». Многие уже понимают, что в наши дни бессмысленно искать национальную идею в прошлых доблестях, победах, в козырянии жившими и творившими когда-то гениями. Это их, дедов и прадедов, заслуги. А нам надо озаботиться, чем можем мы сегодня вызвать уважение к себе мировой общественности, думать о наших детях и внуках. Нет, не заслуги прошлых поколений, не модернизацию экономики, не освоение космоса и полёты на Марс, не стремление во что бы то ни стало кого-то догнать и перегнать надо ставить в основу национальной идеи, хотя и эти задачи должны стоять на повестке дня. Главная наша задача психологическая – обрести чувство собственного достоинства, спокойное, не декларируемое громогласно, истинное, а не показное; проникнуться самоуважением – всем вместе и каждому, во всём и везде. Чем меньше мы будем стараться «казаться», чем больше – «быть», тем скорее вызовем истинное, а не вынужденное, из-за страха, уважение остальных землян. А у людей, преисполненных чувством собственного достоинства, самоуважения, и дела идут куда успешнее.

В последние двадцать лет приходилось частенько слышать и читать: «наше общество больное», «нация вырождается», «страна катится в пропасть», «родившиеся в 90-е – потерянное поколение», «в России невозможно нормально работать и по-человечески жить» и т.п. И при этом со стороны ставящих «диагнозы» – ни толковых объяснений, почему общество «больное», каков «диагноз» и где оно «заразилось» (по крайней мере, таких объяснений – явный дефицит), ни выводов, ни кардинальных решений и действий, направленных на «излечение». Представьте себе, приходит впавший в депрессию человек к психотерапевту, а тот начинает охать и сокрушаться «да как же вы дошли до жизни такой?», «плохо ваше дело», «вам уже ничего не светит» и отправляет пациента восвояси со словами «к сожалению, ничем я вам помочь не могу». Ясно, что такого «психотерапевта» не то что нужно сразу выгнать из клиники, но даже отдать под суд. Касательно же всей нации подобные причитания оказывались в порядке вещей. А потом удивляемся, что это у нас так выросло количество самоубийств!

Многие из россиян от самодовольства, внедрённого в наше сознание коммунистическими идеологами, твердившими о том, что советские люди – самое сознательное и прогрессивное сообщество людей, после распада СССР шарахнулись в противоположную крайность: мол, мы – самая непутёвая нация, ни на что не способная, даже африканские страны нас обогнали и т.д. Так же мало пользы от обвинений в наших бедах всех вокруг: евреев, американцев, западноевропейцев, мусульман, – которые будто бы от зари до зари, днём и ночью только и пребывают в навязчивых раздумьях, как бы погубить Россию, а русских извести словно тара-

канов. Наши политологи, публицисты порой много говорят о том, что все беды – результат происков внешних врагов, но слишком мало внимания уделяют нашим собственным заблуждениям и изъянам в позиции, поведении, стратегии. А это только увеличивает безответственность людей. Да, к нам часто несправедливы европейцы и жители североамериканского континента, иные и вовсе видят в нас врагов. Но почему они относятся к нам так недружелюбно и предвзято? Оставим пока в стороне их ошибки, корыстные цели и «вины». Подумаем, чем мы сами провоцируем такое к себе отношение.

Почему мы всё время твердим, что мы – великая нация, выдающаяся держава? Мы что, сомневаемся в этом? Один остроумный человек заметил: «Мы так кричим о своей стране, как будто выставили её на продажу». Уравновешенный здравомыслящий современный русский человек категорически не приемлет и саморазрушительную русофобию, и оголтелый бездумный ура-патриотизм. По-разному можно проявлять любовь к России. Можно без конца петь ей осанны, кричать к месту и не к месту «Россия, вперёд!», стремиться по-детски во что бы то ни стало выделиться среди представителей других стран. А можно с болью в душе видеть плохие стороны нашего народа и гореть желанием улучшить в нём то, что удручает, чтобы мы во всём соответствовали на деле тому величию, на которое претендуем. Патриот – это не только тот, кто хочет, чтобы народ, к которому он принадлежит, жил лучше. Но ещё и тот, кто озадачен тем, чтобы представители его народа стали лучше. Нам почаще нужно заниматься самокритикой. Мы – сильный народ, можем себе это позволить. Сейчас мы понемногу выправляемся. Но что произошло с нами в годы после распада Советского Союза и краха коммунистической идеи? Какие процессы в обществе происходят сейчас?

В 2014 году настроение в российском обществе поднялось. И слава Богу! Но это не значит, что изъяны и проблемы, пришедшие к нам из предыдущих лет, исчезли. Даже прибавляются новые. Как ни крути, без наших трудов праведных они не решаются. Когда-то с высокой трибуны нам объявили: «Жить стало лучше, жить стало веселей». Что на самом деле за этим «весельем» скрывалось, мы потом узнали. И не свидетельствует ли нынешний всплеск оптимизма о том, что для нас по-прежнему важнее мощь державы, а не благосостояние всех слоёв населения страны?

Сколько великих людей, соотечественников и иностранцев, пытались понять русский характер, приоткрыть его загадочную душу! Но никому это так и не удалось. Далеки от надежды это сделать и мы. Вопрос, поставленный в название книги, очень сложный, объект исследования полон противоречий. Но мы вправе поразмышлять вслух о том, отчего мы, русские, такие. Это – книга-рассуждение.

Психология – вещь консервативная, стало быть, многое мы унаследовали от наших далёких предков. Поэтому в книге делается попытка в глубине веков отыскать истоки наших традиций, привычек, установок. Жалеть о том, что в истории России произошло что-то не так, как, по нашему мнению, должно было бы, бессмысленно. Если бы Россия пошла по другому пути, у наших дедов и прадедов сложилась бы иная судьба, а нас просто не было бы.

В последние годы Россия опять стала одним из ведущих игроков на мировой сцене. Снова на всех континентах заговорили об «этих русских», в который раз политики, бизнесмены, просто граждане многих стран стали задаваться вопросом: что же за народ такой – русские, что им надо в этой жизни? Естественно, в книге очень много говорится о взаимоотношениях русских и европейцев.

Что касается того лозунга на стене тульского дома, о котором сказано в начале предисловия, хочется верить, что под ним готовы подписаться многие представители юного поколения, что верх в России одержат здравомыслящие молодые граждане, у которых развиты не один лишь «хапательный» инстинкт, а и другие более глубокие чувства и жизненные устремления. И они, наши дети, скажут, что хотят жить не на лазурных берегах тёплых морей, а у нас в России.

Книга построена на диалоге двух соотечественников, высказывания которых отражают две позиции в русском обществе. В одних гражданах, настроенных критично и самокритично, бурлит негодование по поводу происходящего в стране. Другие пытаются как-то объяснить нынешние реалии и предугадать, что нас ждёт в будущем. Этим двух наших героев мы соответственно и назовём: «сердитый соотечественник» и «рассудительный соотечественник». В чём-то их мнения разнятся, а в чём-то они единомышленники.

Информацию к размышлениям мы черпали из книг, написанных выдающимися философами и историками прошлого и современными авторами, из средств массовой информации, из материалов в Интернете, из рассказов наших соотечественников. Мы заранее признательны всем, кто выскажет критические замечания. Единственная просьба – высказывать их аргументировано и обоснованно.

ПОЧЕМУ МЫ СЧИТАЕМСЯ ВЕЛИКОЙ НАЦИЕЙ?

Сердитый: – А в самом деле, почему? Или так считаем только мы сами? Кажется, у нас осталось преимуществ – только обширная территория и ядерное оружие. А все остальные доблести мы растеряли в прошлом веке. Сейчас некоторые учёные уже задаются вопросом, а состоялась ли вообще русская нация?

Рассудительный: – Величие нации складывается сотни лет, и утратить его за несколько десятилетий невозможно. Даже наши давние соперники американцы часто задаются вопросом: «а что в этой области делают русские?», «а как на это отреагируют русские?» и т.д. Мы участвуем в разрешении конфликтов в мире. Задавали тон в области литературы, живописи, балета, режиссуры, актёрского мастерства, пока наших деятелей не захватила волна вестернизации. Но ещё не вечер. Последние пятьсот лет Россия была единственной свободной славянской державой. Поэтому у русских появились мессианские настроения, увлечение панславизмом. Так что мы значительны не только территорией, обилием полезных ископаемых, количеством лесов и пресной воды. Мы на трибуне победителей окажемся и по другим ресурсам, например, по интеллектуальному и творческому потенциалу народа, по количеству красивых женщин.

С.: – И ни одним, ни другим ресурсом не можем толком воспользоваться. Завладеть большой территорией – мало! Нужно по-хозяйски ею распоряжаться. Разве по уровню жизни, по отношению людей к своей стране и её природе, к историческим памятникам, по уровню безопасности мы можем себя считать великой нацией? С одной стороны, Россия претендует на роль защитницы обиженных и угнетённых. А с другой – русские склонны терпеть у себя в стране диктат, произвол и откровенную эксплуатацию.

Р.: – Да, есть такой парадокс. Но некий гнёт мы готовы терпеть от своих соотечественников, а вот с иностранцами у нас отношения совсем другие. Тем более с теми, кто пришёл нас покорять. И хотя слово «разобщённость» стало в последнее время применительно к русским часто употребляемым, мы способны спланиваться в тревожный час.

С.: – А как же монголо-татарское иго? Двести лет терпели!

Р.: – Не так уж и терпели. Известный историк Л. Гумилёв в книге «Древняя Русь и Великая степь» даже доказывал, что с монголами у нас был военный союз. Да, они прошли в 1238 году по Руси, особо сопротивляющиеся города сожгли. Быстрому продвижению монголов по русским землям способствовало то, что государства в полном смысле слова ещё не было. Русь раздирали великокняжеские междоусобицы. Потом монголы особенно в нашу жизнь не лезли, только давали ярлыки на княжение и получали дань. Но в то же время помогали отражать агрессию с Запада. А в XVI веке пошёл обратный процесс: в 1552 году русскими была завоёвана Казань, в 1556-м завладели Астраханским ханством. Известно же: русский долго запрягает.

С.: – Сейчас появились оправдательные объяснения относительно нашей нынешней разрухи и нищеты: мол, во всём виноват суровый климат. Но ещё более суровый климат в XVIII-XIX веках не мешал возводить в труднодоступных местах чугуно-сталелитейные заводы, текстильные фабрики, строить десятки тысяч километров железных дорог, едва ли не пол-Европы снабжать хлебом и тканями. А теперь на первом месте у нас – оружие. Но сила, величие государства – не в том, чтобы устрашать весь мир своими танками и ракетами, главное – благосостояние граждан, чтобы они жили достойно. Наш народ – способный, сметливый, находчивый. Да нам просто должно быть стыдно жить плохо! А мы в массе своей прозябаем «образцово-показательно» бедно.

Р.: – Русские никогда не гнались за богатством, за роскошью. И ещё мы всегда отличались глубиной чувствования, мысленно жили шире своего образа бытия. **Даже европейцы нас всегда называли философствующим народом.** Вот сидят мужички на лавочке в каком-нибудь селе и говорят не о том, сколько на новый забор столбов надо или, скажем, чем крышу

сарая покрыть, не о животрепещущих своих местных проблемах. Об этом тоже гуторят, но чаще о том, действительно Барак Обама президент или им кто-то командует, обгонят ли нас китайцы в освоении космоса, откуда прилетают на Землю инопланетяне, будет ли Третья мировая война. И с приезжим сразу заговорят о каком-нибудь глобальном кризисе, об Исламском государстве, о положении в Европе. Привязанность к одному месту, невозможность отдалиться от дома, прежде всего, из-за отсутствия денег, да и по причине боязни дальней дороги вызывали в деревнях размышления о России вообще, о других странах, о мироздании. Даже социологические исследования показывают, что среди русских смысл жизни ищут гораздо больше людей, чем среди европейцев. Теряется он у общества – и пошли пьянство, наркомания, самоубийства. Мы же видели, что интерес к жизни в широких слоях нашего общества в 90-х годах заметно увял.

С.: – Поэтому мы часто ввязываемся во всякие авантюры, кого-то защищаем, участвуем в европейских разборках, которые к нам никакого отношения не имеют. Мы непременно должны какую-то роль в мире играть, удивлять весь белый свет. Ну что, спрашивается, русский солдат потерял в конце XVIII века в Альпах, с какого испугу он помчался защищать австрийцев? Зачем ему понадобился Париж в марте 1814 года?

Р.: – Всё то же ощущение недостаточности смысла жизни побуждает русских устремляться куда-то за славой. Мы – увлекающийся народ. Ищем особый путь, строй, мировой статус, иначе нам неинтересно.

С.: – Однако часто можно услышать, что русский народ, наоборот, устал от особой роли, от имперской миссии, от войн и революций, от надрыва и великих строек коммунизма. Говорят, что русские хотят нормальной жизни, то есть как раз иметь хороший заработок, обустроить свой дом, растить детей, летом ездить с ними на море, выращивать на своём участке редиску и крыжовник.

Р.: – В XX веке наш народ утомили революционеры-большевики. Людям надоело быть орудием для экспериментов, объектом дрессировки.

С.: – Мы возомнили, что несём свет миру. Недаром говорят, что русские склонны окazyваться в плену утопических идей вроде борьбы ради счастья трудящихся всей планеты. И «одновременно с этим, – пишет доктор философских наук Н. Козин в книге «Постижение России», – за XX столетие сформировалось весьма парадоксальное явление: русская нация, претендующая на статус одной из великих наций современности, является нацией с наименее развитым национальным самосознанием, а такая нация лишена элементарных инстинктов национального самосохранения в истории, становится легко доступной для манипулирования любой группой проходимцев и преходящих идей». Как-то читатель «Новой газеты» высказал такую мысль: «Среди российских обывателей легче адаптируется идея национального превосходства, чем идеи толерантности и личной свободы».

Р.: – Идея превосходства – в какой-то мере компенсаторная. Да, мы готовы терпеть притеснения от князя, старосты, мытаря, начальника, но в целом мы – большой независимый народ, в противодействие внешнему агрессору вкладываем всю свою энергию недовольства и обиды, накопившуюся в ответ на деспотизм своих правителей и чиновников.

С.: – Мы всё кичимся достижениями прошлых веков, в основном XIX века, результатами огромных усилий наших предков, но не утруждая ничем себя самих. Не следует нам уподобляться самодовольным гусям, которые гоготали: «Наши предки Рим спасли!», но не смогли ничего ответить на вопрос: «А что же сделали вы сами?» Полёты в космос обеспечивают сотни, ну, тысячи человек, перекрыли Енисей тоже не миллионы, а талантливых прима-балерин из Большого театра и вовсе можно пересчитать по пальцам. Пора каждому спросить себя: а что я сделал для поднятия престижа своего народа, для подтверждения статуса великой нации кроме того, что вчера напился до чёртиков, избил жену и сломал скамейку в сквере?

Р.: – Русское общество очень неоднородно. Оно интересно для социальных психологов, социологов, его менталитет заслуживает пристального изучения, поскольку Россия часто идёт неведомыми путями в поисках главной дороги.

С.: – Менталитет – слово новое, не всем знакомое.

Р.: – Это – широкое понятие, включает в себя психологию народа, его склад ума, мировосприятие, а если ещё шире, то нравы, традиции, образ жизни. Мы, русские, за свою историю накопили огромный опыт самых разных испытаний, катастроф, неурядиц, издевательств судьбы, вплотную узнали, какой получается реализация идеи о самом справедливом строе. Представители других народов удивляются нашей способности стойко переносить самые неблагоприятные явления природы и всякие неурядицы.

Может быть, наша судьба – ставить на себе мучительные эксперименты в назидание человечеству.

Россию называют даже всемирной страдалицей, говорят, что она – душа мира. Может быть, Высший Разум хочет донести через Россию важные идеи до всего человечества, избрав её своим «агентом влияния», наградив ролью мессии. Мессианство – дорогое «удовольствие». Точнее – тяжёлая ноша, даже крест.

С.: – Да, русскую нацию уважали за правдоискательство, за бескорыстие, за душевность и глубинную порядочность, хотя многие русские жили бедновато и ели не слишком сладко. Если же мы эти качества утратим, мы потеряем своё исконное лицо, очень важную основополагающую сущность и превратимся в отсталое третьестепенное общество, даже если у нас прибавится колбасы в мясных лавках, одежды в магазинах и мебели в жилищах. У нас порой говорят, что мы – народ-мессия. Но чтобы претендовать на духовное лидерство, исполнять миссию всемирного масштаба, требуются большие моральные силы, высокая нравственность. А мы грешим направо и налево, нарушаем «оптом и в розницу» все десять христианских заповедей. Кого из нашего времени выделяют потомки и будут им ставить памятники? Мы сами себя порочим убийствами, мошенничеством, неуёмной жадностью, завистью и прочими «доблестями». Разве одна часть общества не думает только о том, как бы объегорить другую часть, выехать за счёт её усилий? Разве враньё не стало у нас нормой? Как-то всё это не даёт нам права претендовать на титул великой нации.

Р.: – Обычно русофобы только на этом и концентрируют своё внимание.

С.: – Верно, гипотетический русофоб видит только наши негативные свойства и привычки. А каков наш джентльменский ответ этому русофобу? Заткнуть ему рот, как это делали в советские годы, и ничего при этом не делать, чтобы у него не было оснований для обидных высказываний?

Р.: – Надо определиться: есть русофобы и «русофобы». Первые – это злопыхатели, у которых в основе высказываний эмоциональная реакция на русских, заведомое, так сказать, «фоновое» неприятие нашего брата, ими движут лишь ощущения, личные интересы, а не осмысленное, обоснованное отношение. Им не очень нужны наши аргументы, у них нет желания, чтобы мы становились лучше, значит, в их глазах мы всё равно останемся порочными. А «русофобы» в кавычках – люди, которые честно и обоснованно отмечают наши недостатки. Многие из этой категории людей искренне хотят нам помочь избавиться от наших изъянов и ошибочных представлений. Их можно даже поблагодарить за критику, а честное признание нами своих проблем только поднимет нас в их глазах. Между критиканами и критиками – большая разница.

С.: – У нас любят прославлять и превозносить русский народ, твердить о его талантливости, об особых душевных качествах. И в то же время многие наплевательски, по-хамски, а то и просто жестоко относятся к реальным соотечественникам, а иные «гордецы» стремятся отстраниться от представителей этого самого русского народа, как от каких-нибудь гастарбайтеров из далёкой отсталой страны. Получается, русский народ – это нечто абстрактное, умозрительное, пришедшее к нам то ли из сказок, то ли из былин, но не имеющее отношения к

нынешней действительности. Однако **основу любой великой державы составляют живущие в ней люди**. Ещё много говорим о патриотизме. Но что такое патриотизм? Это – любовь к своей родине. А родина – это, прежде всего, опять же люди, природа. У нас же многие губят природу, способны избить ни за что ни про что прохожего, устроить погром на мирной уютной улице, то есть они – «антипатриоты». И таких «антипатриотов» – пруд пруди! Убить соотечественника для некоторых – раз плюнуть! На футбольных матчах вопят «Россия, вперёд!» и тут же ломают сидения, крушат вагоны метро. Как же разрушаемая бесчинствующими фанатами родина со сломанными сидениями и разрушенными вагонами двинется вперёд?

Р.: – «Антипатриоты» – на виду. А истинные патриоты о любви к родине не кричат, спокойно и добросовестно выполняют свою работу, они незаметны. Мечта о сильной державе и вандализм, агрессивность по отношению к соотечественникам – явления, связанные между собой. В фильме Э. Рязанова «Забытая мелодия для флейты» В. Гафт пел: «Мы не сеем, не пашем, не строим, мы гордимся общественным строем». Точно схвачена суть нашего общества: раз не складывается личное благополучие, не удаётся преуспевать именно мне, что-то создавать полезное, так пусть сильной и великой будет держава. Когда у человека не ладится жизнь, не получается даже что-то естественное, вполне достижимое в обычном обществе, и препятствие он устранить не в силах, он впадает в состояние фрустрации, как говорят психологи, начинает вымещать свою досаду на всех, кто подвернётся под руку. Мы – люди крайностей. Максимализм сидит в нас весьма глубоко. И поговорки у нас соответствующие: «пан или пропал». «всё или ничего», «мы не знаем удержу ни в хвале, ни в хуле», «или грудь в крестах, или голова в кустах», «или по-моему, или никак» и пр. Нам то и дело изменяет чувство меры. В этом состоит противоречие русского человека: он – индивидуалист, способен усердствовать ради себя любимого, но ему также «за державу обидно». За неё он даже, бывает, готов пожертвовать жизнью. А между этими противоположностями – значительный прогиб.

С.: – Получается любопытная вещь: с одной стороны – гипертрофия государства, с другой – индивидуализация общества. Объединяемся – когда уж совсем прижмёт.

Р.: – Но не дай Бог, если сейчас опять кто-то попытается насильно сгонять людей в колхозы, блоки коммунистов и беспартийных, во всякие союзы и т.д. Да сейчас это и не получится. А вообще трудно делать выводы о нации, её сильных и слабых сторонах на переломе, когда всему человечеству неясно, куда двигаться дальше. Мы за XX век испытали все Танталовы муки, так что мы стали, пожалуй, самым мудрым народом, и

на мякине завиральных идей

нас теперь провести труднее, чем кого-либо.

А мудрость – вещь обоюдоострая. Кого-то она уравнивает, вселяет ощущение реальности, соразмеряет желания и возможности, создаёт новые стимулы к деятельности, к движению вперёд. А кого-то приводит в состояние разочарования, апатии, пресыщенности.

С.: – То мы давали миру уроки социализма-коммунизма, кричали на весь мир, что мы – самое передовое общество в мире. А всё кончилось разрухой, массовой депрессией, проигрышем перед Западом. А сейчас какой урок преподаём, звериного феодализма? Делимся опытом, как заводы и фабрики превращать в руины? Как с нашей безалаберностью схлопотать ещё какую-нибудь техногенную катастрофу, как в Чернобыле или на Саяно-Шушенской гидроэлектростанции? Что же мы всё негативные уроки даём миру? А не позитивные, жизнеутверждающие.

Р.: – Нельзя наш опыт попытки построения социализма зачислять только в негатив. Поменьше надо говорить и о том, что вместе с провалом коммунистического эксперимента мы проиграли «холодную» войну. Слово «проиграли» здесь неуместно. В «холодной» войне не проиграл никто, а начал выигрывать здравый смысл. И с коммунистическим экспериментом всё не так категорично. Заразили социализмом-коммунизмом планету – речь не о Северной Корее, Китае, Вьетнаме и Кубе. Социализм так или иначе пустил корни во всём мире и

прежде всего именно в Западной Европе: взять, например, «шведский социализм». Благодаря влиянию революции 1917 года там существенно улучшилось положение рабочих, появились мощные левые партии во Франции, Италии, нам сочувствовали трудящиеся Великобритании.

С.: – У старшего поколения в ушах ещё стоит трескотня о великом и могучем Союзе, о самом светлом пути, о доблестной партии, ведущей к новым победам, о нашей непотопляемости и неиссякаемости. Радио без умолку вещало о достижениях. А в 90-х годах, когда нас стали выпускать за границу, и мы получили возможность сравнивать себя с другими народами, мы увидели, как сильно, отнюдь не в лучшую сторону, отличается наш «развитой социализм» от «загнивающего капитализма» и по образу жизни, и по материальному положению. И наши люди приуныли: оказалось, всё у нас плохо, по многим показателям плетёмся где-то среди африканских государств.

Р.: – Такое состояние и соответствующие настроения уходят в прошлое. Всех в мире удивляет наша способность мобилизоваться и творить трудовые чудеса за короткое время.

**Мы быстро переходим, как ванька-встанька,
из одного состояния в другое,**

обладаем способностью выкручиваться из самых жутких ситуаций и вдруг по каким-то направлениям оказываемся первыми в мире. Казалось, после массового истребления людей, устроенного Иваном IV, и вскоре после случившейся самоубийственной смуты конца XVI – начала XVII веков, Россия уже не выживет. А она быстро восстановилась, опять стала сильной державой. В январе 1917 года, выступая перед швейцарскими слушателями, Ленин говорил: «Мы, старики, может быть, не доживём до решающих битв грядущей революции». Кто мог в середине XX века предположить, что мы через 12 лет после разрушительной четырёхлетней войны и через четыре года после окончания сталинского правления, погубившего многих талантливых учёных, способны будем первыми запустить в космос спутник, а вслед за этим туда же отправим человека? Всех поразило первенство России на Олимпиаде-2014. Мы сами себя не знаем и удивляемся, когда в нашей стране совершается что-то неожиданное.

С.: – Когда закладывались основы ракетостроения, во многих регионах был голод, за непосильный труд люди получали гроши, в лагерях находились миллионы. Всё, чем мы гордимся, достигнуто очень дорогой ценой за счёт обнищания населения. В этом и состоит наша главная дилемма: величие страны, «имперскость» за счёт жизни и здоровья людей – или благополучие самых широких слоёв граждан, которое как раз и сделает страну великой?

Р.: – Мы – один из самых противоречивых и непредсказуемых народов мира. За последние четверть века в России, несмотря на неудачи, ошибки, деяния злоумышленников и противодействие реакционеров, произошли разительные, по историческим меркам, перемены. Это – наша особенность: превращения в обществе вызревают подспудно, незаметно для сторонних глаз, да и для собственных. И вдруг – люди проснулись в другой стране, как у нас говорят. К оптимистичному выводу приводит простой факт: несмотря на обилие держиморд, стяжателей и дармоедов, страна по-прежнему стоит, живёт себе и здравствует, как ни в чём не бывало, и даже развивается. Порядочных, работающих людей несравнимо больше, чем прохиндеев. Тысячелетняя общечеловеческая матрица русской нации восторжествует, гены нации скажут своё слово. Мы переживём этот необузданный, бесхозяйственный, расхлябанный постсоветский период и восстановимся в нашем традиционном виде с поправкой на XXI век. Энтузиасты отнюдь не исчезли. Они, пожалуй, – самая ценная порода людей. Потребители и приспособленцы должны пропустить их вперёд и не противодействовать – для своего же благополучия.

С.: – Да, пропустят они, как же! На то они и приспособленцы, чтобы захватить самые тёплые места, блокируя все начинания, которые сулят принести эффект в будущем. Именно они будут громче всех кричать о великой нации, в который раз говорить, что Россия – страна Ломоносова, Достоевского, Репина, Чайковского, но всячески препятствовать появлению новых

талантов. Нам нужны не столько громкие слова, сколько скрупулёзный молчаливый труд. И поменьше думать о своём месте в истории, в мире.

Р.: – Кто бы спорил, что любое возрождение не приходит само по себе. И всё-таки порядочность, совесть и благородство активизируются и побеждают коллективные иждивенчество, беспардонность и негодяйство.

ОТКУДА ВСЁ-ТАКИ ПРИШЛО СЛОВО «РУСЬ»?

Сердитый: – Нам нравится гордо говорить: «Мы – русские!» А почему мы так называемся? Откуда взялось прежнее название нашего государства «Русь»? Что это за понятие, ведь страны такой до IX века не было, на картах племя с этим названием не значится. Кто угодно есть – словене, кривичи, белые хорваты, поляне, тиверцы, пруссы, эсты, но только не русы или руссы.

Рассудительный: – Пока у историков нет ясного понимания происхождения слова «русь», которое официальная история до этого связывала с норманнской теорией призвания варягов в 862 году и зарождения древнерусского государства. По известному преданию, в IX веке дружина балтийских варягов брала дань с северных славянских племён словен и кривичей и финских племён. Собравшись с силами, эти племена прогнали пришельцев. Но начавшиеся внутренние раздоры заставили их во второй половине IX века призвать для обороны от дальнейших нападений других варягов, которых звали Русью, а именно князей Рюрика и его братьев, правление которых, по-видимому, было обусловлено договором. После этого и наше отечество стало называться Русью. «Повесть временных лет», составленная в начале XII века на основании предшествовавших летописных сводов древнерусским писателем, по-видимому, монахом Киево-Печерского монастыря Нестором, рассказывает, что приглашение варягов звучало так: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет: да поидите княжить и володети нами». Однако попытки найти скандинавские корни слова «русь» не привели к успеху. Даже сторонники этой теории признавали, что Русь существовала в южной России уже до «призвания варягов» – как минимум, на два столетия раньше.

С.: – Действительно, плохо верится в то, что славянские племена обратились снова к варягам, против которых перед этим восстали и которым отказались платить дань, с просьбой, чтобы они ими же пришли управлять. Можно ли себе представить? – к продавцам в ларьках повадились собирать мзду рэкетиры из какого-то посёлка. Но вот продавцы рынка объединились и прогнали рэкетиров. А через несколько дней сами пришли к жителям того посёлка, откуда рэкетиры, и стали их просить руководить всем их торговым сообществом, поскольку у них не стало согласия. Абсурд! Это притом, что славяне всё глубже уходили в дремучие леса с целью жить своим умом, своим родом.

Создается впечатление,

будто летопись писалась под диктовку варягов.

Как история фальсифицируется в угоду правителям, мы прекрасно знаем. Достаточно поменять один глагол «володеть» на «охранять», как принципиально меняется смысл. Но зачем тогда, спрашивается, нанимали инородцев? Своих героев не было?

Р.: – До монголо-татарского нашествия наши предки приглашали князей с дружинами для защиты, для выполнения военных функций. Ни народная молва, ни летописи не донесли до потомков сведений о каких-либо столкновениях в середине IX века славян с варягами.

С.: – Однако официальная норманнская версия так и не проясняет, где всё-таки источник этого загадочного слова «русь», от которого мы стали называться русскими.

Р.: – Существуют такие легенды. В «Великопольской хронике», как сообщает доктор философских наук В. Дёмин в книге «Тайны земли русской», говорится о происхождении трёх братских народов – поляков, русских и чехов – от трёх братьев: Леха, Руса и Чеха, – их отцом был Пан, потомок библейского Иафета, Ноева сына. А в «Истории Польши» крупнейший польский мыслитель и хронист Я. Длугош, живший в XV веке, называет Руса основателем «необычайно обширного русского государства». О происхождении русского народа от праотца Руса писал также в XVI веке Марцин Бельский в своей знаменитой «Хронике всего мира». «О Русе как прародителе русского народа сохранились также сведения арабских и персидских авторов,

опирающихся на дневниковые записи восточных купцов, на протяжении многих веков проникших на Русь», – рассказывает дальше Дёмин. Ссылаясь на предание, автор книги «Тайны земли русской» сообщает, что в середине III тысячелетия до новой эры на Волхове был основан город Словенск. Дёмин полагает, что именно здесь появились князья Словен и Рус – будущие правители Северной Руси, а основателем Русского государства было племя словене, то есть жители города Словенска. И в «Повести временных лет» есть фраза о том, что жители Великого Новгорода «прежде бо беша словени», что даёт основания предположить: Новгород был построен на месте старой столицы Словенска по имени князя Словена – основателя стольного града.

С.: – Автор книги «Предыстория Руси» В. Гобарев подтверждает: «Словенск в течение многих веков, возможно, прошлой эры неоднократно отстраивался после различных бед и запустений и уже в нашу эру получил название Новгород».

Р.: – Однако термин «словене» употребляется в Начальной летописи и как собирательное понятие «славяне» для обозначения единоплеменников – русских, поляков, чехов, болгар, сербов, хорватов и других, говорящих на родственных славянских языках. «Большинство из дошедших до наших дней древнейших летописей писалось и исправлялось в угоду правившим киевским князьям Рюриковичам, а в дальнейшем и московским великим князьям и царям, – продолжает автор книги «Тайны земли русской». – Новгородские же летописи, имеющие совсем иную политическую направленность и раскрывающие подлинные исторические корни как самого русского народа, так и правивших на Руси задолго до Рюрика князей, замалчивались или попросту уничтожались. В угоду Рюриковичам была перекроена вся прошлая история. Признать, что русская княжеская династия существовала до Рюрика, считалось во времена Нестора страшной и недопустимой крамолой. Вот почему в «Повести временных лет» нет ни слова о Словене и Русе. Точно так же игнорирует Нестор и последнего князя дорюриковой династии Гостомысла – лица исторического и упоминаемого в других первоисточниках, не говоря об устных народных преданиях. Изымались и выскабливались с пергамента любые упоминания про то, что задолго до Киевской Руси в северных широтах процветала Словенская Русь, чьей преемницей стала Русь Новгородская. О том, что там было раньше, можно судить по летописи новгородского епископа Иоакима, умершего в 1030 году, и которая дошла до нас лишь в пересказе В. Татищева в его Истории российской», – указывает В. Дёмин.

С.: – Легенда о Ляхе, Чехе, Русе и Словене убеждает нас в том, что **князья к нам пришли из славянских племён, а не из Скандинавии.**

Р.: – В самой летописи, написанной в XII веке о событиях IX века, говорится о Руси как о славянском понятии. Например, там есть такая фраза в переводе на современный язык: «Словенский язык и русский – одно и то же». Географ Ибн Хордадбех, живший в IX веке и одним из первых арабоязычных авторов упоминавший о восточных славянах, в частности, заявил: «Русы суть племя из славян». М. Ломоносов выводил русь из славян Пруссии, Н. Костомаров – из Литвы, С. Гедеонов в середине XIX века утверждал, что термин «русь» происходит из прибалтийско-славянских языков, и выдвигал версию призвания варяжских князей со славяно-балтийского поморья, несколько авторов выводили их конкретнее от полабских славян. Самое западное их племя – ободриты, или бодричи, – заселяли берега Мекленбургской бухты Балтийского моря. У ободритского союза были города Рерик, Велиград, Зверин, Старград, Ратибор и другие. Историк Е. Классен в книге «Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов дорюриковского времени в особенности», написанной в середине XIX века, ссылаясь на древних авторов: «Географ Баварский и К. Багрянородный пишут, что славяне за несколько веков до призвания варягов построили на территории нынешней Германии множество городов, укрепленных и многолюдных. Римский писатель-историк Тацит в 60 году после Рождества Христова говорил, что германцы ещё не знают городов, а славяне строят прочные деревянные дома и укрепленные города». В VIII веке на ободритов, как замечает В.

Курбатов в книге «Тайные маршруты славян», «обрушилась вся сила молодого германского этноса, сплочённого католической религией». Часть их переселилась на Ильмень и Ловать, где был построен Новый Град – в отличие от Старого Града близ Балтийского поморья, ныне Stargard. Постройку Нового Града Классен относил к 216 году до Рождества Христова, то есть более чем за тысячу лет до призвания варягов. Далее он писал: «У некоторых византийских историков есть сведения, что Новгород ещё в VI веке славился особенным богатством, чего без торговли быть не могло». Впрочем, некоторые факты автору подсказали, что торговля Новгорода существовала ещё раньше примерно на шесть веков.

С.: – Киев тоже был основан раньше официально принятого времени.

Р.: – Совершенно верно! Е. Классен в своей книге сообщил: «Некоторые византийские историки говорят, что Киев построен в 430 году, другие же утверждают, что он построен до Рождества Христова. Славяне, населявшие наши земли до 862 года, имели множество городов, что явствует из русских, греческих, латинских, немецких, скандинавских летописей. Когда Ольга осадила в 946 году город Искоростень, то велела объявить его жителям, что уже все древлянские города сдались. Следовательно, и древляне, это грубейшее славянское племя, имели много городов, ими построенных, – сделал вывод историк. – Скандинавы называли нынешнюю северную Россию «Гардариками», то есть государство, из городов состоящее. Скандинавы сами называют его Rýszaland, то есть земля руссов. Когда Скандинавия не имела ещё городов или имела, но мало, Русь изобиловала ими». Л. Гумилёв тоже полагал, что нельзя считать русов скандинавскими варягами, так как последние начали свои походы в IX веке, а

русы известны как самостоятельный этнос авторам VI века.

«Скандинавские этносы достигли фазы пассионарности, позволявшей им принять участие в создании суперэтноса, только в XII веке», – писал Гумилёв. Но историк полагал, что русы, или россы, – этнос отнюдь не славянский. Они населяли Поднепровье и бассейн озера Ильмень до того, как славяне в VIII веке проникли в Восточную Европу. «После того, как в 602 году авары напали на антов, по-славянски полян, их остатки объединились с этносом русов, – уточнял Гумилёв. – Немецкие хронисты называли их «руги», родиной их была южная Прибалтика, где они оставили след в названии острова Рюген. Слияние полян с русами в единый этнос осуществилось лишь в X веке. Славянский элемент восторжествовал, сохранив от русов только название: «Поляне, а же ныне рекомые Русь».

С.: – До сих пор понятие «варяги» ассоциируется только с норманнами, или викингами, то есть выходцами из Скандинавских стран. Если Рюрик – выходец из скандинавского народа, то почему он и его родственники, его окружение исторически молниеносно адаптировались к другому этносу, к иной культуре, к местности, где молятся другим богам?

Р.: – Ссылаясь на «Повесть временных лет», В. Ключевский сообщал, что варяги в большом количестве наполняли русские торговые города на пути «из варяг в греки», проходившем по Волхову, Ловати и Днепру мимо Новгорода, Смоленска и Киева. Места концентрации скандинавов носили характер торгово-ремесленных поселений со смешанным населением. Вместе с купцами в городах восточных славян появлялись и их защитники – скандинавские воины-викинги. На Киевской земле варягов скопилось так много, что утвердившаяся здесь часть варяжской дружины Рюрика во главе с Аскольдом и Диром смогла набрать целое ополчение, с которым отважилась в 860 году напасть на Царьград. В IX веке варяги освоились на берегах Чёрного моря, которое тогда называлось Русским. По нему, по свидетельству арабов, никто кроме Руси в начале X века не плавал. В IX и X веках, сообщал Ключевский, «Русь – ещё не славяне, они – пришлый и господствующий класс», утвердившийся над восточными славянами. Варяги-воины нанимались «за хороший корм» к местным купцам, конвоировали торговые караваны. Но взявши в свои руки защиту торгового движения, варяги скоро политически подчинили себе и всю округу. А в Новгороде заморские князья с дружинами, призванные для защиты страны от внешних врагов и получавшие от новгородцев определённый корм,

вскоре «желали кормиться слишком сытно, а почувствовав свою силу, наёмники превратились во властителей».

С.: – В этом построении Ключевского много несуразностей. Как могли выходцы из Скандинавии, самбй в VIII-IX веках ещё очень слабо заселённой, в таких больших количествах заполнить огромную территорию, которую пронизывал «путь из варяг в греки», обосноваться и в Киеве, и в Новгороде, и до самого Чёрного моря в качестве властителей, и без сопротивления подчинить себе славянский народ? Да ещё так прочно укрепиться в Причерноморье, что по имени этих северных пришельцев стали называть целое море? Чтобы удостоиться такой чести, нужны века, либо обитание на его берегах многочисленного народа. Вызывает большое сомнение быстрое географическое распространение имени Русь, завоевание варягами колоссального пространства от Финского залива до Чёрного моря, если вести начало его от призвания варяжских князей. В IX веке у скандинавских народов просто не хватило бы сил даже на мирное завоевание огромной территории и на основание государства. Как смогла большая масса пришлого народа так быстро «ославяниться» и напроць забыть родной язык? Обычно господствующий класс навязывает свой язык и свою культуру, а не наоборот. И как чужеземцы, купцы и воины с дружинами, сумели так быстро присвоить целому ряду тогдашних племён своё слово «Русь», возведя его в ранг названия огромного государства?

Р.: – Из-за всяких несоответствий многие историки не приняли норманнскую теорию призвания варягов на нашу землю и якобы скандинавское происхождение слова «Русь». «Историки замечают не без удивления, что хотя варяги пришли к нам, никакого никогда «варяжского периода» по колориту, по духу у нас не было, – писал философ и публицист В. Розанов. – Точно всех этих варягов тотчас же по пришествии окрестили и наказали им не помнить ничего из старого басурманства». Австрийский дипломат С. Герберштейн писал в своих «Записках о Московии», что вандалы, к коим относились и варяги, «имели общие с русскими язык, обычаи и веру», поэтому Гостомысл, «муж благоразумный и уважаемый новгородцами», посоветовал землякам пригласить на княжение «вандала» Рюрика. У историка Е. Классена, автора книги «Новые материалы для древнейшей истории славян...», на этот счёт есть такое мнение: «Вблизи Скандинавии было две России: Новгородская Россия или Русь, существовавшая до призвания варягов, и вторая, поморская, относительно первой западная Россия. Восточная принадлежала к греческой церкви, а западная к латинской. В западной жили варяги преимущественно у берегов Балтийского моря, что явствует из жизнеописания Киевопечерских иноков. Военная каста варягов нанималась охранять торговые суда с доисторических времён до XIV века от нападений разбойников. Кроме охранения сопровождаемых ими судов, варяги и сами занимались торговлей. Из латинской России и были призваны на княжение варяги-русы». «Скандинавоманам», отстаивающим шведское происхождение варягов-руси на основании, в частности, того, что в Швеции есть область, издревле называемая Рослагеном, Е. Классен возражал так: «Рослаген – приморское местечко, которое может вместить 5 тысяч торговых людей с их балаганами, но при оседлой жизни недостаточное и для 500 душ. Притом само слово Roslagen состоит из двух: Ross – Русь и Laga – кочевье, что означает лагерь или кочевье руссов. То есть руссы там временно пребывали».

С.: – Итак, варяги – это не название этноса.

Р.: – Д. Лихачёв в книге «Раздумья о России» разъясняет, что

варяги были разных национальностей, в частности, варяги-русские,

англо-варяги, что в дружинах Руси были представители разных стран и народов: скандинавы, немцы, половцы, болгары, восточные славяне, но все русские князья, кем бы они ни были по крови и именам, говорили только на разговорном славянском языке, читали по-славянски, и никаких следов скандинавов в русском христианстве не сохранилось. В. Дёмин предполагает, что русские варяги – последние гиперборейцы, хранители традиций погибшей арктической прародины. «Жили варяги в основном на побережье Балтийского, или Варяжского, моря, –

повествует он в книге «Тайны земли русской», – были хорошо организованы, обладали богатым опытом во всех областях хозяйственной жизни, торговли, государственного управления и особенно воинского искусства. Потому-то и обратились в 862 году новгородцы к Рюрику. И русские варяги быстро и охотно откликнулись, а затем плодотворно поучаствовали в становлении Руси и российской государственности. Варяго-русы были одной из ветвей славянской общности, имевшие кастовое деление и особый, преимущественно воинский и торговый уклад жизни, унаследованный ещё от гиперборейских времён. Русские варяги никакого отношения к скандинавским викингам, или норманнам, не имели, хотя и сосуществовали рядом».

С.: – А откуда взялось понятие «варяги»? Что оно означало?

Р.: – «Вероятно, это слово восходит к древнескандинавскому *varing* от *var* – верность, порука, клятва, – высказывает предположение М. Немов в статье «Спор длиною в столетия», напечатанной в журнале «Статус-кво». – Получается, что варяг – человек, вошедший в какое-то объединение, команду на основе клятвы, под поручительство. Не являются ли поморские западные славяне теми самими «варунгами-варягами», принимаемыми в дружины викингов под поручительство? То есть они – «подклятенные», «ассоциированные», не вполне полноправные союзники истинных викингов-норманнов». Е. Классен в середине XIX века писал: «По сие время в Тамбовской губернии «варяты» означает заниматься развозной торговлей. Сначала торговля севера Европы была в руках одних славян. Мало-помалу входили в торговлю скандинавы и англы. Образовался Ганзейский купеческий союз, в который в XII веке вошёл Новгород». М. Ломоносов полагал, что варяги – собирательное название всех северных народов, занимавшихся мореплаванием по Балтийскому, или Варяжскому, морю, что они в 862 году на Русь пожаловали из славянской Пруссии, а происхождение Рюрика Ломоносов возводил к славянскому племени роксолан. Н. Ульянов из США в статье «Исторический опыт России», напечатанной в журнале «Бежин Луг», ссылается на профессора П. Смирнова, который на основании собранного обильного материала утверждал факт существования в VIII веке Варяжского каганата на Средней Волге. Г. Вернадский высказал мысль о таком же каганате на Дону и в Приазовье. Это даёт ещё больше оснований усматривать в варягах отечественный элемент.

С.: – Но особенно рьяно норманнскую теорию отвергал историк Д. Иловайский.

Р.: – Да, в книге «Начало Руси» он развернул целую систему доказательств, опровергая северное происхождение понятия «Русь». Он указывал на то, что Несторова летопись в первобытном своём виде до нас не дошла, претерпев более позднюю редакторскую обработку в конце XII – начале XIII веков. Иловайский сомневался, чтобы несколько народов не одного племени разом сговорились и призвали для господства над собой другой народ, то есть добровольно наложили бы на себя чуждое иго. При слиянии русского народа и славянских племён не отмечалась какая-либо борьба. Отсутствуют намёки на это и в иноземных источниках. В те годы стремление скандинавских народов – датчан, норвежцев, шведов – было обращено к берегам Западной Европы, на Англию. Викинги совсем по-другому вели себя в завоёванных землях, например, при захвате ими города Йорка.

Племя «Русь» не было известно в Скандинавии

и не упоминалось в скандинавских сагах до XI-XII веков, когда это название относилось уже к организованному русскому государству. «Скандинавские саги в общих чертах сходятся с нашими летописями, за исключением басни о призвании варягов, которая скандинавам была неизвестна, – утверждал Иловайский. – Известие о призвании варяжских князей или о пришествии Руси из Скандинавии отсутствует во всех иноземных источниках. Да, саги подтверждают, что норманны служили на Руси в качестве наёмных дружин за хорошее вознаграждение, но это обычная практика – нанимать в качестве охраны опытных и сильных воинов. Но если бы Русь была только пришлой дружиной, – задаётся вопросом автор книги «Начало Руси», – то куда же бесследно девался русский народ в Скандинавии, из которого вышла эта дружина?»

Оппонент норманистов обращал внимание на то, что западные пределы руссов простирались до Карпат и дальше, где была Галицкая или Червонная Русь, которая, по летописи, только при Владимире впервые примкнула к общему составу Руси. Никак не могли скандинавское имя так быстро присвоить народу Галиции. А существовало ещё название Угорская Русь. Из чего Иловайский сделал вывод, что русское племя обитало в Карпатах прежде пришествия угров-венгров, то есть оно было там старожилом. Карпатская и Угорская Русь могла быть населена белыми хорватами, которые, безусловно, были славянами.

С.: – А сейчас на территории бывшей Карпатской или Угорской Руси живёт маленький народ русины. Ещё они живут в северо-восточной Словакии, на севере Румынии. Очевидно, их можно считать потомками белых хорватов.

Р.: – Русины выделяют себя как отдельную исконно славянскую народность, известную с VI века. И сама летопись, и арабы уже в IX веке Черное море называли Русским. Иловайский не сомневался, что Русь, Рось и Роксаланы – названия одного и того же народа, известного с начала I века до новой эры. Историк полагал, что название Русь как этнографический термин имело весьма растяжимый характер, обнимая всех восточных славян или, если уже, славян южнорусских. То есть Русь была тождественна со славянским племенем полян, и уже в начале X века употребляла славяно-русский язык и славянскую письменность. А матерью городов русских называли Киев, а не Новгород. Все эти факты подтолкнули Иловайского к выводу, что **русская земля была на юго-западе и на юге, а не на севере,**

и простиралась очень широко от Карпат до Чёрного моря и Дона, включала среднее и нижнее Поднепровье. Лишь в XI веке русские оттеснялись кочевниками с юго-востока на север.

С.: – Однако нет общего мнения насчёт того, считать русов-руссов этнической общностью или неким социальным слоем разных этносов.

Р.: – Некоторые историки предполагают, что руссы были активной политической силой от Пиренейского полуострова до Кавказа, где фигурируют в источниках в VI веке. С. Юшков считает, что это было не этническое образование, а социальный слой общества, воины. Возникновение Руси связано с зарождением у восточных славян классового общества, и Русь представляла собой социальную группу, возникшую в среде восточного славянства и стоявшую над славянами. Киевская Русь получила имя от представителей воинской касты руссов – прототипа будущего казачества. То есть это дружинники, профессиональные воины и купцы – жители городов, а остальные славяне – земледельцы-общинники, были руссам подвластны. Позже всю подчинённую им общность народов стали называть руссами, или русскими. Российский славист и историк, академик Н. Державин в книге «Происхождение русского народа» возражает Юшкову, что на обширном пространстве от Угорской Руси до Тмутараканской Руси, существовавшей на побережье Азовского моря, не могло появиться под таким названием лишь некое сословие из славянских же племён, пусть даже имевшее более высокую культуру. Термин «Русь» славяне унаследовали от далёких дославянских предков. А основы первого восточно-славянского государства – Киевской Руси – в IX веке заложили анты, которых большинство специалистов относят к славянам. «В своём хозяйственном, культурном и общественно-политическом развитии анты уже к VII веку имели такой уровень развития, которого норманны достигли только в IX веке, – делает вывод Державин. – Многие явления киевской жизни X-XI веков уходят корнями в антскую культуру, на которую не могла повлиять горсточка искателей приключений с севера». Особую позицию занял историк И. Данилевский. В книге «Древняя Русь глазами современников и потомков» он высказывает предположение, ссылаясь на древнерусские источники, что прилагательное «русский» соответствует конфессиональному, а не этническому определению.

С.: – Особенно рьяно стали выступать против норманнской теории в последние десятилетия. Выявляются новые аргументы в пользу того, что Русь родом не из Скандинавии, что славяне, а не викинги, создали древнерусское государство.

Р.: – Да, наблюдается такая волна. В том, что мы до сих пор руководствуемся фальсифицированной версией истории Древней Руси в угоду боярству и династии Романовых, наряду с В. Дёминым, убеждён историк В. Макаренко. А доктор исторических наук Н. Гусева в книге «Русские сквозь тысячелетия» ссылается на исследования лингвиста О. Трубачёва, который сообщает о том, что термин Русь постоянно встречается в Причерноморье и Приазовье. Варяги, которые якобы пришли в 862 году на Русь, как пишет П. Сапронов в книге «Русская культура», сами находились на догосударственной стадии существования, а германцы, скандинавы были лишены государственных добродетелей.

С.: – С. Валянский и Д. Калужный, авторы книги «Явление Руси», вообще считают, что упомянутое в летописи «призвание варягов» могло быть мелким событием, раздутым до неимоверных размеров.

Р.: – В. Дёмин предлагает по-другому воспринимать сакраментальную фразу, обращённую к Рюрику от погрязших в распрях племён: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет», которая по-прежнему переводится в смысле «порядка в ней нет». «Однако подлинный смысл Несторовой фразы, – разъясняет автор книги «Тайны земли русской», – связан с управлением и организацией. Их-то и недоставало рассорившимся новгородцам, поэтому они обратились за помощью к близким по происхождению и языку варягам. Другими словами, требовался распорядитель, руководитель, управляющий. Русский народ всегда нуждался в добрых пастырях и талантливых вождах, с которыми он становился непобедим». «Рюрик объявлен норманистами скандинавом, но «ходить за море к руси» – не обязательно переплывать Балтийское море, а можно было пройти вдоль его берега каботажным плаванием, – вступает В. Курбатов в книге «Тайные маршруты славян» в спор с последователями норманнской версии. – Русы клялись не норманнскими, а славянскими языческими богами». Курбатов придерживается мнения, что русы, или руссы, – это древний, дославянский индоевропейский народ, из которого выделилась каста воинов. Называют несколько районов локализации племени «Русь»: Прибалтику, Центральную Европу, а также между Доном и Днепром, вычленив его из Хазарского каганата как Русский каганат. Они обитали у озера Ильмень, в верховьях Днепра и Волги уже в VIII веке. Но западные славяне, в том числе русы, проживали в тесном контакте со скандинавами».

С.: – За опровержение норманнской теории происхождения руссов и Рюрика взялся даже писатель-сатирик М. Задорнов, который с помощью трудов историков Л. Грот и В. Меркулова изложил свои выводы в книге «Князь Рюрик; откуда пошла земля русская», в частности: Рюрик – родом из города Рарог, главного города бодричей. Автор даже называет Рюрика внуком словенского князя Гостомысла, который и призвал его в Новгород.

Р.: – «На Эльбе, или Лаббе, есть город Рослау, имевший древнее имя Русислава, – напоминал Е. Классен. – Это свидетельствует о том, что там некогда сидели руссы и что Русь была славянская, а не скандинавская, о чём говорит вторая половина имени города «слава». Причём город этот старше 862 года, стало быть Русь была там до пришествия варягов в Новгород. Город Старая Русса в 862 году время уже существовал, и нет сомнения, что он населён был руссами. Из Старой Руссы последовало переселение к Балтийскому морю, и переселенцы построили там новую Руссу. Это произошло, по крайней мере, лет за 400 до Рождества Христова, ибо за 320 лет до него уже было известно о существовании торгового поморского города Новая Русса». Классен утверждал, что почти вся нынешняя восточная Пруссия, простиравшаяся до самых пределов тогдашней Саксонии или до Бранибора, нынешнего Бранденбурга, и до берегов Эльбы или Лабы, имела тогда название Порусь – *Vorussia*, в котором славянская буква «п» заменена латинской «в». То есть древние пруссы, по мнению Классена, были поморскими рус-

сами. А имя Рюрик – чисто славянское. Рарог у бодричей, рюрик у поморян, рурк у верхних лужичан – всё это означало «сокол».

С.: – Русское море на юге, Тмутараканская Русь на Кавказе, Угорская Русь и русины на западе, Пруссия и славяно-руссы на Балтике. В итоге создаётся впечатление, что русы-руссы, – весьма широкое понятие, выходящее за рамки какого-то племени, шире некоей касты воинов разных племён.

Р.: – Это же подтверждают корни «рос» и «рус», которые встречаются в топонимах по всей Европе и в значительной части Азии. О славянском происхождении слова «русь» свидетельствует такой консервативный и неоспоримый элемент как гидрографическая топонимика. Историки приводят массу примеров, указывающих на древнее происхождение корней в названиях рек и производных слов «русло», «русалка» и пр. С. Геденов обращает внимание, что всё пространство от Волги до Немана покрыто реками, носящими названия с корнями «рос» и «рус». Иловайский констатирует, что названия Рось и Русь были одними из любимых и наиболее распространённых славянских названий на территории от Ильмена до Нижней Волги. В среднем течении Днепра существуют река Рось, ещё одна Рось – приток Сейма. А ведь это – обычный случай, когда племя или народ даёт своё имя рекам, горам, озёрам. Н. Гусева сообщает, что М. Ломоносов реку Неман называл Русой, а в самой летописи эта река названа именем Русс. Д. Иловайский тоже название Пруссия связывает с прежним названием Немана.

С.: – Единство этих двух корней дошло до наших дней: в России живут русские.

Р.: – В. Курбатов в книге «Тайные маршруты славян» свидетельствует, что **количество топонимов в Европе, содержащих корень «рус», огромно**, особенно в современной Польше, на Балканах, в районе Карпат и в северо-западных областях нынешней России. Из чего специалист заключает, что было два маршрута появления основы «рус» в названиях объектов в Восточной Европе – с запада на восток и с юга на северо-восток. На северо-западе Европы районом локализации руссов Курбатов видит южнобалтийские территории современных Германии и Польши – исконные земли обитания западных славян, откуда они двинулись в разные стороны. В Скандинавию русы попали через Данию. При движении на восток они левым крылом накрыли Приильмень, второе крыло, вероятно, позже вышло к Москве. Целый ряд топонимов, в том числе с основой «русан», как установил исследователь, пришёл на земли нынешних Украины и России с Балкан.

С.: – Но почему же всё-таки норманисты призвание варягов связывают со словом «Русь»? Может быть, это просто совпало по времени с активизацией в Поднепровье русов? Если изначально происхождение имени Русь тяготело к югу, слово «русь» принесли в Новгород славяне при своём перемещении на северо-восток.

Р.: – Возможно, так и было. Ведь руссы-славяне в течение тысячелетий жили в Центральной Европе, образовав, в частности, Русь Подкарпатскую. Историк А. Елисеев сообщает: «Одной из военно-морских баз славян был остров Русия, описанный арабами. По мнению академика О. Трубачёва, наиболее вероятно его расположение в Приазовье в устье Кубани». Ссылаясь на польского писателя М. Стрыйковского, пользовавшегося материалами не дошедших до нас русских летописей, Елисеев делает предположение, что «часть русов во главе с князем Кием, пришедших с Приазовья к Днепру в земли полян в качестве окраинной «казачьей» силы, основала город Киев. В IV веке Кий и пассионарная группа русов создали государство Киевская Русь. Можно говорить, что в следующие несколько веков это была мощная держава славяно-русов. Династия Киевичей просуществовала вплоть до смерти Аскольда и Дира в 882 года». В это время славянские народы занимали пространство от Дуная до Волги, среди них, как замечает Иловайский, главенствующее положение занимали русы или руссы.

С.: – В последнее время историки и лингвисты стали особое внимание уделять этрускам и их происхождению. Можно предположить, что они – наши предки: некогда иноземцы словосочетание «это русские» услышали как «этруски», и новое понятие вошло в историю.

Р.: – Как говорится, в любой шутке есть доля истины. Сами представители итальянской исторической науки высказали предположение, что **этруски – славяне, пришли с территории нынешней России**. Нашу связь с этрусками подтверждают исследователи. Российский филолог и языковед Н. Марр обнаружил в русском языке среди наиболее употребительных коренных слов много этрусцизмов. Некоторые этрусские слова напоминают современные белорусские. Этот народ жил в 1-м тысячелетии до новой эры на северо-западе Апеннинского полуострова. А вообще они, как уверяет В. Дёмин в книге «Загадки русского Севера», родом с Севера. «На Апеннинский полуостров они принесли полярный гиперборейский календарь, где было только десять солнечных месяцев, а остальные соответствовали полярной ночи, – рассказывает Дёмин. – Несмотря на три реформы календарей, память об арктической прародине дожила до наших дней. И никто даже внимания не обращает на такой абсурд: двенадцатый месяц – декабрь – переводится как «десятый». Соответственно, ноябрь был девятым месяцем». Лингвист Г. Гриневич сравнил с этрусскими письменами древнеславянские, и его поразило сходство между ними, из чего он сделал вывод, что этруски – праславяне. В книге «Праславянская письменность» Гриневич сообщает, что этруски, как утверждал греческий историк Дионисий Галикарнасский, называли себя «расена», а в словаре философа и географа Стефана Византийского они названы «словенским племенем». По мнению греческого историка Гелланика, этруски – ответвление эгейских пеласгов. Изгнанные греками, они приплыли к устью реки По, продвинулись вглубь нынешней Италии и поселились там. Латиняне называли этот народ этрусками, а сами себя пеласги – рысичами. Этрурия появилась задолго до Римской империи. Уровень развития этрусков был гораздо выше римлян. Римляне многое переняли у этрусков, в частности цифры, строительство дорог, планирование застройки самого Рима. Этруски были образцом в строительном деле и прикладных искусствах, они ввели водопровод и канализацию, научили римлян судостроительству и искусству вождения кораблей. После 283 года до новой эры вся Этрурия попала в зависимость от Рима.

А вот что поведал в своей книге Е. Классен: «У древнейших греческих писателей мы читаем, что в верхней Италии сидели геты-русы, которых позднейшие историки переделали сперва в гетрусков, а потом в этрусков. Многие древние историки подтверждали славянство этрусков. Их памятники на славянском языке повышают эту гипотезу до несомненности».

С.: – Итак, непреложным фактом является то, что слова Русь, русские, русины, Пруссия и этруски – однокоренные. Однако исчерпывающе и убедительно теперь вряд ли кто-нибудь определит истинное происхождение слова «Русь». В общем, не повезло нам с нашей родословной. Например, у венгров предки – целая орда угров, у французов – племя франков, румыны гордо заявляют, что они – потомки даков, у поляков предки – поляне, в древние времена было племя белых хорватов, словенцы и словаки могут сослаться на племя словене.

Р.: – И сейчас Словения и Словакия называются на своих языках почти одинаково: республики «Slovenija» и «Slovensko».

С.: – То есть перечисленные народы знают, как назывались племена, от которых они произошли. А мы – будто незаконнорожденные дети от некоего мифического то ли племени, то ли сословия «Русь», о котором никто ничего не знает.

Р.: – Но как бы то ни было, принадлежало это название сильному и многочисленному народу. А нам остаётся принять нашу историческую судьбу такой, как она сложилась, и по этому поводу особо не переживать.

ЗА ВОИНСТВЕННОСТЬ ЛИ НАС НЕ ЛЮБЯТ?

Сердитый: – Многие проблемы человека зарождаются в детстве. Проблемы нации – тоже из её «детства», поскольку человеческая психология – вещь весьма консервативная. Неудивительно, что иные тексты о нас и о стране, написанные сто, двести и более лет назад, воспринимаются так, будто написаны вчера. Наше «детство», хоть как-то отслеживаемое, – первое тысячелетие новой эры, до крещения Руси. О нас, русских, иногда говорят, что мы – агрессивный народ, склонный к экспансии. Но как мы, свирепые захватчики, оказались в самой неудобной для жизни части Земли, когда другие народы, наоборот, шли в Центральную Европу? Какими мы были на заре своего существования?

Рассудительный: – То, что наши предки уходили всё дальше на северо-восток, сначала на Оку и Волгу, а потом в Сибирь, не ввязывались в стычки с пришельцами с запада и юга, говорит о том, что наши предки были миролюбивыми людьми, предпочитали уходить от столкновений, осваивали пустые таёжные просторы. Стало быть, высказывания о нашей, русских, повышенной агрессивности – скорее миф, чем реальность. «На Дунае у славян, – писал историк С. Соловьёв, – было много врагов: с запада – кельты, с севера – германцы, с юга – влады, римляне, с востока – азиатские орды, только на северо-восток был свободный путь». Одни славянские племена обосновались на Висле, другие освоили земли между Одрой и Лабой. Но во II-III веках германские племена готов вытеснили потомков венедов из междуречья Одры и Лабы. Им пришлось уйти на менее приспособленные для жизни восточные земли, хотя на старом месте, в нынешней Германии, полабские славяне есть по сей день. В IV-V веках переселенцы из района Вислы и Одера осваивали Приильменье.

С.: – Считается, что основная масса славян переселялась на северо-восток с Дуная, из района Карпат.

Р.: – Автор книги «Тайные маршруты славян» В. Курбатов на основании идентичности названий населённых пунктов, рек и других географических объектов выделяет четыре пути миграции славян в северо-восточную часть Европы: прибалтийский; польский – из центральной и северной Польши; южно-польский, чешско-словацкий, венгерский; балканский. Последняя миграция начала проявляться на один-полтора века позже, которая принесла в Россию много топонимов.

С.: – Но поток славян на наши земли не был равномерным во времени.

Р.: – Наблюдалось несколько волн миграции славянских племён на северо-восток. В конце VII века в низовья Дуная пришли тюркские племена болгар, поселившись на территориях, до этого занятых славянами. Смешавшись с аборигенами, пришельцы «ославянились» и стали называться болгарами. Часть живших там славян образовала с ними государство Болгария, а какая-то их часть ушла на северо-восток на территории нынешних Украины и России. В VIII веке новая волна славянских миграций в Восточную Европу с Нижнего Дуная была вызвана давлением романского населения – владов, предков румын. Следующий приток славянского населения в Поднестровье, Поднепровье вплоть до Приладожья прослеживается в начале X века после разгрома Великоморавской державы венграми. Мощный южный поток следовал по югу Украины, за Днепром он поворачивал на Москву. «Во второй половине I-го тысячелетия новой эры западная и южная части славян слились в центре нынешней России в нечто единое. На этой базе начал формироваться новый славянский этнос – русский народ», – заключает Курбатов. А поскольку южные переселенцы были частично христианизированы вследствие их близости к Византии, это повлияло на выбор христианской конфессии нашими предками.

С.: – Стало быть, славяне не отстаивали свои территории, уходили и от германцев, и от венгров.

Р.: – И среди людей есть субъекты, которые прямо-таки ищут столкновений с кем-либо, а есть индивидуумы, предпочитающие уходить от лишних конфликтов, от агрессивных личностей, не связываться с ними. Можно предположить, что славяне больше относятся ко вторым. Захватчики действуют иначе: изгоняют, обращают в рабство или убивают аборигенов, присваивают их ценности и устраиваются на их землях. Например, германские племена готов спустились с севера на юг, разгромили римскую армию, разграбили Рим и обосновались на территории нынешних Испании и Франции. Англичане на американском континенте вырезали почти всех индейцев, заняв их благодатную территорию. А славяне, наоборот, не всегда могли отстоять свои исконные земли и даже сохранить государственность: русские – в XIII-XIV веках, поляки – в XVIII-XX веках, чехи и словаки – в XVI-XX веках, южные славяне – в XV-XX веках. В XIX веке из всех славянских государств только Россия была самостоятельна, остальные народы находились под владычеством турок, австрийцев, немцев. «Славянское племя имело более склонности к жизни мирной, чем воинственной, – писал историк Н. Устрялов, ссылаясь на свидетельства византийских авторов. – Если ни вторжение неприятелей, ни внутренние раздоры не воспаляли их страстей, они занимались земледелием, отличались добродушием и своим гостеприимством удивляли просвещённых греков, оставив эту добродетель потомкам».

С.: – «Праславяне искони любили возиться с землицей, – замечает и автор книги «Предыстория Руси» В. Гобарев. – Самыми агрессивными в то лихолетье были пастушеские племена, что разводили скот и дрались за пастбища, а хлебопашцу мир нужен».

Р.: – Наши предки искали свободные территории, им было свойственно непротивление злу насилием.

Агрессивный народ не задвигают в дремучие заболоченные леса

с зимней жуткой стужей. «Славяне самими греками считались в числе народов образованных, имевших свои собственные письмена, называвшиеся буквицею, – сообщил историк Е. Классен, кстати, немец по происхождению, автор книги-исследования «Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов дорюриковского времени в особенности», изданной впервые в 1854 году. – Славянская литература, судя по развитию языка, его силе, красоте, богатству, полноте и звучности, гораздо выше германской даже XVII века. А скандинавы заимствовали у славян множество слов. Влияние славянского языка на скандинавские свидетельствует о том, что славяне образованнее скандинавов». При этом он отмечает: «Новейшие германские историки стараются блестящие точки, выдающие славянский элемент возвышенным пред другими, затмить отвержениями, подозрениями и бессовестною, беспримерною в учёном мире ложью». Классен приводит ряд фактов, доказывающих, что грамотность славян появилась задолго до Рождества Христова, даже раньше грамотности римской и греческой.

С.: – Очевидно, у славян, переселенцев в северо-восточную часть Европы, складывались в общем-то мирные отношения с тогдашними аборигенами.

Р.: – Да, история не донесла до нас какие-то воинственные акции пришельцев против финнов и расправу с ними. В. Ключевский отмечал миролюбие, даже робость, забитость наших предшественников-финнов, живших в районе Оки и Верхней Волги. Кроме того, славяне тут осваивали почти пустынные районы с очень редким населением, и просто не было необходимости воевать: места хватало всем. В результате массового переселения славян из бассейнов Вислы и Одры финские племена частично перемещались на север, частично были ассимилированы вятичами, древлянами, кривичами и т.д. Так что мы – потомки не только активных славян, но ещё и спокойных, тихих, неагрессивных выходцев из финских племён. Отсюда – контрастное, противоречивое впечатление, которое русские производят на представителей других народов. «Подмешалась» в нас кровь и угров, предков венгров, которые первоначально обитали на границе южной тайги и лесостепи Зауралья, в бассейнах Волги и Камы, на территории

современной Башкирии. Они были кочевыми охотниками и скотоводами, в основном коневодами. Отсюда угры где-то в VII-VIII веках н.э. двинулись на Запад. На какое-то время они задержались в Северном Причерноморье, где в то время обитали славянские племена тиверцев и уличей, так что уже там угры-венгры могли получить какую-то примесь славянской крови. Оттуда венгров потеснили печенеги, и они в конце IX века перешли Карпаты и заняли Среднедунайскую равнину и часть Трансильвании. В начале X века венгры напали на Великоморавскую державу, и после её разгрома остались на берегах Дуная, в бассейне реки Тисы и вокруг озера Балатон до нынешних времён. Венгры включили в своё королевство Словакию и держали её аж до 1918 года. Имея тюркский компонент в основе, венгры разбавлялись не только славянами, но и половцами, германцами. Только язык, своеобразный и даже приятный на слух, остался у них свой, выделяющийся среди соседей. Теперь венгров и румын, зажатых между южными, западными и восточными славянами, сильно разбавленных славянским населением, не отличить от «чистых» славян.

С.: – Получается, предки венгров, угры, во второй половине 1-го тысячелетия ринулись на юго-запад, в то время как наши прапра...деды удалялись, наоборот, в неудобные края на северо-восток из района нынешней Польши, с Карпат, с Подунавья, а кто-то и с Балкан. Только ли в том дело, что наши предки не могли дать отпор кочевникам и романо-германским племенам, венграм и другим завоевателям? Или были другие причины?

Р.: – Можно высказать такую версию, наполовину фантастическую. Некоторые учёные выдвинули гипотезу, что все индоевропейцы произошли из древней страны Гипербореи, которая находилась в Заполярье, когда там был климат, согласно научным данным, намного мягче, чем сейчас. Это было примерно 40 тысяч лет до новой эры. Горячий сторонник этой гипотезы доктор философских наук В. Дёмин подкрепляет её многолетними исследованиями в районе Кольского полуострова, о которых он написал в книгах «Тайны русского народа», «Загадки русского севера» и «Тайны земли русской». Он уверен, что древняя Гиперборея, которая погибла, как и Атлантида, в результате мощного природного катаклизма, имеет непосредственное отношение к древнейшей истории России. Если гипотеза о древней Гиперборее верна, то наших предков на северо-восток могла увлекать тяга на историческую родину. Помимо прочего, их манил в неизведанные края присущий нам романтический настрой души. А предки венгров романтикой уже были сыты, им хотелось более комфортной, тёплой жизни в Причерноморье.

С.: – Ну, это смахивает на шутку. Наверное, есть и прагматическое объяснение тому, что вынудило наших предков забраться в неприветливые дремучие леса.

Р.: – Богатство края – мотив экономический – понятен и общеизвестен. Он манил наших предков-славян тем, что здесь было всего вдоволь – зверя, рыбы, леса. Но их на территорию нынешней России также влекла сплошь поросшая лесами земля, прекрасная в своей дикости: чистые реки, крутые берега, поросшие борами и дубравами, обилие грибов и ягод, и на десятки, сотни километров – ни души. А если говорить о причинах социально-психологических, то в первую очередь это – желание никому не подчиняться, руководствоваться только своими целями и соображениями, что свойственно людям независимым, не очень контактными. Тогда в дикие места уходили отдельные рода, большие семьи. Наши предки расселялись слишком широко и разбросанно на обширном пространстве, чтобы быстро образовать единый народ. Они были разобщённые, чем, например, угры, которые отправились путешествовать из Зауралья в Причерноморье и далее на Дунай как некое цельное, относительно компактное, сообщество. Позже осваивали Сибирь отдельные русские семьи, в крайнем случае туда уходили деревнями. Русские увлекались всё дальше на восток, добрались до Тихого океана и даже переместились на американский континент.

С.: – И ещё есть такая причина перемещения русских на восток: нас ничего там не ограничивало, ни высокие горы с вечными снегами, ни плотное население другого народа.

Р.: – В Сибири воевать-то особенно было не с кем.

С.: – Иногда типично русский пейзаж представляют как бескрайнюю равнину и, соответственно, ассоциируют с нею размашистость русского характера.

Р.: – Лесостепь способствовала формированию его противоречивых черт. Но по степи и лесостепи гуляли кочевники. А наши предки вначале поселились в непроходимой тайге, в краю заболоченных дремучих лесов, которые сохраняли им жизнь. Они-то больше всего и повлияли на наш характер. В частности, откуда в русских беспечное отношение к опасностям, неумение ценить жизнь? Наши прадеды привыкли к тому, что человек, отправившись в лес на охоту, по грибы или ягоды, мог заблудиться, завязнуть в болоте, погибнуть от лап медведя или простудиться и умереть. Автор книги «Тайные маршруты славян» В. Курбатов сочувствует тем славянским племенам, которые остались на западе, лишённые пассионариев, считая, что пассионарность проявлялась именно в передвижении в неизведанные восточные районы. Но возможно, наоборот, в той части славянских родов, которые уходили на северо-восток из более комфортной, тёплой и удобной Центральной Европы, как раз было мало пассионариев, поэтому люди не пытались отстоять своё пребывание в районах Дуная, Лабы, Одры, Южных Карпат. Среди русских велика доля людей, которые способны добиваться значительных результатов в самопреодолении, но пасуют перед более сильными и уверенными в себе индивидуумами. Вероятно, по этой причине наши предки из относительно комфортных условий в Центральной Европе, теснимые более воинственными и организованными племенами, перебирались на холодную и неудобную Восточно-Европейскую равнину, где они проявили присущие им качества в борьбе с тяжёлыми условиями.

С.: – Странно всё это звучит относительно русских. В XVI-XIX веках они только тем и занимались, что захватывали земли других народов на западе, на востоке и юге. Иногда говорят, что агрессивности мы набрались от монголов. Но в дебрях северо-восточной Европы многие монголов и в глаза-то не видели.

Р.: – Дело не только в монголах. Видимо, свойственная русским, как говорят, агрессивность, склонность к экспансии выработались не сразу. Поначалу, будучи загнанными в медвежий угол, в буквальном и переносном смысле, наши предки не отличались свирепостью. Они в основном совершали единичные походы, осваивали пустые земли вроде Аляски. Однако в дремучих заболоченных лесах они не обросли мохом, не превратились в леших, а наоборот, окрепли, закалились в постоянной борьбе с суровой природой и дикими зверями. К тому же человек, загнанный в угол, как известно, слегка стерженеет. Но до нашествия монголов мы больше занимались выяснением отношений в междоусобных стычках и гражданских войнах.

С.: – Некоторые историки высказывают мнения, что на нас нападали вовсе не монголы.

Р.: – С ними были и другие тюркоязычные кочевники, мы называем их обобщённо монголами. Нельзя отрицать, что захватнические устремления и неуёмные аппетиты русские переняли от монголо-татар. Хорошие учителя у нас появились. Двести лет продолжались «курсы» по обучению этому ремеслу, но потом прогнали самих учителей и завоевали их татарскую столицу. Способными учениками наши предки оказались. А потом пошли отвоёвывать у кочевников степные просторы, Среднюю Азию. Но после «собрания Руси» Иваном I и Иваном III государство было непрочным.

Ожидание агрессии извне стало постоянным, так сказать, базисным состоянием русского народа.

Эту «ощетиненность» расценивают как агрессивность. Она – скорее, оборонительная. Мы притягивали недобрых «гостей», может быть, ещё нашей кажущейся незлобивостью. Один из мотивов расширения границ России – стремление обзавестись обширной «буферной» территорией, которая, как обручем, обнимет страну по периметру и защитит «сердцевину» от других народов. Чем больше опасность вторжений, тем больше должно быть воинов и, соответственно, земель, которые смогут их прокормить. На протяжении более века во время прав-

лений Ивана III и Ивана IV русским приходилось едва ли не каждый год отражать нашествия врагов и с севера, и с запада, и с юга, и с востока. Поэтому Россия во многом строилась вокруг вооружённых сил. Неудивительно, что русские и сейчас живут в постоянном ожидании агрессии извне.

С.: – Алексей Михайлович, прозванный Тишайшим, прибавил к России обширные территории, в частности, тогдашнюю Украину.

Р.: – Но и то решился на это не сразу, опасаясь войны с Польшей. А в 1815 году Россия в лице Александра I предложила создать «Священный Союз», чтобы внести в международные отношения принципы «действительного и необходимого» братства всех христианских народов на основе «любви, правды и мира», ограничив тем самым право сильного. Как признаёт английский историк А. Тойнби, русские армии воевали в Европе, однако они всегда приходили как союзники одной из западных стран в их бесконечных ссорах. Идею о разоружении высказала впервые в истории именно Россия. В 1899 году Николай II инициировал созыв международной конференции по разоружению, которая состоялась в Гааге.

С.: – Нельзя назвать наше присоединение земель в Туркестане и на Северном Кавказе к России мирным. Часто «первой задачей было, посадив на престол лояльного ставленника, установить частичный протекторат, который выражался в присяге на верность, – пишет историк швейцарского происхождения А. Каппелер в книге «Россия – многонациональная империя». – Почти повсюду русские войска встречали яростное сопротивление, которое вспыхивало и после завоеваний. А некоторые народы избирали переселение. Вторым принципом политики освоения новых земель, – продолжает автор, – было сотрудничество с нерусскими элитами, подтверждались их привилегии, за что те должны были контролировать поведение масс и нести военную службу».

Р.: – Но Каппелер в то же время признаёт, что «в отличие от большинства других европейских полиэтнических государств, представители титульного народа – русские – по своему экономическому развитию, социально-политической организации и уровню образования не превосходили многие другие этнические группы империи. Российское правительство, как правило, не только не создавало преимуществ для русских, но нередко допускало, что их экономическое и правовое положение было хуже, чем у нерусских». Это как-то не вяжется с представлением о колониальной державе. «Такую структурную особенность в наследство от империи получил Советский Союз, – продолжает автор книги «Россия – многонациональная империя». – И тогда, как и сегодня, от имперского господства выигрывали только государство и властные, русские в большинстве, элиты, представленные в бюрократии и армии. Широкие слои русского населения можно рассматривать как дискриминируемое большинство, которое несло на себе главную тяжесть советской всемирно-державной политики».

С.: – Это показывает, что в России на одной территории существуют, по сути дела, два разных народа с абсолютно разными установками, жизненными целями и образом жизни. Представители одного народа заботятся о том, чтобы стать если не самой сильной и успешной державой мира, то одной из таковых. И свои амбициозные устремления они решают за счёт другого народа.

Р.: – Поэтому нельзя говорить о воинственности русского народа как о чём-то всеобъемлющем. Для русской верхушки оказывались ближе национальные элиты, чем свой народ. И в СССР, особенно в провинциальных городах и в глубинке, русские жили хуже, чем население большинства других республик. Особенно эта разница бросалась в глаза в Прибалтике. Литовцам, латышам, эстонцам больше позволялось. Например, под Каунасом в 70-х годах можно было увидеть шикарные коттеджи, какие в России появились лишь в 90-е годы. Даже в Бухаре за средневековыми глинобитными стенами часто стояла машина, а в домах – ковры. Странные получились из нас оккупанты. Такова особенность нашей экспансии:

когда мы подгребали другие народы и их территории, мы преследовали не столько цели наживы или политические, сколько психологические.

Нам очень лестно кого-то защищать, опекать. Нашему правителю всегда хотелось изображать такого заботливого папашу, в доме которого всем хорошо и все его благодарят. Одним словом, доминировать и командовать другими народами, прежде всего, входящими в СССР. И мы обижались, если кто-то начинал выражать недовольство этим доминированием. Очень по-нашему – проявлять сейчас заботу о беженцах из Новороссии.

С.: – А зачем нам нужно было ввязываться в войну 1914 года, обслуживать интересы европейских режимов, когда внутри страны царил нестабильность, было полно проблем?

Р.: – Возобладали славянофильские настроения в русском обществе: мы не могли остаться в беде южных славян, когда Австро-Венгрия объявила им войну.

С.: – Вот и надо было идти на Балканы защищать сербов, помочь армянам освободить их территории от турок, в то же время укрепить наши западные границы. А в середине XX века мы умудрились половину Европы подчинить себе. Не случайно к нам приклеился ярлык «оккупанты».

Р.: – В 1939-1940 годах в значительной степени был осуществлён возврат тех территорий, которые входили в Российскую империю, а также это была превентивная реакция на агрессивные действия Гитлера. Но ни у одного славянского народа не появился ни Наполеон, ни Гитлер с намерением стать властелином мира.

С.: – А как же Сталин?

Р.: – Да, страсть к экспансии проявлял Сталин. Но он – не славянин, человек с ярко выраженной азиатской, сродни кочевнической, страстью захватывать чужое. А в последние десятилетия наблюдается отчётливая тенденция русских не ввязываться в вооружённые конфликты. Экспансионизм России явно сдулся. И слава Богу! Нам бы той огромной территорией, что у нас осталась, толком распорядиться. Сейчас славянам не то что завоевать – удержать бы те земли, что имеем. Мы и сербы в XX веке их только теряли. Сербы, уже можно сказать, утратили Косово. А мы в последние десятилетия лишь отстаиваем целостность исконно российской территории, населённой русскими. Славяне если и конфликтуют, устраивают «разводы», то в основном друг с другом: поляки и русские, сербы и хорваты, чехи и словаки. Теперь мы ссоримся с украинцами. К нам всё больше предъявляют претензий, часто несправедливых. Когда в Европе стало тесновато, западные политики стали посматривать на азиатскую часть России и намекать, что, дескать, негоже одной стране владеть такой большой территорией. Недовольство Россией на Западе растёт по мере того, как истощаются природные ресурсы. Кто же теперь более миролюбивый?

С.: – Миролюбие государства проявляется не только в том, нападает оно на кого-нибудь или нет, но и в том, сколько у него союзников, искренних друзей, и тогда налаживаются многочисленные связи, активизируется так называемая народная дипломатия. Помимо двух прямолинейных методов «кнута и пряника», то есть запугивания и приманивания материальными подачками и льготами, у стран-друзей практикуются другие подходы друг к другу. А где у нас истинные друзья?

Р.: – Ещё Александр III говорил о том, что у России есть только два верных союзника: наша армия и флот. И. Ильин отмечал, что западные страны России не знают, не понимают, боятся и радуются всякому её ослаблению, что у неё нет искренних друзей. Но это не мешало Европе посредством России неоднократно решать свои проблемы. Наша страна участвовала в войнах 1799, 1805 и 1807 годов, когда Наполеон претендовал на мировое господство, в борьбе против революций середины XIX века. Далее – освобождение Балкан от османского ига и Европы от османской проблемы в целом, а в середине XX века наша страна освободила Европу от фашизма. «Мы находим себе союзников в Европе только тогда, когда вступаемся за чуждые нам интересы», – писал в книге «Россия и Европа» Н. Данилевский. «Европа Россию своей не

считает, – добавлял историк К. Бестужев-Рюмин, – с тех пор, как мы с конца XVIII века выступили на охрану Европы, нами пользуются, из нас извлекают выгоды для себя, а нам ничего не дают; но лишь только Россия находится в сколько-нибудь затруднительном положении, Европа действует против неё».

С.: – А мы ещё и от ордынского ига заслонили европейцев собой, чтобы они потом высокомерно называли нас татарами. В этом веке мы у Европы опять в нерасположении.

Р.: – Так же и у людей: один сам по себе привлекателен, а другой вызывает интерес к себе только какими-то услугами. Такое потребительское отношение – не только к России. Есть избитая фраза: «У любого государства не бывает друзей, есть только национальные интересы». А мы в общем в душе интернационалисты. Почитали поляков Дзержинского и Рокоссовского. Поклонялись грузину Джугашвили, да и сейчас едва ли не половина населения его забыть не может. Одним из самых больших кумиров молодёжи стал кореец Виктор Цой. Украинцев по-прежнему считаем своими братьями, для нас что Петров, что Петренко – не имеет значения. Душевно относимся к армянам. Несмотря ни на что уважаем прибалтийцев. Немку Екатерину II прозвали Великой, не приняв во внимание незаконное занятие ею российского трона. В Российской империи со времён Петра I жило очень много немцев, в 1913 году их было около 2,4 миллиона человек. Немцы служили верой-правдой российскому государству на самых разных ступенях социальной лестницы и не считали русских низшей расой. И мы их ценили.

С.: – Они знали, что во главе России стоял, по сути дела, их соотечественник по крови. И тем не менее международные отношения складываются по-разному. От наших же граждан можно услышать горестные признания, что нас в мире не любят. И чем ближе соседи, тем хуже к нам относятся. Особенно в Европе.

Р.: – Не всех нас подряд и не все народы мира не любят.

Неприязнь к России испытывают чаще не народы, а правящие кланы,

и не к русскому народу, а к нашей властной верхушке, к бюрократии. И эти кланы, кое-кто из политиков в развитых и находящихся западнее нас странах внушают своим подданным, что мы «плохие», с нами не следует «водиться».

С.: – В странах Средней и Восточной Европы нередко можно услышать, что мы любим других поучать, что-то навязывать. Может быть, другие народы чувствуют, что имперские агрессивные импульсы в России не угасли? Особенно подобные опасения у них возросли в XXI веке, когда к власти пришёл офицер КГБ. А вот что писал Н. Бердяев в книге «Судьба России»: «Россия – самая националистическая страна в мире, страна национального бахвальства. Обратной стороной русского смирения является необычайное русское самомнение. По духу своему призванная быть освободительницей народов, Россия слишком часто бывала угнетательницей, и потому она вызывает к себе вражду и подозрительность».

Р.: – Бердяев так писал в то время, когда у власти был Сталин. К постсоветским годам это не относится. Навязывание своей воли даже советским республикам, не говоря о странах Центральной Европы, закончилось в 1991 году. Все они живут своей жизнью, как хотят.

С.: – А недовольство нами у них после 1991 года, наоборот, возросло. Даже в самой близкой нам Белоруссии только несколько процентов высказываются за объединение с нами. Ряд бывших республик СССР заняли откровенно враждебную позицию по отношению к нам. А о том, чтобы с нами объединиться в единое государство, никто даже не думает. Есть ли у нас вообще настоящие союзники? Все братья-славяне из бывшего социалистического лагеря дружно ринулись в НАТО вот-вот наострится туда же наша сестра Украина. Казалось бы, должно быть наоборот: чтобы у нас, самой сильной славянской державы, болгары, чехи, словаки, поляки, словенцы и украинцы искали бы защиты. Кто в этом парадоксе виноват, все они скопом? Или всё-таки мы?

Р.: – В НАТО стремились в основном политики, а среди народов этих стран далеко не все были за вступление в Североатлантический блок.

С.: – Но и протестов не было. И не видно у кого-то из бывших союзников дружеской расположенности к России, только экономические интересы. Но зато мы то и дело сталкиваемся с несправедливым отношением к нам. Из новейших примеров – выискивание в организации сочинской олимпиады огрехов, промашек и «заусенцев» западными средствами массовой информации.

Р.: – Это только поначалу. А потом прицепиться им было не к чему.

С.: – Молодые японцы думают, что атомные бомбы в 1945 году на Хиросиму и Нагасаки сбросили русские, а не американцы. То есть там склонны выгораживать того, кто нанёс колоссальный ущерб стране и её населению, но вешают всех собак на невиновных. Болгары, которых мы считали своими братьями и освободили в 1878 году от турецкого ига, после этого в обеих мировых войнах оказывались в союзе с нашим противником – Германией, а в 2004 году вступили в НАТО. Фашистскую диктатуру в Европе установила и Вторую мировую войну развязала Германия. Но с немцами сейчас все европейцы, в том числе западные славяне и прибалтийцы, – в любви и дружбе. А мы у них до сих пор – злобные оккупанты. Да, Сталин весьма подпортил в XX веке нашу, русских, репутацию. Но Гитлер был не лучше, однако никто в Европе уже не пеняет немцам за их деяния.

Р.: – У жителей стран бывшего советского блока выплёскивается недовольство, которое у них накопилось за многие годы социалистического периода, но тогда они не могли его свободно высказать. Даже не питающий тёплых чувств по отношению к нашей стране З. Бжезинский как-то сказал, что «враждебность и страх, которые вызывает Россия у своих соседей, являются наследием советского и царского империализма, а россияне как таковые добрые, хорошо образованные и очень приятные люди». Впрочем, возможно он повторяет своими словами афоризм В. Ключевского:

«Русский человек лучше русского общества».

А от немцев мы отличаемся тем, что они открестились от гитлеризма, а у нас около половины населения превозносят Сталина.

С.: – Особенно поражают призывы переименовать Волгоград снова в Сталинград, а не в Царицын, что естественнее. Это несмотря на то, что прежнее имя города было узурпировано Джугашвили-Сталиным без всяких оснований. Странно слышать такое предложение от русских людей. Ведь мы тогда честно завоёванную народом победу в страшной битве за этот город символически отдадим вурдалаку, погубившему людей не меньше, чем Гитлер. Сталин всю войну отсиживался за кремлёвскими стенами, и что-то ни разу никто не видел его даже в пяти километрах от линии фронта. Как не чувствовать, что это просто оскорбительно для русского народа! Значит, тоталитаризм, насилие над своим народом, уничтожение миллионов людей – это для нас, получается, норма? Вот из таких фактов и формируется неуважение к нам у наших оппонентов за рубежом.

Р.: – В забавах с переименованиями городов в советское время больше всех не повезло Рыбинску: название его менялось аж четыре раза. Самое правильное – вернуть все отобранные большевиками названия, чтобы карту снова украсили Вятка, Симбирск, Царицын, которые и по звучанию намного приятнее, – и больше никогда не посягать на имена, данные не нами. А Калининграду присвоить короткое и справедливое имя Кант. Никто, даже немцы, возражать не будут.

С.: – Сейчас неприязнь к русским, дистанцирование от России – даже что-то вроде хорошего тона, знак принадлежности к достойному европейскому обществу.

Р.: – Это опять же относится больше к политикам. Когда наши граждане приезжают в европейские страны, то встречают вполне доброжелательное отношение со стороны местных жителей. В том числе в Польше, о которой в последнее время столько разговоров. Если, конечно, наши ведут себя сдержанно и уважительно.

С.: – Мы сами иногда делаем шаги как будто назло нашим западным партнёрам. Например, учредили праздник, связанный с избавлением от польско-литовских пришельцев, хотя сами бояре были инициаторами посадить на русский трон польского королевича. Социологи отмечают, что две трети россиян видят основания бояться стран Запада. И в то же время столько же соотечественников не возражали бы, чтобы их дети поехали учиться или работать в эти самые «опасные» страны. Очередной наш парадокс. Из чего можно сделать вывод, что подозрительность и боязнь европейцев в нашем обществе – не собственное ощущение, а привнесённое со стороны властей. Враг нужен для постоянного поддержания состояния консолидации нашего народа, чтобы он видел во власти свою защитницу и не стремился объединяться помимо неё. Кроме того, нам враждебное отношение даже желаннее, чем полное безразличие к нам. Осознание, что мы миру совсем не интересны, нам кажется просто непереносимой. Чересчур мы, русские, беспокоимся о своей репутации в глазах мирового сообщества, в печати то и дело можно увидеть материалы на тему «как к нам относятся другие народы?»

Р.: – В XX веке это в первую очередь объяснялось соперничеством с капиталистическим миром. Но сказывается здесь и наша национальная боязнь оказаться не на высоте. Однако русские и ныне вызывают почтение в мире. Во многих странах, особенно далёких от России, нам рады. У людей образованных мы ещё ассоциируемся с Л. Толстым, Д. Менделеевым, Г. Улановой, Ю. Гагариным, М. Горбачёвым.

С.: – Но этот моральный капитал, созданный нашими выдающимися соотечественниками, не вечен, «работает» всё слабее.

Особенно чётко несправедливое отношение к нам Запада показали события на Украине.

Там совершён переворот, убиты сотни людей, к власти прорвались ультранационалисты, страна бурлит, раскалывается на части, разгорелась гражданская война, а у американцев и европейцев виноваты мы. Как будто наши террористы проникли в Киев и свергли законного президента. Подавляющее большинство жителей Крыма захотело вернуться в Россию – американцы и их подручные в Европе только и думают о том, как бы пожестче наказать Россию.

Р.: – Не от хорошей жизни у украинцев случилась новая заваруха. Сказался целый ряд обстоятельств. **Первое.** Украина три с половиной века не имела собственной государственности. За 22 года этому научиться трудно, тем более в относительно большой весьма разнородной, прежде всего, по этническому составу, стране. В 60-х годах прошлого века Украина была одной из самых благополучных республик СССР с мощной промышленностью, развитым сельским хозяйством, замечательной национальной культурой. Самолюбие украинцев оказалось сильно ущемлённым тем, что сейчас у них дела обстоят хуже, чем во многих других новых странах на постсоветском пространстве, народ нищает, экономика развалена, замаячила гуманитарная катастрофа. Когда у общества что-то не получается, и у него появляется ощущение своей неуспешности, оно начинает искать виноватых и врагов и находит нередко в представителях других национальностей, растёт агрессивность, появляются лозунги вроде «немцы – представители высшей расы», «бей жидов, спасай Россию», «Украина для украинцев» и т.п.

С.: – И нашли украинцы виновников своего положения в тех, кто раньше руководил жизнью на Украине – «москалей». Украина – многонациональная страна. Помимо большого количества этнических русских, в ней много венгров, русинов, поляков, румын, евреев. Как она может стать только украинской?

Р.: – И у нас ходили с лозунгами «Россия для русских», когда наша страна оказалась в кризисе, несмотря на то, что у нас национальностей гораздо больше. В горячке народных бунтов безрассудные выкрикивания – обычное явление. В любой большой заварухе выскакивают оголтелые националисты, хулиганы и всякая шпана с бандитскими замашками.

С.: – Мы всегда считали украинцев мягкими, радушными людьми. И вдруг их охватил прямо-таки психоз. Ещё в 2013 году никому в голову не могло прийти, что на Украине к вла-

сти могут прийти столь агрессивные субъекты, которые вознамерятся заставить всю большую страну жить «по-бандеровски». Действия украинских властей и боевых подразделений приняли карательный, крайне жестокий характер. Когда видишь, что они вытворяют в Одессе, Мариуполе, Славянске, Луганске и в других городах, думаешь: то ли по телевизору показывают фильм ужасов, то ли попал в потусторонний мир, то ли никак не можешь проснуться – настолько это неправдоподобно для самой близкой нам славянской страны. Но не постановка же это в павильонах Мосфильма, когда по нашему телевидению показывают плачущих женщин, которые говорят: «То, что творят украинские фашисты, не совершали даже гитлеровцы». Ю. Тимошенко заявляла, что «проклятых кацапов надо убивать из атомного оружия». Это – высказывание не обозлённого на весь мир подростка, а одного из ведущих политиков, претендента на президентское кресло. Какие основания у украинцев нас ненавидеть? Мы заказами обеспечиваем их работой, при добрососедских отношениях между нашими странами, безусловно, продавали бы им энергоносители по льготным ценам. Была бы в Киеве нормальная власть, и Крым никуда от Украины не делся бы. Даже если Россия в чём-то провинилась перед соседкой, то не до степени прямо-таки звериной злобы, которую проявляют иные украинские националисты.

Р.: – Агрессивные элементы есть в любой стране, жестокие – тоже. Если находится безответственный эгоистичный главарь, который укажет, кто есть враг, эта братия готова на любые зверства. Памятники Ленину сейчас на Украине остервенело уничтожают, несмотря на то, что именно благодаря ему республика значительно увеличилась. У финнов сейчас всё в порядке, и у них в центре Хельсинки стоит величественный памятник Александру II, который они чтут. То есть главенствуют на Украине эмоции, стихия толпы, а это значит, что дело не в нас. Причина – в самих гражданах Украины. Степень их агрессии говорит о том, насколько украинцы раздосадованы собственной неспособностью наладить достойную жизнь, несоответствием объективных возможностей Украины и уровнем жизни большей части населения. Национализм нарастал по мере ухудшения положения в стране. А в толпе молодые и горячие парни подхлестывают друг друга безрассудными дикими выходками. Впадая в раж, они не способны оценить степень жестокости своих действий.

С.: – Да и нацизм у украинских нынешних главарей и их подручных получается несерьёзный, демонстративный, по-подростковому чрезвычайно агрессивный и очень близорукий. Особенно по-детски выглядят у них «скачки» без «москалей».

Р.: – **Обстоятельство второе.** Проблема власти в последние десятилетия обозначилась во многих странах мира, но на Украине после обретения ею «незалежности» вопрос о выдвижении в правящую элиту достойных патриотов встал гораздо острее, чем в других цивилизованных странах, что отбросило страну до уровня некоторых азиатских и африканских стран не только по уровню жизни, но и по взаимоотношениям между соотечественниками, по нетерпимости к иному мышлению, по методам выхода из кризиса.

С.: – В России с выдвижением в руководящие структуры личностей, соответствующих сложившемуся в стране положению, дело обстояло и обстоит не намного лучше, но нас спасают огромные запасы нефти и газа.

Р.: – Властью и достоянием Украины после обретения ею независимости завладели алчные эгоистичные дельцы, которых президент Чехии М. Земан назвал гангстерами и которые только заботились о личном обогащении. **Третья причина украинского катаклизма.** К 2014 году власть президента В. Януковича совсем ослабла. Из-за его растерянности и, вероятно, боязни, что его европейские банковские счета будут заморожены в случае им применения силы для прекращения беспорядков в Киеве, вся пирамида украинской власти оказалась парализованной, что привело к хаосу и вооружённому выступлению экстремистских сил. Несправедливый, но боязливый правитель вообще часто провоцирует беспорядки, погромы, преступные выходки. Украинский президент в драматичные зимние дни 2014 года оказался один на

один с «лидерами оппозиции», которые требовали от него одного: сдачи власти. Сплочённой команды рядом с Януковичем не было.

С.: – И власть полностью перешла в руки фашиствующих молодчиков и жадных феодалов, которые ввергли страну в социальную катастрофу.

Р.: – **Обстоятельство четвёртое.** Помимо отсутствия опыта государственного строительства, оно осложняется тем, что Украина слеплена из территорий, принадлежавших ранее разным государствам. Значительная юго-восточная часть нынешней Украины под названием Новороссия до 1918 года входила в Российскую империю и со времён Екатерины II заселялась преимущественно русскими. Львовская, Станиславская (с 1962 года Ивано-Франковская) и Тернопольская области с середины XV века до 1772 года и в 1918-1939 годах принадлежали Польше, в 1772-1918 входили в Австро-Венгерскую империю, а в составе Украины – лишь с 1939 года. Волынская и Ровенская области до Первой мировой войны были в составе Российской империи, после неё почти двадцать лет принадлежали Польше, в 1939 году переданы советскими властями Украине. Закарпатье, населённое в значительной мере венграми и русинами, на протяжении нескольких веков принадлежало Венгрии, между Первой и Второй мировыми войнами оказалось в Чехословакии и только в 1945 году вошло в состав Украины. Северная Буковина, ныне Черновицкая область, с XIV века входила в Молдавское княжество, с 1775 до 1918 года – в Австро-Венгрию, после её распада 22 года побыла в Румынии, а в 1940 году Сталин эту территорию присоединил к Украине.

С.: – То есть три области Западной Украины, Закарпатье и Северная Буковина никогда не входили в Российскую империю.

Р.: – Да, её юго-западная граница исторически проходила по Пруту и Збручу. Прибалтийские страны в составе Российской империи и то находились аж с конца XVIII века, даже Восточная Польша попала под власть России в начале XIX века. То есть западные украинцы, полтора века жившие в одной стране с австрийцами, ощущают себя большими европейцами, чем, например, эстонцы.

С.: – Сталин в 1939 году стал укрощать этот европейский этнос со свойственной «вождю народов» беспощадностью.

Р.: – Да, в 1939-1941 годах и после 1944 года сотни тысяч «западенцев» были отправлены в лагеря, десятки тысяч расстреляны. НКВД, с 1946 года МГБ, жестоко подавил всякое сопротивление местных националистов и установил видимый порядок лишь к середине 50-х годов. Неудивительно, что больше всего антирусские настроения проявились именно в трёх западноукраинских областях среди потомков тех, кто при сталинизме пострадал от большевиков. Именно жители тех областей приняли самое активное участие в свержении Януковича и установлении националистического режима в Киеве. И на Украине нынче возобладала антирусская позиция «западенцев» как наиболее независимой и вольнолюбивой части украинского этноса.

С.: – Но своими грубыми агрессивными методами украинские нацисты не скрепляют страну, а, наоборот, разваливают. Взаимоотношения русского мира и западных украинцев красноречиво показывают, что применение силы – это запуск безжалостно разящего бумеранга. Сталин силой «советизировал» Западную Украину. А сейчас точно так же воинственные представители украинской нации запускают жестокий бумеранг против русских в Новороссии, который потом может вернуться к ним. Сколько будет продолжаться этот бесчеловечный «турнир», неизвестно. Украина потеряла Крым, о независимости от Киева объявили две юго-восточные области, проведя референдумы и получив большинство голосов в пользу выхода из состава Украины. Уже и Венгрия, проводящая весьма независимую политику в Европе, заявила о намерении защищать закарпатских венгров.

Р.: – Поскольку Украину фактически своим протекторатом вознамерились сделать вездесущие Соединённые Штаты, дальше слов дело у Будапешта не пошло.

С.: – Сейчас представляется, что три области – Львовскую, Станиславскую и Тернопольскую – надо было после войны вернуть Польше, тем более она тогда стала вроде бы дружественной социалистической страной.

Р.: – Между поляками и западными украинцами в прошлом было много взаимных претензий и вооружённых конфликтов с многочисленными жертвами. Историк К. Александров из С.-Петербурга приводит такие числа: в 1943-1944 годах в этих столкновениях погибло около 100 тысяч поляков и до 30 тысяч украинцев. Но когда в наши дни новые украинские власти захотели решительно отмежеваться от России и полностью войти в Европу, поляки взяли сторону именно украинцев.

С.: – Выходит дело, выступив на стороне нынешнего режима, восхваляющего Бандеру, поляки простили «западенцам» убийство ими в годы войны своих предков в западных областях. Или они надеются на возврат юго-восточных территорий, которые у них отобрала Вторая мировая война?

Р.: – Поляки поддерживают не столько нынешний киевский режим, сколько американцев, да и то больше официально. Из-за них Польша и Румыния пока публично о претензиях на свои бывшие территории заявлять не осмеливаются.

С.: – Казалось бы, если и была у кого-то из граждан соседней страны ненависть к «москалям», то она после 1991 года, по идее, должна сходить на нет. А она растёт, особенно у «западенцев». Они не осознают, что среди русских много таких, которые относятся к украинцам с сочувствием, а некоторые из нас особенно благоволят к жителям именно Западной Украины. Зачем же украинцам восстанавливать нас против себя? Ведь мы всё равно остаёмся соседями.

Р.: – Их гипертрофированная агрессивность против России и русских как раз обнажает глубокую зависимость от нас. Иначе они спокойно строили бы свой мир с пониманием, что именно дружественные отношения с большим соседом помогут им создать преуспевающее государство, сделать его граждан зажиточными и довольными жизнью. А ненависть к кому бы то ни было всегда саморазрушительна. Из-за идущей яростной информационной войны истина тонет в больших волнах лжи и подтасовок, общественности выставляются факты, вырванные из контекста событий, выгодные той или другой стороне, слишком много бурлит эмоций там и там. Поэтому у нас мало достоверной информации с той стороны.

Пятый фактор, вызвавший напряжённость в российско-украинских отношениях. За 22 года государственной самостоятельности в украинцах созрела потребность осознать свою идентичность, ощутить себя независимым этносом. Этот процесс затрудняется опять же эклектичностью молодой страны. Если отвлечься от агрессивных экстремистов и алчных воротил вроде И. Коломойского и попытаться понять уравновешенных украинских патриотов, можно увидеть, что они стараются сохранить, прежде всего, свой язык, испытывают тревогу, что в советское время он всё более вытеснялся русским языком. Чем дальше на запад страны, тем больше стремление у украинцев укрепить свою политическую и культурную независимость. Поскольку наибольшее влияние на себя украинцы видят со стороны России, поэтому так сильно желание отмежеваться именно от всего русского и от самих русских. И чем больше мы говорим о том, что мы тесно сплелись, являемся фактически одним народом, тем сильнее в истых украинцах говорит желание освободиться от тесных объятий «восточного брата». Даже в лучшие 60-е годы XX века на Украине были националисты, которые в спорах высказывались в том плане, что в Советском Союзе младший брат управляет братом, который старше на несколько столетий. Имелась в виду Московская Русь относительно Киевской. Однако дальше товарищеских разговоров это не заходило.

С.: – Но «западенцы» дерут нос перед всеми, кто живёт на востоке страны, особенно перед русскими, называя их «титущками», «ватниками», «колорадами» и чёрт знает как ещё, они отнюдь не утверждают украинскую самобытность и уж тем более не повышают своё национальное достоинство.

Р.: – Как выходцы из самой что ни на есть европейской Австро-Венгрии западные украинцы ведут себя, как это часто бывает, с бóльшим гонором, чем сами австрийцы. Это – **шестая причина** раздора на Украине. У западных украинцев на протяжении многих поколений сформировалось высокое самомнение, надменность по отношению к тем, кто живёт восточнее их. Центральные и левобережные украинцы они считают «испорченными» восточным русским духом и коммунизмом. Но у них недостаёт соответствующих их гонору организаторских способностей для управления государством, сей недостаток и стал компенсироваться агрессивностью. Центральные украинцы хоть и отличаются от западных, но всё-таки они – их соотечественники, это – одна нация, поэтому многие и в центральных областях поддались антирусской пропаганде. Однако далеко не все жители Западной Украины ненавидят русских, только ярые националисты. В Закарпатье к нам совсем другое отношение, чем на Львовщине. Не ладят между собой русины и тамошние украинцы. И ещё важно: как и остальные европейцы, украинцы не соглашались с управлением ими с востока. Так же, впрочем, как и мы сами. Демонстрация в сентябре 2014 года в Москве имела целью не только установление мира на Украине, но и протест против переориентации руководства России на Восток из-за санкций западных стран, накладываемых на Россию. Участникам демонстрации совсем не нравятся напряжённые отношения с Европой.

С.: – А в итоге захватившие власть в старинной столице Киевской Руси поступили по отношению к русскому братскому народу, как предатели: поддались на подачки и ласковые речи заокеанских «сирен» о свободе и демократии. И московские «борцы за мир», получается, выступают на стороне украинских националистов и американцев.

Р.: – Если и применять такой суровый термин как «предательство», то обвинить в этом нужно сначала нашу так называемую элиту. Первыми своих братьев-славян украинцев, по сути дела, предали мы, хотя и без жертв. А они уже предали русских тем, что стали убивать. Именно с нас началось разбегание советских республик по разным государственным домам.

С.: – С прибалтийских республик. Они откололись первыми.

Р.: – Они – как тот волк, который в лес всегда смотрит, давно стремились в Европу и тяготились тем, что должны подчиняться командам из Москвы. А затем именно Россия спешила отделаться от остальных одиннадцати республик, приняв 12 июня 1990 года Декларацию о суверенитете РСФСР, в которой утверждался приоритет республиканских законов над союзными. Ельцин жаждал избавиться от Горбачёва, рвался к власти, и в угоду Ельцину Верховный Совет РСФСР проголосовал за суверенитет Российской республики. Тогда раздавалась голоса о выходе из СССР: дескать, хватит кормить другие республики. Это был недвусмысленный сигнал остальным республикам, что Москва им теперь не указ. Вот – **седьмая причина** дрейфа Украины от России. Верховная Рада Украины последовала примеру нашего Верховного Совета более, чем через месяц. После августовского путча 1991 года Ельцин со товарищи фактически захватили власть в Москве, что показало всем: власть окончательно переходит в республиканские столицы. И Украина 24 августа 1991 года провозгласила государственную независимость.

С.: – А. Угланов в «Аргументах недели» высказал мнение, что к развалу Советского Союза приложил руку секретарь ЦК компартии Украины С. Гуренко. А Ельцину свергнуть Горбачёва и стать «царём Борисом» помог 19 августа Государственный комитет по чрезвычайному положению.

Р.: – Да, члены ГКЧП выступили очень не вовремя. Если бы РСФСР стояла твёрдо за сохранения Союза, он, пусть без Прибалтики, с Горбачёвым или без него, просуществовал бы ещё сколько-то лет. А если бы Ельцин после августа всецело поддержал намерение Горбачёва создать Союз Суверенных Государств, мы с Украиной и Белоруссией не расстались бы. Центр конфедерации был бы в Минске. Но 8 декабря 1991 года накануне заключения Горбачёвым договора о создании конфедерации Б. Ельцин, Л. Кравчук и С. Шушкевич заключили знаменитое Беловежское соглашение о полной государственной самостоятельности. А теперь что

толку причитать, что мы с украинцами и белорусами – один народ? Как говорится, поздно пить боржоми. Это – красноречивый пример, сколько бед мы можем натворить, когда всё делаем по прихоти одного человека на вершине власти.

С.: – В среднеазиатских республиках коренные народы – всё-таки другой культуры, расставание с ними не так болезненно. А вот с самыми близкими Украиной и Белоруссией, «разводиться» было нельзя.

Р.: – Да, СССР надо было непременно сохранить, хотя расшифровывалась бы аббревиатура иначе: «Союз Славянских Суверенных Республик». И мы вместе выбирались бы из того положения, в какое попали в конце XX века, помогая друг другу. И газ был бы общим, и Крым не надо было бы делить, и население Западной Украины в массе своей относилось бы к москвичам по-прежнему доброжелательно, как это сложилось к 80-м годам. Вряд ли диссидентов во Львове тогда было больше, чем в Москве, особой свирепости в Западной Украине к русским не наблюдалось. Вместе сближались бы с Европой, мы ведь тоже этого хотим.

С.: – Но сейчас уже половина граждан Украины считают Россию враждебным государством. Более лояльные киевляне говорят: «Мы не русских не любим, а Путина и тех, кто сидит в Кремле». Отношение к России иностранных руководителей, да и рядовых граждан, во многом зависит от нашего правителя. Получается, он восстанавливает против нас другие народы?

Р.: – В такой интерпретации главенствуют, скорее, эмоции. Надо рассматривать конкретные преступления нашего государства и Путина.

С.: – И мы отвечаем украинцам тем же. По социологическим опросам, летом 2014 года Украина среди врагов России уже оказалась на втором месте.

Р.: – С этим никак нельзя согласиться, что бы там ни происходило. Украинцы наряду с белорусами – самые близкие нам славянские народы.

С.: – Когда украинцев спрашивают, что мы плохого им сделали, они часто говорят о том, что мы нахрапом захватили Крым.

Р.: – Да, возврат в лоно России Крыма можно назвать **восьмой причиной** усиления воинственных настроений на Украине. В пользу этого акта мы руководствовались четырьмя аргументами. Первый: Крым с 1783 до 1954 года был российской территорией. Второй: две трети крымчан – русские. Третий: на референдуме при высокой явке девять из десяти крымчан, в том числе часть этнических украинцев, высказались за возвращение в Россию; такое количество нельзя подтасовать. Четвёртый: крымчан напугал захват власти в Киеве нацистами, их крайне агрессивные антирусские заявления, объявление государственным языком только украинского. Последующие трагические события в Одессе, Мариуполе, в Донецкой и Луганской областях утвердили крымчан в правильности их выбора. Но ещё в 1993 году, то есть вскоре после обретения Украиной «самостийности», Народно-трудовой союз, излагая в журнале «Посев» свою позицию, с тревогой сообщал о поползновениях украинских националистов разжигать в Крыму антирусские настроения, считал необходимым провести там референдум, поскольку «незыблемы не границы, а воля граждан, населяющих каждую территорию».

С.: – Украинские националисты говорят, что Крым – искони их территория. Какие у них основания так утверждать?

Р.: – История Крыма такова. В первом тысячелетии новой эры Крымом владели гунны, византийцы, хазары. В результате военных походов в X веке киевских и черниговских князей Крым был включён в древнерусское Тмутараканское княжество. Тогда была единая Киевская Русь. В XI-XV веках в Крыму хозяйничали печенеги, половцы, монголо-татары, генуэзцы. В середине XV века там образовалось Крымское ханство. По сути дела, Крым оказался под властью турок. В 1783 году полуостров перешёл к Российской империи. Кем только он потом ни заселялся, но больше всего русскими. В 1954 году Хрущёв ради своих эгоистических целей передал Крым Украинской ССР абсолютно незаконно и никого не спрашивая. Конечно, воз-

врат Крыма нам обходится весьма дорого. Теперь от нас тоже зависит, чтобы крымчане не пожалели о включении полуострова в состав России.

С.: – Крым нам дорого обходится не столько материально, сколько политически: у украинцев усилился страх перед российской вооружённой интервенцией.

Р.: – Особенно после референдумов в Донбассе и на Луганщине. На Украине появилось ощущение, что от Киева вот-вот отложится весь Юго-восток. Сама по себе громада России, как бы нависшая над маленькой страной, газовые и нефтяные трубы, протянувшиеся из России на Украину и через неё на запад, долгая историческая зависимость от Москвы, подобно фантомной боли, поддерживают ощущение вмешательства «москалей» в дела Украины. Это – **девятое обстоятельство**, являющееся катализатором там националистических настроений.

С.: – Если бы мы действительно вмешивались в украинские дела, там не возобладали бы русофобия. Антирусская истерия, дошедшая до степени психопатии, усиливалась по мере того, как увеличивалось влияние на Украину со стороны Соединённых Штатов. В 1991 году американцы даже опасались распада СССР. Но когда он произошёл, они вознамерились включить Украину в сферу своих национальных интересов. Используя кучку продажных авантюристов, они потратили на проамериканскую обработку украинцев наверняка больше 5 миллиардов долларов, о которых заявили. А мы сидели в стороне и только наблюдали за тем, что происходило у соседей. И досиделись. Теперь там хозяева – американцы. Так что антирусский дух на Украине был изрядно подогрет американской пропагандой.

Р.: – Значит, не так уж силен был этот дух даже в Западной Украине, раз на то, чтобы его разбудить, потребовалось почти четверть века. Но влияние американцев, конечно, отрицать нельзя. Это – **десятый фактор**, вызвавший на Украине драматичные события. Украинцы вообще склонны легко поддаваться пропаганде. В советские времена эта республика была даже больше проникнута советским патриотизмом, чем Российская СФСР. Всякие плакаты, транспаранты с лозунгами, зовущие к победе коммунизма, на Украине встречались чаще, чем на российской территории. Сейчас националистическими настроениями особенно заражена молодёжь, родившаяся уже в «самостийной» Украине, члены так называемого «правого сектора» – в основном 18-20-летние юноши. Так что тут ещё проявляется конфликт поколений.

С.: – Ощущая поддержку властного заокеанского покровителя, захватившие в феврале 2014 года в Киеве власть люди повели себя очень топорно. После того, как большинство жителей Донецкой и Луганской областей на референдуме высказались за независимое существование, перед властями было три пути. Первый – смириться с тем, что на территории Украины есть регионы со смешанным населением, согласиться на федерацию и узаконить разноразличия. Второй – при великом желании иметь мононациональную страну отделиться от областей с исторически сложившимся разноразличным населением и организовать преимущественно в правобережной Украине государство с одними украинцами. Третий – устроить на территории провозгласивших свой суверенитет регионов геноцид, выгнать в Россию или вырезать всех русских, оставить только этнических украинцев и заставить их говорить исключительно на украинском языке. Этот путь – откровенно фашистский, но безрезультатный, потому что несправедливая война ведёт к партизанскому сопротивлению. Киевский режим пошёл по самому варварскому пути. Как юные пацаны готовы растерзать кого угодно, чтобы показать свою преданность пахану, так же украинские боевики в угоду американцам убивают свой народ, превращают собственную страну в руины. И с такими разбойничьими повадками нынешний Киев хочет попасть в семью цивилизованных европейских народов?

Р.: – При первом варианте на постсоветском пространстве появилось бы ещё одно Приднестровье. Ясно было, что начальники в Киеве, узурпировавшие власть, постараются любой ценой удержать эти регионы, поскольку их экономический потенциал весьма высок. И США тоже не смирятся с переходом части Украины под опеку России.

С.: – Но Луганск и Донецк украинские боевики стали бомбить с таким остервенением, как будто это уже – не их территория, а вражеская. Как немцы Сталинград, а англичане Дрезден. Вот стали бы англичане бомбить Эдинбург и Глазго, убивать их жителей, если бы шотландцы проголосовали за независимость от Англии?

Р.: – Очень сомнительно.

С.: – Потому что шотландцев никто в мире не считает людьми «второго сорта». Бомбардировки украинской национальной гвардией мирных сограждан, напротив, недвусмысленно свидетельствуют о том, что украинцы сами себя не относят к европейским «первосортным» этносам, ведь среди погибших много этнических украинцев. Здравомыслящих европейцев украинские националисты только отпугивают, поскольку на деле оказались никакими не европейцами, повели себя, как дикая средневековая орда с Востока. Вот и доказывай после этого всему миру, что славяне – не варвары! И американцы в 2014 году фактически сами признали, что восточные области Украины принадлежат России. За разразившуюся там гуманитарную катастрофу и тысячи погибших мирных жителей они ругают российское правительство, а не Киев. Твердят, что из этих областей люди бегут от российских агрессоров, но почему-то бегут они в Россию. Обвиняют нашу страну во вмешательстве в дела Украины, при этом сам президент США призывает нас вмешаться и повлиять на Юго-восток Украины, чтобы там прекратили противодействовать киевским властям. Логика – ноль!

Р.: – Всё объясняется просто: дескать, вмешивайтесь, но только так, как хочется нам. А о том, что американцы противоречат сами себе, они даже не думают. Соединённые Штаты напролом идут к своим целям, и их не волнует, как они выглядят в глазах мирового сообщества. Но было наивно предполагать, что российское руководство спокойно отнесётся к тому, что Соединённые Штаты будут хозяйничать на всей Украине. Поэтому в украинской войне участвуют тысячи российских граждан, и кто из них туда прибыл добровольно, а кто нет – если и узнаем, то позже. С той стороны иностранных наёмников и добровольцев – не меньше. В Европе уже с сарказмом говорят, что Соединённые Штаты будут сражаться с Россией до последнего украинца.

С.: – А украинцы, как наивные дети, и рады стараться угодить заокеанским дельцам. Где же их национальная гордость? Создаётся впечатление, что украинские «самопровозглашённые» власти стараются очистить для американцев Донецкую и Луганскую области от населения, ведь для заокеанских генералов эта территория, вдающаяся в Россию, – лучший подарок в военно-стратегическом плане. Он даёт возможность американцам оказаться как можно ближе относительно центра России.

Р.: – Даже если это и так, ни американские, ни тем более украинские политики эту бесчеловечную цель никогда не признают. На такой цинизм был способен только Гитлер.

С.: – Но разве наши соседи не видят, что в своём «дранге нах вестен» рискуют оказаться в объятиях «дядюшки Сэма», ещё более эгоистичного и свирепого, чем русский родственник?

Р.: – Соединённые Штаты далеко, и они никогда не навязывали Украине сталинский режим, поэтому их украинцы пока не боятся.

С.: – А полякам, венграм, румынам, страны которых граничат с Украиной, не досадно, что их не зовут на переговоры по поводу ситуации у соседей? За них почему-то всё решают стратеги из другого полушария, которые к Украине никакого отношения не имеют, находясь от неё – дальше некуда.

Р.: – Американцы – часть западной цивилизации. А мир охвачен «западоманией». Взять массовое переселение в Европу жителей Азии и Африки.

Вестернизация – всемирное явление.

А западнее Соединённых Штатов – только океан. События на Украине нам показывают, что нигде не существует пожизненной прививки от проявлений жестокости. Растёт дестабилизация всего человечества.

С.: – Украинцы ориентируются на державу, которая вызывает в мире всё большее недовольство наглой и агрессивной политикой. Но почему мы не встали решительно и открыто на защиту Новороссии?

Р.: – Значительная часть населения Украины, особенно правобережной, воспримет наши действия как оккупацию. В Европе антирусские настроения и так сильны. Куда же ещё больше нагнетать атмосферу вокруг нас? Активное выступление на стороне Юго-востока приведёт к открытой конфронтации с Соединёнными Штатами и с послушными им пока европейцами. Такая акция пагубно сказалась бы на нашей экономике. Российский истеблишмент, слишком тесно связанный с западными странами – банковские счета, недвижимость, проживание там детей и т.д., – боится всяких санкций, от которых его интересы весьма пострадают. Наконец, мы не такой воинственный народ, как американцы.

С.: – Однако энергично взялись за укрепление и модернизацию своих вооружённых сил, то и дело проводим учения. Мы снова приняли стойку «готовность к отражению удара». В некоторых европейских странах опять проявляется синдром «угроза с Востока», как до перестройки.

Р.: – О том, что именно Соединённые Штаты Америки и вообще Запад не готовы прекратить войны на планете, говорит такой факт. У НАТО было две прекрасные возможности утвердить мир на Земле, инициировать всеобщее разоружение. Первая – когда Горбачёв пошёл на одностороннее сокращение вооружений, поддержать его ответными действиями. Вторая – после распада СССР и кризиса в России, когда нам было не до больших расходов на оборону. И обе возможности американцы и их союзники не использовали. Вместо этого они стали расширять НАТО до самых наших границ. Потому-то у нас и говорят, что НАТО – агрессивный блок. Даже появилась такая шутка. Американцы возмущаются: «Безобразие, российские границы проходят рядом с нашими военными базами!»

С.: – Это уже – не шутка. Обложили нас со всех сторон, а европейцы их поддерживают. До взаимопонимания и дружелюбия с европейскими народами русским, видимо, ещё далеко. Мы по-прежнему для них – страна-противник.

Р.: – Такое отношение идёт издавна. До середины прошлого тысячелетия европейцы полагали, что на северо-востоке – дремучие почти незаселённые дебри, в которых обитают полудикие племена или монголы-кочевники. И вдруг откуда ни возьмись, по историческим меркам внезапно, там появилась мощная держава каких-то русичей, которая заявила о себе как об одной из ведущих в мире. Мы воспринимаемся европейцами нахальными выскочками, как бы не имеющими права на выдающееся положение. Нас не любят ещё потому, что мы – не покорённый никем и никому не поддакивающий народ. Когда мы в 90-х годах признавали старшинство Соединённых Штатов и их победу в идеологическом споре, они к нам относились снисходительно-покровительственно, но благодушно. Когда же мы стали выступать в мире как не зависимое ни от кого значительное государство, американцы восприняли это как вызов их мировому владычеству, были рассержены таким «своеволием».

С.: – Китайцы ведут себя не менее самостоятельно.

Р.: – Конфликт США с Китаем уже назрел. Но китайцы – далеко на востоке, в мировую политику настырно не лезут. А Россия всегда была соседкой европейцев, во все времена соперничала с Европой, стремясь стать полноценно европейской страной, к тому же давно претендует на место сверхдержавы.

С.: – Нас обвиняют в экспансионизме, но разве нам сравниться в этом с американцами? Взять хотя бы их вторжение в Ирак, варварскую бомбардировку Югославии и Белграда в 1999 году. И к американцам никто не предъявлял претензий. Какой вой поднялся бы, если бы мы бомбили, например, Тирану или какой-то другой европейский город. А теперь американцы с ногами влезают в Украину. Можно ли себе представить, чтобы мы пытались захомутать Мексику?

Р.: – Американцы – экспансионисты от наглости, они не «комплексуют», по крайней мере, их правящая верхушка. А нами больше двигает амбициозность из-за ущемлённого самолюбия. Наглость, к сожалению, в мире больше в чести, чем что-то другое.

С.: – Но факт остаётся фактом: к нам часто несправедливы, применяют так называемые двойные стандарты, предъявляют необоснованные претензии. Кто же ведёт воинственную политику, мы или Запад во главе с американцами? Становится обидно за европейцев, что они попали в зависимость от Соединённых Штатов. И под их давлением

мир всё больше действует «по понятиям».

Такие ценности как справедливость, принципиальность, совесть всё больше уходят из мировой политики. Барак Обама недавно заявил, что США призваны руководить миром. В разное время римляне, французы, англичане, немцы заявляли о себе как о самой передовой нации. Мы пытались инициировать мировую революцию и встать во главе освобождённого человечества. Гитлер мнил себя властелином мира. И чем это кончилось для нас и для немцев? Американцы уверовали в свою безнаказанность, их обуяла мания величия, хотя у них самих проблем хватает: нескончаемые природные катаклизмы, колоссальный государственный долг, усиливающийся сепаратизм, рост межнациональной напряжённости внутри страны, агрессивность в обществе, приводящая к неспровоцированным убийствам, и т.д. Но история давно показала: доминирование над народами, тем более карательные действия относительно других государств, – дорогое «удовольствие», за это приходится убийственно много платить. Кто слишком зарывается, вскоре получает крепкую оплеуху.

Р.: – В последние десятилетия идею превосходства над остальными землянами перехватили мусульманские фундаменталисты, объявив остальных «неверными», создав крайне агрессивное Исламское государство. Что касается имперских амбиций американских политиков – это на их совести, а нас должно всё-таки больше волновать отношение других народов к нам. Чем мы вызываем нелюбовь некоторых политиков и граждан других стран? Тем, что мы – ядерная держава? Но в мире уже почти десяток ядерных держав. Мы – самобытный народ, не похожий ни на один другой? В мире каждый народ чем-то отличается от других. Размерами занимаемой территории? Но Австралия и Канада тоже огромные страны, причём слабее заселённые, чем Россия.

С.: – В XX веке вся враждебность к нам Запада строилась на борьбе против коммунизма. Коммунистическая идеология давно исчезла, а враждебность к русским только усилилась.

Р.: – Значит, наш советский строй был тоже ни при чём. Между тем история свидетельствует, что англосаксы, немцы, австрийцы и некоторые другие европейские народы издавна испытывают неприязнь к славянам, относятся к нам с высокомерием, негласно смотрят на славянские народы как на враждебную им силу. Наиболее откровенны были гитлеровцы, считая поляков, украинцев, русских, сербов «недочеловеками». Высказывания некоторых проницательных политиков, например, Чехии и Польши говорят о том, что в этих странах истинную подоплёку происков американцев против русских уже раскусили. Причина такого предвзятого и ревностного отношения к славянам, особенно к русским, говорит о том, что на Западе в нас видят серьёзных соперников, чувствуют в славянах большие потенциальные возможности: интеллектуальные, культурные, военные и пр. Европейцы и американцы прекрасно знают, что мы, русские, если возьмёмся за дело как следует, на многое способны, и это их настораживает. Поэтому англосаксы и немцы задались целью раздробить южных славян, подчинить себе западных, но больше всего ядовитых стрел посылают в адрес самой большой и сильной славянской державы – России. Они ведут себя по отношению к славянам по принципу «разделяй и властвуй», науськивают эти народы друг на друга. А мы часто заглываем их крючок, демонстрируя превосходство друг над другом, дистанцируемся один народ от другого, а то и ввязываемся в войны.

С.: – В общем, мы виноваты лишь в том, что мы – славяне?

Р.: – Это – одна из основополагающих причин.

С.: – По поводу нас, русских, наши оппоненты ворчат, что мы не можем толком свою территорию обустроить, то есть воспринимаемся, как собаки на сене.

Р.: – Этот факт должен задевать, скорее, находящийся рядом Китай, а не далекую Америку. В претензиях к нам какую-то роль играют разные причины: природные богатства нашей страны, готовность противостоять сильным государствам с целью защиты «обижаемых» стран, наше восточное местоположение и т.д., что нам объективно вменить в вину нельзя. Стало быть, придирки к нам объясняются корыстными интересами влиятельных персон других стран. Но они имеют и психологическую подоплёку, зависят от нас самих. Нам следует уяснить, чем мы провоцируем неприязненное отношение к себе иностранцев, как мы ведём себя внутри России и за рубежом, как относимся друг к другу. Мы долгое время старались скрывать наши пороки, наивно думая, что они представителям других народов не видны. Теперь мы знаем, что шила в мешке не утаишь. Словом,

нам следует и на себя оборотиться.

С.: – Если бы ещё шило было одно, а то их – не счесть! Например, неприязненное, безразличное впечатление производят наши лихие «молодцы», безобразничающие на зарубежных курортах. Некоторые «горячие русские парни» ужасают иностранцев-европейцев безудержным разгулом с битьём посуды и физиономий друг друга и тех, кто попадётся под руку. Граждане других стран стараются нас избегать, что уже происходит нередко в тамошних отелях.

Р.: – Непристойно ведут себя на отдыхе не только русские, но нас-то больше интересуют соотечественники. В их пьяном кураже много демонстративного, стремления скомпенсировать усилившуюся в конце XX века нашу закомплексованность, показать своим ухарством «удаль молодецкую»: дескать, знай нас, русских. Мы всё печёмся о нашем имидже за рубежом, а надо бы начать с того, что самим не пускать за границу сильно там проштрафившихся.

С.: – Вообще наш культурный уровень оставляет желать лучшего. Хамство, грубость, агрессивность бросаются в глаза, едва человек, приехавший в Россию из-за рубежа, выходит из аэропорта или с вокзала в город.

Р.: – Как будто, мы в этом свойстве исправляемся. На олимпиаде показали себя с хорошей стороны.

С.: – Дай Бог, чтобы это стало тенденцией. Кроме того, всё ещё где-нибудь в очереди, в курилке, в электричке можно услышать самоуничижительные реплики вроде «у нас всё не как у людей», «ты забыл, в какой стране живёшь?» и другие в том же духе.

Р.: – Уж чем-чем, а самобичеванием, смакованием своих пороков мы заниматься любим. В подобных репликах даже слышится бравада: дескать, вот какие мы особенные, жить по общепринятым законам бытия нам неинтересно. От самих наших соотечественников можно услышать: «никто не ценит русских так низко, как сами русские», «русские себя любят меньше, чем других». Нам надо пореже употреблять слова «быдло», «стадо», «рабы» и т.п. даже иронично. Никто не будет к нам относиться лучше, чем мы сами к себе.

С.: – Безусловно! Но важнее изживать то, что побуждает нас досадливо махать рукой на самих себя. В. Медведев, В. Хомяков и В. Белокур в книге «Национальная идея, или чего ожидает Бог от России» пишут: «Сегодня мы хотим, чтобы нас уважали, как уважали наших предков, и шли за нами, как когда-то шли за ними. Но взглянем критически на нас сегодняшних и попробуем ответить на вопрос: а заслуживаем ли мы уважения? Многие из нас – люди, провозгласившие как основу межчеловеческих отношений лозунг «человек человеку – волк». Наши коррумпированные структуры власти за хорошую цену готовы продать «своих» любому «чужому». Единственный путь заставить себя уважать – стать достойными уважения».

Р.: – Есть такая шутка. Скорый поезд мчится на юг. В каждое купе с вежливой улыбкой заглядывает проводница, спрашивает: «Иностранцы есть?» Везде отвечают, что нет. Проводница кричит: «Вася, вырубай кондиционер, тут одни наши!»

С.: – Какая же это шутка? Самая что ни на есть действительность! А вот какой пример приводит В. Мединский в первой книге «Мифы о России». Он наблюдал в Шереметьево-2 сцену: грузчики толкают ногами чемоданы, пиная их как попало. На замечание они искренне ответили: «А вы не в Европе здесь! Вы в Россию приехали». Представительница немецкой фирмы, венгерка по национальности, раздражена тем, как относятся разные служащие к своим гражданам: «В других странах государство прежде всего защищает своих, а у вас наоборот. Стоит мне сказать в переполненном ресторане, что я из Германии, как постараются найти свободное место. Русский же убирается восвояси, если не заплатит охране».

Р.: – Вот иностранец и думает: если сами русские так относятся к своим согражданам и к стране, в которой они родились и выросли, то почему я должен относиться к России и русским с любовью и уважением? Пока мы не начнём обращаться со своими соотечественниками так же, как с англичанами, венграми, шведами, мы европейцами, в лучшем смысле этого слова, не станем, и вообще на успешное развитие страны рассчитывать трудно.

С.: – А взять гигантское расслоение россиян, когда одна, малая часть, русской нации с презрением и высокомерием относится к другой её части, большей. Наши оппоненты не жалуют и презирающих, и презираемых. Первые – за хамскую «жлобскую» позицию, а вторых – за неспособность постоять за себя, защитить свои интересы и заставить слишком наглых и заносчивых уважать себя. Иностранцев раздражают дикие выходки нуворишей, показное швыряние огромных сумм на немыслимые прихоти и капризы, их эпатажное стремление переплюнуть всех на свете. Притом все в мире знают, что огромная часть населения России едва сводит концы с концами. По степени социального расслоения мы опережаем все страны Европы, Индию и даже Турцию, вырываемся на первое место в мире, если уже не находимся на нём. Поэтому и живём гораздо хуже, чем могли бы.

Р.: – Это расслоение и разобщает наш народ. А любой разобщённый народ становится более уязвимым для его соперников. В свою очередь, мы начинаем чувствовать угрозу извне, противостояние требует дополнительных расходов на вооружение. Вот нас и начинают считать потенциальными агрессорами.

С.: – В нас крепко засела привычка постоянного противопоставления другим странам и народам. Всё время разделяем: «мы» и «они».

Р.: – Да, мы часто слишком вызывающе и с большими претензиями утверждаем себя в мире, а то становимся в позу отвергнутого компанией подростка.

С.: – Мировую общественность поражает наша коррупция. Немыслимое воровство чиновничества, патологическая жадность, нежелание держать себя хоть в каких-то рамках вызывает в цивилизованных сообществах, где коррупции почти нет, брезгливое желание от нас отодвинуться так же, как мы реагируем на воришку, которого в автобусе поймали с поличным.

Р.: – То есть иностранцы видят, что у российского начальствующего контингента нет даже понятия о человеческой чести. Это, пожалуй, и есть главное, за что нас не уважают. Мы то и дело бьём себя кулаком в грудь, занимаемся самовозвеличением, чем вызываем у других народов желание поставить нас на место, давать нам заведомо заниженные оценки. Никак не хотим отказаться от советской, особенно хрущёвской, риторики типа «мы самые-самые», «мы всех обгоним», «мы впереди всех». Заявления подобного типа уже снова раздаются на некоторых каналах телевидения.

С.: – Только бы мы не начали грозить всем показать кузькину мать.

Р.: – Не дай Бог! Наши доблести должны проявляться максимально в делах и минимально в словах.

С.: – Однако мы никак не хотим признать свои грехи, особенно в годы сталинизма. Публичное признание своих неблагоприятных и противоправных деяний мы расцениваем как слабость, как поражение. С советских времён считаем себя всегда правыми.

Р.: – Мы в этом качестве тоже меняемся. М. Горбачёв сознался в расстреле нашими службистами тысяч польских офицеров в 1940 году, Б. Ельцин извинялся за допущенные ошибки во время своего правления. Но важнее покаяние не на словах, а на деле. Самое главное: мы покалялись за сталинизм самым фактом сужения контролируемой Москвой территории до размеров РСФСР в послевоенных границах, хотя многие и сожалеют об этом.

НАС «АРШИНОМ ОБЩИМ НЕ ИЗМЕРИТЬ»

Сердитый: – Из высказываний, характеристик в печати относительно нас, русских, невозможно вынести определённое представление о том, кто мы такие, как к нам относятся граждане других стран, настолько разнообразны и подчас диаметрально противоположны мнения и оценки. Причём эти суждения и характеристики часто выносятся безапелляционно, с полной уверенностью, что так и есть на самом деле. Неспроста возникло выражение «загадочная русская душа».

Рассудительный: – Люди в эти три слова вкладывают, в частности, нашу неоднородность. Любой большой народ невозможно охарактеризовать общими словами, а русский тем более. Нельзя также судить односторонне о взаимоотношениях нашего народа и какого-то другого. Понятие «русские» охватывает чрезвычайно разнообразные типы личностей. Мы – слишком противоречивое общество, отличаемся от других пестротой, крайне широким для одной нации диапазоном свойств по многим параметрам, во всех аспектах – в социальном, психологическом, интеллектуальном, культурном, деловом, нравственном, в образе жизни и мышления, в уровне культуры разных групп населения и во многом другом. В этом наша сила, но и наша сложность: из-за этого мы никогда не могли ясно и чётко донести до граждан других стран свои приоритеты. Поэтому нас считают непредсказуемыми, от нас ждут кнута и пряника одновременно. И представители других народов, и мы сами, пытаясь назвать типичные черты русского человека, постоянно натываемся на противоречия, которые не дают сделать однозначный вывод. В России можно встретить самых рафинированных высокообразованных эрудированных аристократов с породистыми чертами лица, с самыми изысканными манерами, каких не так легко найти даже в Западной Европе, – и людей на уровне средневековых степняков-кочевников; титанов мысли, виднейших философов – и воинствующих неграмотных невежд.

С.: – А на любом вокзале можно увидеть вконец опустившихся бродяг, абсолютно одичавших изгоев общества.

Р.: – В России много талантливых людей, в том числе среди бездомных бродяг, либо спившихся, либо отвергнутых, отчаявшихся. Мы сами горазды на экстремальные оценки самих себя. Наши граждане либо говорят: нация пьяниц, лодырей, хамов, агрессивных людей. Либо мы – чуть ли не все сплошь талантливы, трудолюбивы, добрейшие натуры, необыкновенно отзывчивы и т.д. Может быть, наша нетерпимость к «инакости» – реакция на нашу неоднородность во всём, на присущее нам

многообразие русских характеров, чересчур широкий диапазон социально-психологических типажей у одного народа.

И мы подсознательно стремимся уменьшить этот огромный разброс свойств, нам хочется большей похожести друг на друга. Мы – сплав самых разных народов. Хотя мы и произошли от западных и южных славян, по пришествии на север породнились с финскими, прибалтийскими племенами, добавили скандинавский кровей. Но мы также потомки скифов, сарматов, готов, удалых степняков – половцев, хазаров и других тюркских народов. Русские князья женились на знатных половчанках. А после распада Золотой Орды мы слились с татарами, башкирами. Хотя основа у нас славянская, и язык, конечно, тоже. Мы потому и красивы внешне, особенно женщины, что сплавлены из очень разных племён и народов, весьма отстоящих друг от друга. Живучи и талантливы мы тоже поэтому.

С.: – В итоге нас наградили эпитетами вроде «дикари», «русские медведи», а то и вовсе говорят, что мы – никакие не славяне, а татары.

Р.: – Да, были среди нас почти дикари, но были и достигшие наивысшего для своего времени уровня культуры. Например, в Великом Новгороде в XII-XVI веках было много грамотных людей среди бояр и торговцев, ремесленников и крестьян, читать и писать умели муж-

чины и женщины – если судить по тысяче с лишним найденных в городе берестяных грамот с посланиями, списками, с детскими ученическими упражнениями. Даже в Европе в то время грамотные были только среди духовных лиц и вельмож. Три с половиной столетия в XII – XV веках в Новгороде существовала республика, то есть вполне реальная по тем временам демократия. Самые важные вопросы решало вече – собрание горожан, что фактически было народным волеизъявлением. Роль варваров здесь сыграли сначала Александр Невский, жестоко распространивший монгольскую власть на Новгород, потом московский великий князь Иван III в 1478 году и московский же царь Иван IV в 1570 году, которые привели в этот благополучно существовавший русский город русские же войска, разгромили его с необыкновенной жестокостью, уничтожили тысячи людей. Налицо – огромная разница в уровне культурного развития: цивилизованности новгородцев и азиатского варварства тогдашних московских правителей. Новгородская земля могла ещё в I тысячелетии новой эры закрепить за собой статус норм, образа жизни, быта, политического устройства по европейскому образцу, предварив на 500 лет раньше замысел Петра I об организации на Руси кусочка Европы.

С.: – Получается, наши правители своими руками уничтожали на русской земле европейскую цивилизованность, которой мы теперь никак не можем достичь. Мы до сих пор пытаемся понять, почему вольный народ Руси легко поддался великокняжескому деспотизму, который максимально проявился во время правления Ивана IV. Как совмещается конформизм с анархизмом русского человека? Невероятный контраст проявился также во времена Петра I: с одной стороны – просвещение, с другой – рабство.

Р.: – Объяснить это можно тем, что свой владыка, князь или воевода, даже если был притеснителем, всё-таки не убивал, не угонял в плен жену и детей, не сжигал жилище, как незваные пришельцы преимущественно из степей с юго-востока. А появившийся в XVI веке «Домострой» изложил средневековые нормы ведения хозяйства и семейных отношений, бытовавшие на Руси, и утвердил их как руководство к действию. У каждого дома, как толковал «Домострой», был свой государь. «Бог во Вселенной, царь в государстве, отец в семье». Хозяин-отец был един во всех ипостасях: администратор, главный «завхоз» внутри своего хозяйства, судья, который разрешал по своему разумению все споры и разногласия. Отец семейства, муж имел непререкаемый авторитет, требовал от домочадцев беспрекословного послушания, за проступки наказывал, но не часто утруждал себя объяснениями, почему надо поступать так, а не иначе. А членам семьи приходилось быть послушными и покорными, поскольку «до Бога высоко, а до царя далеко». Как писал иностранец, проживший несколько лет в России в конце XVIII века, в каждой деревне в России имелся маленький тиран. Так же старосты, князья с их дружинами были в городищах, потом в городах все: и защитниками, и вершителями судеб, и карательной инстанцией, то есть обладателями непререкаемой власти.

С.: – И купеческие кланы в России жили за высокими заборами замкнуто, детей на улицу не выпускали, они гуляли во дворе и в своём саду, даже учили детей дома сами родители или приходящие учителя.

Р.: – Потом и в помещиках крестьяне часто видели не эксплуататора, а защитника. «Помещик-крепостник распоряжался в своём поместье, как никому не подвластный король, – пишет английский историк Д. Ливен в книге «Аристократия в Европе. 1815-1914». – В целом жизнь в России была менее, чем в Центральной и Западной Европе, стеснена законом и приличиями, дворяне-землевладельцы пользовались неограниченной властью королей в миниатюре». Это было всего одну-две сотни лет назад.

С.: – И в нас не изжиты нормы крепостничества. Иные большие и маленькие начальники в формах с погонами и в современных костюмах ведут себя с подчинёнными и вообще с людьми так же, как помещики и бояре со слугами двести, триста, пятьсот лет назад, будто никто до сих пор крепостное право отменять и не думал. У нас ещё властвует местечково-домостроевская психология: мол, в своём дворе, за высоким забором могу творить со своими домочад-

цами и прислугой всё, что захочет моя левая нога, а кто-нибудь из соседей – попробуй, тронь кого-либо из моего хозяйства! И вот забитая мужем жена годами терпит его издевательства из-за отсутствия альтернатив: на своё жильё она и за пять жизней не накопит, формальный развод мало что даст.

Р.: – Терпеливость современных женщин – рудимент старых времён. Не все способны от ненавистного мужа вырваться в неопределённость. Так же в прошлые века немногие были готовы сняться с обжитого и привычного места, уйти в неизвестность. Тогда дорог-то не было, перемещались в основном по рекам. Большие расстояния между селениями древней Руси оказывали на князей и их дружинников, на воевод с приближенными, позже на помещиков развращающее влияние. «Физической разбросанности, разрозненности народа соответствовала несплочённость общества, а потому невозможность выработать крепкие нравственные границы, – писал историк С. Соловьёв. – Дурной воевода мог делать всё, что хотел: нравственных сдержек не было». Беснаказанность глав семейств, хозяев дворов, старшин из-за изолированности селений Старой Руси развязывали им руки для произвола, делали представителей власти держимордами. У них вырабатывалась склонность не прислушиваться к мнению людей, а подчинять их своей воле, принуждая к покорности. «Каждое имение представляло собой самодовлеющий замкнутый социальный и хозяйственный организм, слабо зависимое от государственной администрации образование, обязанное лишь уплачивать подати и поставлять рекрутов», – сообщает доктор исторических наук Ю. Тихонов в книге «Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII и XVIII веков». Боязнь властей – глубоко в подсознании русских людей. Отсюда же – сильное стремление наших соотечественников в начальство. Так

наш народ поляризовался на очень властных и чересчур послушных.

Мы привыкли подчинять и подчиняться одновременно.

С.: – М. Пыляев в книге «Старая Москва», изданной в 1891 году, рассказывает, что в XVII веке «все московские дворяне были служилые люди, даже они не могли отлучаться из Москвы без царского позволения под страхом жестокого наказания. Все чины были обязаны ежедневно утром съезжаться к царскому дворцу».

Р.: – А что тогда говорить о крестьянах? Невозможность обитателей деревни, хозяйства, дома увернуться из-под власти, ощущение, что «некуда деться», вырабатывали рабское отношение к власти имущим. Но стоило кому-то выбраться в старосты или воеводы, как в нём брали верх анархические настроения и мотивы: «Ну теперь я отыграюсь за своё прежнее многолетнее терпение!» Историк С. Соловьёв изрёк: «Раб безжалостен к подчинённому ему рабу или животному». И то, что одни склонны подавлять людей, а другие быть послушными и преданными, причём и то, и другое качества проявляются часто экстремально, тоже показывает, что русские шире обычного понятия о нации.

С.: – У нас много ограниченных недоумков, дикарей, будто вчера вылезших из пещеры. А если у такого субъекта наглости, как у пятерых, и он способен только отнимать всё у других, то он становится отпетым негодяем, от которого страдают многие вокруг.

Р.: – Негодяи уравниваются благороднейшими истинными гражданами своей родины. Сколько бы мы себя ни ругали, среди нашего народа очень много бессребреников, трудолюбов, прямо-таки неправдоподобно порядочных людей.

С.: – Только их что-то не видно и не слышно. По телевизору всё больше показывают разбойников, взяточников, мошенников.

Р.: – Выходящие из ряда вон субъекты, бандиты, ограбившие инкассаторскую машину и убившие инкассаторов, привлекут внимание скорее, чем честные сдержанные трудяги. О последних мы говорим очень мало, поэтому создаётся впечатление, что страна кишмя кишит подонками. Но когда кто-то говорит «русские – душевные люди», он так же далёк от истины, как и тот, кто уверяет, что «русские – жестокая нация». Впрочем, наверняка первых больше.

С.: – Среди нас есть бессердечные негодяи, для которых нет ничего святого, и они готовы ради достижения своих эгоистических корыстных целей маму родную и даже своего дитя убить.

Р.: – У любого народа есть вырожденные, а есть ангельские души. Есть отъявленные выжиги – и добрейшие во всех смыслах люди. Не на пустом же месте родилась молва, что русский готов последнюю рубашку отдать, куском хлеба поделиться.

С.: – Но, как сказала в одном интервью блистательная Г. Вишневская, если у русского десять рубашек – не допросишься. Можно добавить: если у него мукой набит большой амбар – и пригоршни не даст. Уже то, что несчастную последнюю рубашку мы так старательно выпячиваем, говорит о том, что это для нас нетипично, по крайней мере, в наше время.

Р.: – Видимо, когда «не допросишься», включается другой механизм – купца, предпринимателя: дескать, я свой капитал не разбазариваю направо и налево, а каждую копейку вкладываю в развитие своего дела.

С.: – Б. Акунин, который Чхартишвили, считает, что в народе существует примерно десять процентов праведников, которых ничем не испортишь; десять процентов злобных грешников, которых уже не исправишь, а в остальных восьмидесяти процентах людей присутствует добро и зло примерно поровну, и они в зависимости от обстановки, от того, кто на них повлияет, как поведут себя другие, могут качнуться и к «плохим», и к «хорошим».

Р.: – Это уже – с позиции нравственности. Оценочных шкал существует очень много, но у нас на Руси часто обедняют эти шкалы, сводят оценку людей к простейшим: «хороший – плохой», «нравится – не нравится», «свой – чужой» и на них строят отношения, в том числе деловые. То есть доминирует эмоциональное восприятие действительности и людей. Потому в одном человеке способны уживаться доброта и агрессивность. Один и тот же человек из одного состояния в другое, причём противоположное, способен переходить быстро. Особенно хорошо это проявляется в поведении пьяного. Посмотрели вы на него добрым взглядом – он ваш лучший друг. Сменили выражение лица на недовольное – он уже враг. Наш брат способен быстро перестраиваться, перевоплощаться из злодея в ангела, и наоборот. Эмоциональность русских объясняется тем, что наши предки в течение столетий пребывали в тесном контакте с живой необузданной природой. Безжалостная порой к человеку внешняя стихия ожесточала его характер. В то же время суровая природа веками вырабатывала у русского человека покорность, даже благоговение перед бескрайним пространством, поросшим дремучими лесами, перед дикими зверями. Русский много веков жил в деревянном доме на первом этаже вблизи земли, его дом окружали деревья, кусты и трава, и вообще вся его жизнь была окружена деревом. А европейцы дома строили в основном из камня. Но дерево изначально живое, и даже будучи срубленным и высохшим, сохраняло дух живой природы. У русского характер – под стать грунтам. Въезжаем на пригорок – дорога гладкая, твёрдая, повозка катит с ветерком. Но вот спускаемся в низину – грунт глинистый, а бывает, и болотистый.

С.: – Мы развиваемся зигзагообразно, упираясь то в правый край, то в левый, от тоталитаризма к анархии, от одного рукотворного апокалипсиса до другого, временами оказываясь на грани катастрофы. Хвастливо заявляли, что мы – самое прогрессивное и перспективное общество за всю историю человечества, что всех капиталистов закопаем. А вскоре, в исторической перспективе в одночасье, предали всё это анафеме и с такой же оголтелостью метнулись к многократно ошельмованному, казалось, навеки отвергнутому капитализму, в сознании многих представлявшемуся как чудовище заморское, из которого цивилизованные страны давно ушли в социал-демократию.

Р.: – Август 1991 года хорошо показал, как люди за один день меняли политическую ориентацию на 180 градусов, причём в массовом масштабе.

С.: – Вот-вот! М. Тухачевский сначала был доблестным рыцарем революции, потом стараниями НКВД стал врагом народа. В 60-х годы – опять стал «положительным», великому-

чеником-героем, погибшим от злой руки тирана, ему посвящали книги. А после 1991 года снова стал «плохим»: расправлялся с Колчаком и Деникиным, расстреливал поляков в 1920 году, подавлял выступления кронштадтцев, антоновцев на Тамбовщине, то есть выполнял роль цепного пса большевистского режима. И в обоих случаях – на основе эмоций. А. Проханов восхищается своей метафоричностью, а В. Новодворская – ироничностью, слушать её было – одно удовольствие. Но один тянет в прошлое, из которого мы, слава Богу, ушли, а другая пыталась навязать России то, что в ней осуществить пока нереально. И что, так и будем впредь шарахаться от анархического либерализма к чиновничьему деспотизму? В освещении частной жизни звёзд кино или эстрады – такое же метание. В СССР она была полностью закрыта для всех. А теперь эти звёзды выставляют напоказ даже самые интимные стороны своего бытия, сбрасывая при этом с себя все одежды.

Р.: – Резко отрицательная характеристика советского периода в 90-е годы – это выплеск того, что раньше власти заставляли людей загонять внутрь, то есть произошла отмашка маятника. Однако такая метаморфоза произошла далеко не со всеми гражданами. Чернить советский период особенно старались диссиденты, пострадавшие от советской власти, а также пишущая братия, стремясь своей радикальной и оригинальной позицией привлечь читателей. Конечно, нам недостаёт спокойного объективного анализа наших особенностей, сильных и слабых сторон, разных исторических периодов. Чем реальнее, деловитее мы будем себя оценивать, тем легче нам будет исправлять свои недостатки. Академик Д. Лихачёв в книге «Раздумья о России» отмечает, что «амплитуда колебаний между добром и злом в русском народе чрезвычайно велика. Центристские позиции тяжелы, а то и просто невыносимы для русского человека».

С.: – Жизнь русского – это чересполосица и в поведении, и в трудовой деятельности. То безмятежно лежим на печи, а то устраиваем штурмовщину.

Р.: – К такому поведению русских приучила природа. Суровый континентальный климат, глинистые почвы, большие расстояния России, долгие зимы с сильными морозами и короткий летний сельскохозяйственный период, который тоже прерывался дождями и распутицей, формировали у крестьянина авральный стиль работы. Ему летом приходилось от зари до зари работать, а зимой больше сидеть в избе. Такая сезонность активности вызвала и цикличность в истории всего русского народа. Мы живём и функционируем волнами: мобилизация – спад – новый подъём – снова спячка. Отстаём, отстаём, а потом вдруг – раз! – делаем рывок. Не случайно говорят, что

русский народ может или взлететь, или низко упасть,

Мы способны круто менять свои приоритеты, из убеждённых монархистов превращаться в оголтелых анархистов, из паинок – в жестоких истязателей и т.д. И нынешний всплеск пошлости, похабщины, безнравственности – явление временное. В сфере морали можем броситься в другую крайность – безудержный пуританизм. Особенно такие резкие переходы из одного состояния в другое происходили во время смен власти. В 1917 году творцы истории христианскую православную страну столкнули в воинствующее безбожие. В 1991 году совершили ещё один «переворот через голову», даже неожиданно для самих.

С.: – В то же время истинную позицию русского человека не сразу узнаешь. Недаром мужик слышит таким хитроном, на словах – одно, а про себя думает другое.

Р.: – В этом и заключается одно из главных противоречий России, которое сформировалось издавна. С одной стороны, князья, привыкшие брать со своего народа дань и относящиеся к нему как к подневольным батракам, вели себя с ним наподобие оккупантов. В результате народ стал думать, что власть – нечто чужое, вроде не враги, но и не свои. Поэтому князей, бояр, помещиков, чиновников воспринимали настороженно, с недоверием, как говорится, с фигой в кармане. Вот и закрепилось отношение к государству как недоброй силе. Но в то же время русский народ видел во власти организующее и объединяющее начало, и в случае появ-

ления врага именно князь с дружиной, а потом государство с его вооружёнными силами становились главными защитниками народа, крестьянства. Неспособность отразить нашествие монголов и вынужденность приспособливаться к ним за два столетия подкрепили двойственность характера, лукавство. Перед кочевниками приходилось демонстрировать одно, а в душе про себя держать другое – особенно это касалось князей, которые ездили к ханам на поклон. А от князей это состояние передавалось и их подданным.

С.: – До сих пор сохраняется двойственное отношение к государству, к властям: в мирной жизни люди от них ничего хорошего не ждут, но их придётся терпеть, потому что в случае чего людей больше некому защитить. А власти, видя покорность народа, смелеют, воспринимают его как средство обогащения, а не как людей, которым они должны служить верой и правдой. Вообще русским свойственная некая раздвоенность: с одной стороны – правдоискательство, бесребреничество, а с другой – тяга к материальному обогащению, доходящая до алчности. Эти два стремления сосуществуют параллельно в разных частях общества. А бывает, и в одном человеке.

Р.: – В одном человеке всё-таки редко. В этом случае его начинает терзать шизофреническое раздвоение личности. Другое дело, что в разные периоды у нас перевешивает то одно, то другое.

С.: – Иностранцы говорят: «Каждый русский в отдельности – очень приятный человек, но когда они собираются большими группами, жди от них какой-нибудь выходки, а от России в целом вообще лучше держаться подальше».

Р.: – Когда нас собирается много, в нас начинает говорить закон толпы. Любая толпа, особенно эмоционально подогретая, непредсказуема. Кроме того, позиция политиков, как правило, более агрессивная, экспансионистская, чем у многих рядовых граждан. Мы – народ контрастный, компенсируем одни качества диаметрально противоположными. Склонных к послушанию, к робкому подчинению, к служению кому-то, даже к унижительному существованию – не меньше, а даже больше, чем завзятых анархистов, бунтарей, не влезających ни в какие рамки. Но даже среди бунтовщиков много таких, которые смелые только в толпе, в стае, среди сообщников, а по отдельности – очень даже приятные смирные личности, подобные тем, о которых говорят иностранцы. Существует высказывание: «Мы, русские, – как то дерево, из которого можно сделать икону, а может получиться дубина, в зависимости от того, кто делает, Сергей Радонежский или Емельян Пугачёв».

С.: – В нас ещё живёт дух кочевника. В своих устремлениях мы часто идём до тех пор, пока не упрёмся в глухую стену, в шлагбаум или не наткнёмся на грозного полицейского, на человека с ружьём, с наганом, в кожанке или с погонами. Мы долго запрягаем, а потом мчимся во весь опор, пока не врежемся во что-то, не перевернёмся, не свернём шею или пока не развалится то, на чём мы несёмся.

Р.: – Да, к сожалению, история не раз показывала, что демократизация в России необузданной публикой воспринимается как путь к вседозволенности и беспределу: дескать, «ура, свобода, айда витрины бить!» Кое-кому нужна, как выразилась «главная правозащитница» Э. Памфилова, нравственная порка. Взаимодействие людей у нас строилось и строится часто на примитивном уровне: вызывает другой человек страх или нет? То есть авторитаризм провоцируется самим обществом.

С.: – Властям в центре и служителям власти на местах часто не хватает взвешенности, чувства меры. И мы вслед за ними – либо прославляем, преклоняемся перед кем- или чем-либо, либо подвергаем остракизму, преследованиям, требуем запретить, уничтожить, вырубить под корень. Огульность мешает выносить продуманные оценки. Нам надо избавиться от кампанейщины, которая расцвела в советские годы, и сейчас не хочет нас покидать. Лозунг «даёшь электроэнергию!» – и залили водой огромные плодородные пойменные пространства. «Отпор вредителям!» – и уничтожили лучшую часть нации. «Кукуруза – королева полей» – и

засадили ею едва ли не весь СССР от Заполярья до пустынь. «Дорогу перестройке!» – и предаём анафеме всё, чему десятилетиями молились, а то и уничтожаем. Станем ли мы когда-нибудь мыслящими людьми, отдающими отчёт в том, что делаем?

Р.: – Для этого нам надо научиться находить хотя бы «деревянную» середину в нашем выборе и придерживаться её. Пристрастия, интересы у нас – всё больше по флангам, а центр устрашающе зияет пустотой. Перестройка нас ещё больше разбросала по краям. Мы либо «целиком и полностью поддерживаем», либо встаём в непримиримую оппозицию, а в середине в опросах общественного мнения – жалкие проценты респондентов. А нам надо научиться быть мудрыми и сдержанными центристами: в стране, на работе, в автобусе, в семье, в себе, в большом и малом – и голосовать за центристов.

С.: – С точки зрения отношений с властями, люди в России издавна делятся на конформистов и неконформистов. Ещё можно эти группы обозначить как преданных властям и диссидентов.

Р.: – Эти группы населения не равны по численности. Они весьма поляризованы, в их позициях отражается главное противоречие в стране – между людьми несамостоятельными, с зависимым мышлением, и индивидуумами, каждый из которых чувствует себя уникальной личностью. Конформисты привыкли жить в строю, в бригаде, в коллективе, в стае и думать так же, как соседи в шеренге слева и справа. И даже, бывает, пугаются собственных мыслей, если они отличаются от общепризнанной или руководящей линии. Многие из них искренне убеждены, что начальство всегда право, особенно правительство страны, которое нуждается только в одном – безоговорочной поддержке граждан. Они всеми фибрами души улавливают идею, мысль, желание руководства и всячески стараются им соответствовать, поэтому на всех совещаниях, собраниях голосуют всегда «за». А все действия, идущие вразрез с тем, что говорят правители, министры, губернаторы, «авторитеты», главари, – считают порочными и неверными в принципе. Такие люди называются внутренними, то есть искренними, конформистами, в отличие от внешних, которые просто приспосабливаются к доминирующим нормам из прагматических соображений, лишь в узком кругу высказывая свои истинные мнения. Это многим из нас знакомо: внешняя конформность – и внутренняя самобытность, склонность к своеволию. Чем больше власть нас запугивает, тем больше снаружи мы – конформисты, но уходим в себя, и там разрастается наша индивидуальность. А неконформисты считают и ощущают себя единственными и неповторимыми созданиями, каждый чувствует, думает и действует так, как никто больше в целом свете, и в этом они видят главную ценность жизни.

С.: – Появилась ещё одна категория россиян: что бы ни происходило в нашей стране, они всегда высказываются в русле политики Запада, то бишь интересов Соединённых Штатов. А они кто, конформисты или неконформисты?

Р.: – Конформист не обязательно колеблется вместе с линией руководства своей страны. Он может оказаться пленником политики и другого государства. У него не получается одно: быть самодостаточным индивидуумом.

С.: – Советская власть создала общество конформистов. Сами граждане отторгали тех, кто мыслит самостоятельно, вразрез с линией партии. Этот въевшийся в нас всеобщий конформизм не даёт теперь сформировать в стране полноценное гражданское общество. Иногда кажется, что население России в основном состоит из приспособленцев, заботящихся лишь о своих материальных интересах.

Р.: – Общество всегда делилось на истинных граждан, приспособленцев и безразличных, или «пофигистов», если применить молодёжный сленг. Для истинных граждан главное – принципиальность, честь, порядочность, интересы общества и страны. Искренних «пофигистов» не волнует, кто у власти в стране, кто владеет телеканалами, насколько независимы газеты от властей, кто сидит в Думе, куда сбрасывают ядерные отходы, сколько у нас наркоманов и т.д. Такая у них пассивная позиция, но, как известно, с их молчаливого согласия вершатся

самые ужасные дела. Между равнодушными и истинными гражданами находятся люди боязливые, которые хотя и высказывают вполне достойную позицию, но лишь «на кухнях», шёпотом, среди своих. Лицемерные «пофигисты», как и внешние конформисты, боятся выступить против генеральной и генеральской линии, но признаться в этом не желают и начинают остальных уверять, что им «всё равно», из кого состоит правительство, какая партия правящая, куда уплывают государственные деньги, почему их шеф отстроил шикарный дворец, явно не соответствующий его зарплате и т.д. Приспособленцы действуют активно, слаженно, всегда держат нос по ветру, всецело поддерживают начальство, когда оно «на коне», выслуживаются, подхалимничают ради одной цели – получения материальных выгод.

С.: – Существенный сдвиг в нашем мировосприятии и отношении к самим себе произошёл не столько из-за крушения социализма-коммунизма, сколько из-за более близкого знакомства с внешним миром. Реакция была разной.

Р.: – Выявилось,

как наши граждане относятся к своему народу, к России,

как расценивают своё положение на родине. В этом ракурсе нас теперь можно разделить на пять групп. Первые тихо или «громко» презирают всё русское, причём огульно, с подобострастием относятся к Европе и европейцам. Они либо уже «свалили» из России, либо сидят на чемоданах, пусть пока лишь мысленно.

Вторые стараются как можно больше быть на Западе: постоянно живут там, либо приобрели в тех странах жильё, имеют в них родственников. Они считают себя русскими, многие даже гордятся этим, чувствуют кровную связь с родиной, тем не менее регулярно ездят за границу, подолгу живут там в своих владениях или у супругов. Публично они о России и русских презрительно не высказываются, а в узком кругу отзываются о родине и соотечественниках по-разному.

Третьи – самоуничижающиеся. Они искренне считают свой народ и себя неудачниками, неряхами, разгильдяями, но смирились со своей участью и никуда не стремятся. Они разочаровались во всём: в русских, в России, в себе, в грядущем благополучии своей страны, поэтому махнули на всё рукой, бросили вёсла, отдавшись течению жизни, а то и пустились во все тяжкие, и ничего не хотят делать полезного ни для себя, ни для ближних, ни для страны.

Четвёртые – патриоты напоказ. Они бьют себя кулаком в грудь, нагло и беззастенчиво самоутверждаются, презирают или даже ненавидят иностранцев, причём обычно чохом, за чем часто можно углядет элементарную зависть к удачливым и преуспевающим другим народам. Но считая себя патриотами, тем не менее ездят отдыхать в лучшие страны. Как ни парадоксально, демонстративные патриоты при появлении возможности могут уехать из России, тут же поменяв отношение к иностранцам на 180 градусов.

С.: – И тогда они к оставшимся в России соотечественникам изменяют своё отношение тоже на 180 градусов, станут относиться к тем, кто обеими ногами пребывает в России, похамски высокомерно, даже стыдиться их, как сын-нувориш стыдится своей матери из села, хотя сам за горожанина может сойти лишь по модным штанам, а сморкается всё равно по-деревенски.

Р.: – Пятые уверены, что они должны на своей земле делать всё по максимуму ради благоденствия России. Это – истинные патриоты, спокойно, без какой-либо бравады уважающие себя. Они либо по-прежнему тянут лямку, как бы мало им ни платили, либо изо всех сил выбиваются в преуспевающие предприниматели. Большинство из них в другие страны не стремятся, отпуск проводят в деревне, на своём дачном участке или на какой-нибудь базе отдыха. Одни из этой группы определяют русских как выдающуюся нацию и поэтому не нуждающуюся в нарочитом превознесении. Другие считают, что мы – как все обитатели планеты, не хуже и не лучше других, со своими особенностями, достоинствами и недостатками. И слава Богу, что эти, пятые, – в большинстве!

С.: – Философ и политолог А. Панарин в книге «Народ без элиты» отмечает два отношения к своей стране: «иррациональную» нерассуждающую привязанность к ней как к чему-то самоценному – и «любовь по расчёту», когда «любят свою родину за то, что она самая передовая, самая богатая, самая демократическая». И автор делает вывод: «Расчётливые Россию по настоящему никогда не полюбят, ей остаётся только уповать на любовь нерасчётливых. Момент истины наступил сегодня».

Р.: – Сейчас часто используют такие архаические понятия как «свои» и «чужие». Такое разделение очень явственно ощущается в России на всех уровнях, начиная от жителей деревни и кончая всем народом страны, стало формой существования высших государственных структур, от которых зависит всё общество.

С.: – Ещё часто употребляют местоимения «мы» и «они». «Мы» – это близкие родственники, лучшие друзья, «они» – все остальные, от которых можно ожидать чего угодно.

Р.: – По смыслу это почти то же самое. Так вот «своими» мы часто считаем только тех, с кем учимся или учились, работаем, соседствуем, ловим рыбу, с кем вместе танцевали, воевали, воровали и т.д. Все остальные часто оказываются в «чужаках». Для многих из нас человек другой национальности, иного вероисповедания, с отличным от нашего мировоззрением, социальным положением, просто имеющий в чём-то другое мнение – «чужой». Женщинам кажется, что общественное мнение – на стороне мужчин, а мужчины считают, что им завладели женщины. Нация разделилась на «своих» и «чужих», на друзей и врагов, на наших и не наших, на братков и фраеров. Даже было создано молодёжное объединение «Наши». Надо понимать, те, кто не входит в это объединение, – не наши? Стало быть, чужие? Деление на наших и не наших особенно сильно выражено в свойственной нам психологии противостояния: наш человек якобы всегда прав, чужак заведомо виноват. При споре или конфликте своего и чужого критерии истины, аргументы правоты отсутствуют. В отношении «своих» действуют иные нормы, оценки поведения, нежели в отношении всех остальных – «чужих». То, что разрешается и прощается «своим», недопустимо со стороны «чужих». И часто можно услышать: «Мы своих не сдаём и не наказываем».

С.: – Подобная необъективность даже вошла в поговорку: «Он, конечно, – сукин сын, но ведь это же наш сукин сын».

Р.: – Крайнюю степень противостояния между «своими» и «чужими» являют футбольные фанаты. Среди «своих» большую роль играет система неформальных механизмов: «блат», связи, коррупция. Короче, жизнь «по понятиям», а не по правилам, не по закону. Из-за такого разделения наш народ в принципе конфликтен. При таком состоянии общества нужна повышенная степень терпимости, толерантности. Но именно этого у наших граждан не хватает даже в пределах одного коллектива, семьи. Поэтому она у нас так нестабильна, из-за этого агрессивна молодёжь, так трудно в течение длительного времени уживаться в трудовом коллективе сотрудникам при одном и том же начальнике. Поэтому когда раздаётся возглас «нашего бьют!», его друзья, коллеги, односельчане не высвобождают бедолагу, а сходу бросаются с кулаками на тех, кто оказался по другую сторону конфликта, не вникая в его суть: а может быть, приятеля-то те решили проучить за дело. Такой субъективизм распространяется вширь и ввысь. «Отмазка» нашими властями своих, так же как выгораживание своих в ведомствах, городах, сёлах, – это оборотная сторона враждебности ко всем другим за пределами страны, корпорации, района, двора.

С.: – В этой же логике по поводу убийства одного российского ребёнка, усыновлённого американцами, мы поднимаем в тысячу раз больший шум, чем в ответ на убийства тысячи детей нашими родителями. Конечно, мириться нельзя с убийством хотя бы одного ребёнка где бы то ни было, но вполне естественно было бы ожидать праведного гнева наших депутатов, в тысячи раз большего, по поводу гибели детей в России, чем в США. В этой же логике: многочисленные мемориалы и памятники убитым в Великой отечественной войне, но – редкие

подобные сооружения и знаки в память убиенным большевистским режимом. Как будто жизни, прерванные своими, менее ценны, чем жизни, унесённые внешним врагом. В этой же логике: убийство двух туристов в другой стране вызывает громкий международный скандал, у нас в России гибнет до 100 тысяч человек в год – это непредвиденные потери, статистика. В этой же логике: когда неизвестный убивает кого-то на улице, это – злостное преступление, трагедия, а когда муж убивает на кухне жену, это – внутрисемейная разборка. Мол, со своими мы можем делать что угодно, а чужой не смей даже критическое слово сказать. Сюда же надо отнести убийство таджиков и других азиатов юными «борцами за лучшую жизнь», почему-то решившими, что в не очень благополучной их жизни виноваты прежде всего инородцы. Попробовали бы скинхеды напасть на какого-нибудь богатого чиновничьего вельможу, укравшего у народа миллионы долларов или хотя бы рублей, их сразу нашли бы, скрутили и отправили бы надолго в места не очень уютные.

Р.: – Сейчас мы балансируем между националистами с их ставкой на силу и демократами с мечтой видеть Россию в европейской семье. И мы с беспокойством ожидаем, чья возьмёт на этот раз? Главная наша задача состоит именно в том, чтобы найти компромиссную позицию этих двух основных частей одного русского народа без взаимных обвинений, а тем более без вражды и применения силы.

С.: – Ещё в середине XIX века русская интеллигенция разделилась на западников и почвенников. После 1917 года такое разделение потеряло актуальность, а в постсоветской России спор между теми и другими возобновился.

Р.: – Чаше применяют другие термины: либералы и патриоты. Первые уверяют, что есть один цивилизованный путь – вслед за Европой к её ценностям. Последователи вторых зовут к русским отечественным традициям, говорят, что у России – особый путь, ей негоже копировать чужие порядки. Первые считают Россию европейским государством, вторых больше тянет к азиатским корням хотя бы потому, что намного бо́льшая часть территории России лежит в Азии.

С.: – Не случайно орёл на гербе – двуглавый, причём головы смотрят в противоположные стороны, символизируя и разную устремлённость русских людей: одни – в Европу, а другие – вроде бы в Азию. Нашу страну порой называют мостом между Западом и Востоком. Недаром говорят, что

Россия – это восток Запада и запад Востока.

Р.: – Ещё иногда упоминают термин «транспортный коридор» между Европой и Азией. Образы «моста», «коридора» никак не соответствуют той роли в мире, на которую мы претендуем. Они создают ощущение некоего промежуточного положения, напоминают попытку усидеть на двух стульях. Негоже нам быть соединением чего бы то ни было, тем более коридором между некими жилыми и хорошо обставленными помещениями.

С.: – Получается, в России живут русские-европейцы и русские-азиаты.

Р.: – Но не по месту жительства, а по мировосприятию, образу жизни. Это различие исходит из глубин характеров. Однако вряд ли много найдётся людей, которые признают себя «азиатами», даже учитывая, что разделение это условно. Сугубых «европейцев» и абсолютных «азиатов» среди нас не так много, но, как правило, преобладает одна из этих двух субстанций в психологии, в жизненной позиции, в действиях. Главными отличиями являются культура мышления, поведения, гражданская позиция, отношение к либеральным ценностям. Мы все перемешаны, даже братья, случается, относятся к разным ипостасям. Бывает и так, что один и тот же человек со временем может поменять свою доминирующую ориентацию с азиатской на европейскую, и наоборот. Русский-«европеец» может на каждом шагу встретиться в Хабаровске, а русских-«азиатов» немало в Брянске. Невозможно провести границу между Россией-европейской и Россией-азиатской, уж точно она не совпадёт с принятой границей между Европой и Азией.

С.: – Наверное, различие между чётко выраженным «европейцем» и типичным «азиатом» можно заметить в хозяйстве каждого: у «европейца» материалы сложены в порядке, сам он – педант. «Азиат» – широкая натура. На территории его хозяйства царит «художественный» беспорядок.

Р.: – Да, русских-европейцев угнетает раздрай, неорганизованность, беспорядочность во всём: на территориях, в делах, в отношениях. Профессия тоже не может быть определяющей: «азиатом» может оказаться профессор, а «европейцем» – рабочий, и у обоих фамилия – Иванов. Русские-«европейцы» больше склонны к демократии, им хочется порядка, но не сталинского под гнётом страха, а справедливого, соблюдаемых всеми добровольно законов. Русские-«азиаты» тяготеют к авторитаризму, иные даже к тоталитарному режиму. Сталинский режим опирался, прежде всего, на русских-«азиатов». «Европейцы» ратуют за плюрализм мнений, склонны доказывать, приводить убедительные аргументы, более дотошно докапываются до сути, обладают здоровой рефлексией. «Азиаты» трудно идут на компромиссы, постоянно стремятся навязать другим свою волю, считая, что постигли истину. Русский-«европеец» больше радеет за содержание, русский-«азиат» – за форму. С некоторой степенью обобщения, видимо, можно сказать, что в «азиатах» преобладает склонность жить и действовать гуртом, а «европейцы» – скорее «хуторяне». То есть по психологии стоящие ближе к эстонцам.

С.: – Поэтому прибалтийцы согласны контактировать только с русскими-«европейцами», такими же сдержанными в выражении эмоций, признающими общепринятые нормы и правила. Недаром многие русские, живущие в Прибалтике, не хотят уезжать в Россию. Вот они-то в подавляющем большинстве – точно европейцы. И нынче на Запад уезжают и там хорошо приживаются в основном русские-«европейцы».

Р.: – Отношение к Западу имеет немаловажное значение. «Европейцы» больше склонны изучать опыт других стран. «Азиаты» чаще говорят: «Пусть у нас учатся, мы не глупее других».

С.: – Но если «европейцы» прорубали «окна» и наводили мосты в Европу, то чем занимались «азиаты»? А-а, они присоединяли к России территории других народов. Вот и иностранцы относятся к русским по-разному: одни уважают, а другие боятся. Наверное, боятся больше русских-«азиатов», потому что с русскими-«европейцами» легче договориться. В советский период мы противостояли Европе. В руководстве тогда возобладали азиатский дух, в 80-х-90-х годах – европейское начало. В 90-х годах в России появилось, например, два союза писателей, два непримиримых лагеря...

Р.: – Но это – не признак времени. Такое противостояние возникло бы в любом десятилетии, как только сняли бы оковы страха перед властями. Эти лагеря фактически существовали и при советском режиме: одни становились партийными писателями, работавшими в духе «соц-реализма», а другие писали в стол, считались диссидентами. Правда, в разделении русских на «европейцев» и «азиатов» смущает то, что мы с азиатами ассоциируем менее цивилизованный народ. Бесцеремонность, наглость некоторых наших граждан порой называют словом «азиатчина». Не обижаем ли мы Азию и всех её жителей, ведь там много народов, относящихся к древним цивилизациям?

С.: – Мы используем слова, производные от названий континентов, условно подразумевая под ними типы личностей наших соотечественников.

Р.: – Мы считаем, что Пётр I был ярким западником, дескать, он прорубил «окно» в Европу. Но это вовсе не значит, что царь был по характеру чистым «европейцем». Над ним слишком довлел азиатский стиль московского быта.

С.: – Он раздвоение русского народа явно усилил.

Р.: – Конечно! Русское дворянство, отстроив на северо-востоке России столицу в европейском стиле, ринулось в Европу, забыв на просторах полуазиатской страны основную массу, закосневшую в XV-XVI веках, прежде всего крестьянство. Так Пётр I заложил «мину», которая взорвалась в 1917 году.

С.: – И до сих пор, по сути, в России две столицы, очень разные по характерам: Москва и С.-Петербург.

Р.: – Европейская культура подавляющую часть русского народа не привлекала. Даже по языку образовалось вроде бы два народа: франкоговорящие и русскоговорящие. Причём многие из первых с великим презрением и высокомерием относились ко второй, гораздо большей по численности населения, части России. Дворяне даже стыдились на родном языке говорить.

С.: – Вторую солидную мину в российское общество заложил Пётр III, который в 1762 году освободил дворян от военной и государственной службы. До этого дворяне должны были служить до старости или до болезни. С освобождения дворянства началось его разложение в праздности и роскоши. Поэтому росло раздражение крестьян на помещиков – мужики не могли понять, как это можно целыми днями ничего не делать.

Р.: – Вот что пишет на эту тему английский историк Д. Ливен в книге «Аристократия в Европе. 1815-1914»: «Пышность образа жизни русской аристократии поражала даже английских наблюдателей. Романовы в XVIII веке по богатству многократно превосходили Гогенцоллернов, претендовали на первенство в Европе по части строительства дворцов и постановки придворных спектаклей, стремясь затмить все прочие европейские дворы. Двор в Петербурге не знал себе равных в пышности среди прочих европейских дворов». А вот как описывает трапезы XVI века у самодержцев сборник М. Забылина «Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия», изданный в 1880 году: «Иностранцы с изумлением отзывались о пышности царского стола. Посол германского императора Варбоch не мог исчислить серебряной и золотой посуды, которая лежала горой. При нём подавали на стол около ста различных блюд. Обед продолжался до ночи. Посланник немецкого императора Генриха IV, увидев блеск двора, сказал, что он никогда не видал столько золота, серебра и богатых одежд». Разрыв между дворянством и крестьянством на протяжении XVIII века усиливался и к середине XIX века достиг апогея.

С.: – Большая часть русской элиты самоутверждалась только в обладании дорогими материальными ценностями и в роскоши.

Р.: – В годы правления императоров Александра III и Николая II один из самых вопиющих парадоксов состоял в том, что Россия бурно развивалась, но при этом не имела будущего. Особенно страдали разночинцы, которые чувствовали себя маргиналами. Они занервничали, что их могут бросить идущие впереди предприимчивые люди, которым до разночинцев дела нет, заматались, бросились к народу, но тот их не понял. Крестьяне воспринимали пришельцев с подозрительностью, иногда даже передавали их в руки властей. Неудивительно, что так называемое бурное развитие капитализма сопровождали погромы, террористические акты, убийства. Государственную Думу превращали в откровенный балаган. Ни у кого не было понимания национальных задач России, в том числе в тогдашней столице: в С.-Петербурге – Петрограде. Разлом между крестьянином и баринoм с их психологией и нравами в те годы был особенно велик, о чём предупреждал И. Бунин.

С.: – Часто говорят, что до 1917 года Россия успешно развивалась, а революция это развитие остановила. И основные причины кризиса видят кто в слабости царя Николая II, кто в Первой мировой войне, кто в заговоре немцев, австрийцев или англичан, кто в земском самоуправлении, которое использовали оппозиционные партии, а кто в одержимости и наглости большевиков.

Р.: – Это всё – сопутствующие причины. А главная причина трагедии 1917 года – в вопиющей неоднородности, расслоении российского общества по всем параметрам: экономическому, культурному, социальному, а прежде всего – психологическому, когда одни других «за людей не считают». Главную роль сыграл огромный перепад по «вертикали» в самооощении и самооценке разных слоёв общества. Малая часть русского народа была обеими ногами в Европе, в капитализме, а большинство его – в первобытно-общинном древнем прошлом. И эти

чрезвычайно далеко отстоящие друг от друга группы населения России по недоразумению считались одной нацией.

Большевикам решить вечную проблему раздела нации минимум на две части не удалось.

С.: – Да они её по-серьёзному и не решали! Жестокостью вообще ни одной проблемы не решить. К власти пришли амбициозные, бескомпромиссные, а главное – более агрессивные особы, чем помещики, купцы, капиталисты и прочие предприимчивые люди. Кузнецы и дворники, надев кожаные тужурки, почувствовали себя хозяевами положения. А поскольку в спор вступили люди прежде неимущие, орудием борьбы стали не деньги, а ружья и наганы. Основной же ценой стала кровь. Функционеры выпрыгивали наверх путём силового захвата учреждений и руководящих кресел. Новоиспечённые партийные боссы стали занимать помещичьи усадьбы.

Р.: – Из ленинской большевистской затеи потому ничего хорошего не вышло, что удар в 1917 году пришёлся по имущественному расслоению, а корни поляризации, лежащие в социально-психологической сфере, остались. Осуществив интенсивное перемешивание населения, большевики «вертикальное» психологическое расслоение народа не уменьшили, а даже в чём-то его усугубили. Очень быстро от масс оторвалась партийно-бюрократическая верхушка, образовалась советская буржуазия, высшая «каста». Хотя поначалу захватившие власть в октябре 1917 года «народные комиссары» бравировали происхождением из бедняков, провозгласили всеобщее равенство, тем не менее с первого дня советской власти начали обособляться «товарищи», которым хотелось быть равнее всех. Уже в 1918 году они ввели категорию людей под названием «лишенцы», то есть не имеющих гражданских прав. Далее в разряд «неправильных» попадало всё больше граждан. Выстраивая новую «вертикаль», комиссары и секретари в стремлении утвердиться в своём превосходстве над всем обществом набрали такую скорость, что в конце концов оторвались от него даже больше, чем знать в царское время. В итоге русский народ потащил социально-культурную, а вместе с ним и психологическую раздробленность дальше в советский период, а в конце XX века – в начале XXI века она даже усилилась.

С.: – С одной стороны, новые вожаки взялись за ликвидацию безграмотности и вообще повышение культурного уровня народа. Появились всякие ликбезы, рабфаки, дома культуры. Но вскоре им это надоело, и культура скатилась по финансированию на уровень «остаточного принципа». С другой стороны, «кухаркины дети» и сыновья сапожников понижали морально-этический уровень остальных соотечественников до своего невысокого уровня. Агрессивного, демонстративного высокомерия и хамства после 1917 года стало не меньше, чем раньше, а больше. Из народа уходило человеколюбие – неизменная плата за любое насильственное деяние. Секретари большевистской партии ввели ВКПб – Второе Крепостное Право большевиков, более жестокое, чем первое. Люди, попавшие в застенки и лагеря НКВД, превратились фактически в париев – низшую касту и рабов. Лишь после 1956 года колхозникам начали выдавать паспорта, что стало формальным сигналом к окончанию крепостной зависимости.

Р.: – Как подметил в книге «Номенклатура» М. Восленский, выходцы из крестьян составляли большинство в сталинской номенклатуре, но именно они всячески притесняли представителей своего класса. «Враждебная отрешённость от своей прежней среды – характерная психологическая черта номенклатурных чинов, – делал вывод автор. – Номенклатура – класс деклассированных». По мере развития так называемого социализма утверждался и всё более обособлялся от народа «новый класс» – коммунистическая бюрократия, распорядившаяся всей национальной собственностью и обращающая её в источник собственных привилегий.

С.: – Решающим в оценке и продвижении людей в советский период было членство в КПСС.

Р.: – Скорее, наоборот: люди определённого склада характера шли в партию, поднимались вверх по партийной лестнице. А сейчас принадлежность к правящей партии уже не имеет такого решающего значения.

С.: – Нынешнее чиновничество унаследовало от помещиков любовь к безделью, многие из них лишь имитируют трудовую деятельность, а живут – как те бары и даже лучше. А трудящемуся человеку, особенно крестьянину, у нас всегда жилось скудно и трудно.

Р.: – Из чего можно сделать вывод, что это зависит не от режима – царского, большевистского или нынешнего, а от наших установок, следствие факторов, уходящих глубоко в психологию. Всё дело в гигантском разломе, о котором говорил И. Бунин. Например, чем объяснить рост у начальников и директоров количества всевозможных заместителей, помощников, кураторов, консультантов. Это – показатель значимости руководителя. Чем меньше руководитель занимается делами сам, чем больше функций передаёт подчинённым, тем более солидным он кажется всем вокруг и самому себе. Проявляется его снобистское представление о том, что негоже высокому начальнику «опускаться» до конкретного труда.

С.: – В 1991 году мы наивно думали, что, отвергнув коммунистическую идеологию, сразу встанем на правильный путь, начнём приводить народ к какому-то общему знаменателю. Надеялись, что в первую очередь будем избавляться от непомерно больших привилегий высшего чиновничьего аппарата. И чем попытка сделать равными стартовые возможности в итоге закончилась? Выпустили фантики под названием «Инвестиционный чек», в народе прозванные ваучерами, тут же их забрали так называемые чековые инвестиционные фонды, вместо них раздали акции – пустые бумажки, по которым издевательски сначала выплатили несколько копеек. И все мы очень быстро увидели, что разделение одного русского народа на два лишь усилилось, снова достигнув апогея в начале XXI века. Одни неслыханно разбогатели, а другие опустились в жуткую нищету.

Р.: – В 90-х годах были ликвидированы символы и ритуалы коммунизма, и то не все. Но привычки людей, стереотипы поведения преодолеть не так-то просто, а быстро – и вовсе невозможно. С. Валянский и Д. Калюжный в книге «Понять Россию умом» напоминают, что русское общество имеет малый объём прибавочного продукта, и «после вычета того, что нужно производителю и его семье, он может отдать на нужды государства существенно меньше, чем граждане стран с меньшими издержками. Из этого следует, что аппарат управления на Руси должен быть существенно меньше, чем в других странах, либо норма его содержания должна быть другой. А у нас аппарат управления растёт, как на дрожжах, и обеспечение управленцы требуют, как во всём мире», – делают вывод авторы. Общество всё больше расплывается на стабильно богатееющих, которых всё устраивает в покровительственной им политике властей, и беднеющих, у которых временами кипит разум возмущённый. А посередине, как у нас во многом, – провал, робко зарождающийся средний класс с неопределённой пока позицией, боящийся высказать её чётко и конкретно, по вечной русской традиции, ворчащий на кухнях.

С.: – Потому что у монопольной «вертикали власти» нет конкурентов и действенной оппозиции. Власть может позволить себе сколько угодно тратить средств на обслуживающий себя аппарат больших и маленьких начальников, а также сонма клерков. Причём попадает в число этих служаков не абы кто. Вот и выросло количество чиновников в России за 10 лет более, чем на треть.

Р.: – С точки зрения меркантильных мотивов, вообще по отношению к осязаемым ценностям, население России можно разделить на четыре основные группы. Представители первой живут сегодняшним днём и жадничают, стараются не упустить случая прибрать к рукам всё, что плохо лежит, а по возможности и то, что лежит хорошо. Вторые живут бедно, но если бы смогли, тоже готовы были бы обогащаться беспрестанно. Третьи, выиграв они хоть миллион, растратили бы его на гульбу с друзьями. Четвёртые пустили бы этот миллион почти

целиком на благотворительные полезные дела для людей и для страны. Власть имущие таких бесребреников побаиваются: мало ли что они выкинут!

С.: – И всяк, кто попадает в средние и верхние слои бюрократии, в круги руководящего чиновничества, сразу заражается презрением и высокомерием по отношению к остальному народу. Будто там, в чиновничьей среде, гуляет какая-то эпидемия, которая не обходит никого. Как выразилась В. Новодворская, по-прежнему в России есть мужики с вилами и есть дворяне с французским языком.

Р.: – Теперь, скорее, с английским. Как заметил Р. Пайпс в книге «Россия при старом режиме», у нас, русских, «больше, чем в других странах, амбиция забегает далеко вперёд относительно наличных возможностей». Как говорится, со стороны виднее. Когда разрушилось представление об авангардной роли нашей страны, когда она «захромала», многим себялюбцам ещё больше захотелось отмежеваться от так называемого «простонародья», от «лузеров», будто виноватых в кризисных явлениях, приподняться над опростоволосившимся сообществом. Кабинетным и офисным людям не нужно, чтобы зажили лучше все. Они хотят, чтобы как сыр в масле катались и в шампанском купались только они. Иначе тогда каким же образом они будут возвышаться над «плебсом»? Однако

**надменное отношение к соотечественникам
ещё больше ослабляет нацию, в том числе и самих снобов.**

С.: – Особенно пышно расцвело высокомерие по отношению к рядовым гражданам у олигархата и всех тех, кто в 90-е годы сумел завладеть всеми правдами, а скорее неправдами, большим капиталом, – когда были открыты границы страны, и мы стали сравнивать себя с Европой и вообще с Западом.

Р.: – Вот что пишет социолог В. Шляпентох в книге «Современная Россия как феодальное общество»: «В первом десятилетии XXI века Россия оказалась разделена не только на богатых и бедных, образованных и необразованных, жителей столиц и маленьких городов, людей живущих на востоке или на западе страны. Общество в постсоветской России основано на феодальной модели, разделено на кланы, «команды» и «клики», объединяющие людей, использующих разные «крыши» и с разными покровителями, которые хранят верность одному лидеру. Компетентность считается менее важной, чем преданность начальнику. Личные отношения в России приобрели такое значение, какого никогда не имели прежде, за исключением средних веков».

С.: – Эти самые «личные отношения» и привели Россию на одно из первых мест в мире по неравенству доходов её граждан. Зарботки в России настолько разительно отличаются, что можно сказать: Сингапур и Сомали существуют на одной территории. Какой тут «общий аршин»? Количество миллиардеров в России стабильно увеличивается и в 2013 году достигло 131 человека. Экономисты выяснили, что товары и услуги стоили бы минимум на 15-30 процентов, а то и в полтора раза меньше, если бы не противозаконные отчисления в карманы коррумпированных бюрократов. Некоторый ажиотаж в прессе вызвала весть, что зарплата депутатов Государственной думы в 2014 году стала больше минимального размера оплаты труда в 75 раз. Между тем слишком большая разница в доходах граждан одной страны тормозит развитие экономики.

Р.: – Поэтому в европейских странах зарплаты депутатам и министрам урезают. Там просто неудобно себе без конца увеличивать довольствие, а остальных держать на скудном пайке. У нас это неудобством не считается.

С.: – Этим самым власти подтверждают, что в России живут фактически два совершенно не соприкасаемых друг с другом народа. И сколько бы ни писали и ни говорили во всех средствах массовой информации о небывалой поляризации населения одной страны в доходах, положение только усугубляется по принципу «а Васька слушает, да ест». Как сообщили газеты, средняя зарплата банкира в некоторых банках более чем в 100 раз больше средней зарплаты

по стране. Что ж удивляться, что кредиты в банках России стоят значительно дороже, чем в Европе? Что, там везде жёстче правители, умеют держать своих богатеев в рамках? Или во всех странах живут более совестливые граждане, чем у нас? Иные наши нувориши до старости продолжают играть во всякие сверхдорогие игрушки, по-мальчишески самоутверждаясь в обладании яхтой – длиннее всех, лимузином – дороже не бывает, самолётом – позолоченным, замком – с башнями до облаков, животными – самыми экзотическими и т.д. Человеку, который занят серьёзным делом, все эти игрушки, лоск, позолота не нужны. Например, в странах Скандинавии первая добродетель – скромность. Там стараются не смущать окружающих своими доходами. Именно в этих странах уровень жизни – из самых высоких в мире, причём не нескольких десятков человек, а почти всего населения скандинавского региона.

Р.: – Тут причина и следствие спорят между собой. Стенания по поводу «убогих стран» и «больного общества» усиливают ощущение безнадёжности благоустроить страну у наших новоявленных капиталистов и чиновников тоже, не прибавляют им стимулов инвестировать в отечественную экономику. Вот они и думают лишь о своём благоденствии, говоря, что «эта» страна не имеет будущего, а денежки уплывают в «удачливые» страны, к «здоровым» обществам.

С.: – «Раса господ, давно утратившая веру в то, что даров прогресса хватит на всех, втайне решила приберечь для самой себя оснащённый всеми средствами прогресса цивилизованный образ жизни, – раскрывает намерения нуворишей А. Панарин в книге «Народ без элиты». – Всё должно быть, как на Западе, и, может быть, даже лучше, но – не для всех, а только для избранных». Панарин охарактеризовал такое положение как «откровенный социальный расизм». Многие нынешние тузы не ощущают себя не то что гражданами России, они даже не ассоциируют себя с русскими – это некие люди без национальности.

Р.: – Допустим, мы свергли нынешнюю власть, отобрали у всех олигархов «лукойлы», заводы, газеты, пароходы, объявили, что всё это теперь принадлежит народу. Тут же выскочат, как чертенята из табакерки, уже не «новые», а «новейшие русские» и под вывеской какого-нибудь Русского народного фронта, Союза трудящихся России, либо под каким-то ещё очень обещающим супердемократическим названием приберут к рукам всё то, что они отобрали у прежних богатеев. Может быть, неделю их вождь поедет в троллейбусе, как Ельцин в конце 80-х годов, а потом он станет новым «царём Борисом», и всё вернётся к новому этапу вроде «лихих 90-х». Ведь потребность в справедливом распределении национального достояния чаще высказывают чувствующие себя обделёнными.

С.: – До большевистского переворота среди молодых выходцев из буржуазной среды встречались принципиальные борцы за всеобщее равенство, которые отказывались от родительских благ. Нынче таких не видно. И принципиальную бригаду строителей, которая отказалась от премии, можно увидеть только в фильме «Премия» по пьесе А. Гельмана.

Р.: – Значит, нужно менять систему ценностей всего народа. У нас нет опыта построения справедливого общества, мы всегда делились на эксплуатирующих и эксплуатируемых. Главная наша отсталость от Европы состоит не в количестве и качестве выпускаемых лимузинов, пылесосов и гаджетов, а в атавизме наших побуждений, в примитивных позывах тянуть всё к себе, элементарная жадность избалованных детей. Все прочие наши беды – следствия такой психологической недостаточности. А. Горянин в книге «Россия. История успеха» приводит вывод одного масштабного социологического исследования: «В современной России реформаторский потенциал общества значительно превышает реформаторский потенциал элит... Модернизация блокируется не менталитетом населения, а российской элитой, не готовой и не способной управлять свободными людьми».

С.: – Расслоение в царской России отличалось от нынешнего тем, что тогда привилегированность передавалась по наследству, путь наверх не надо было остервенело «прогрызать» зубами. Приоритетное значение для положения в обществе имело происхождение человека: из

дворян, из купечества, из священнослужителей, из ремесленников и т.д. Так что, возможно, было лучше, когда княжеские и графские титулы наследовались.

Р.: – Частная собственность превращает классовое общество в сословное, поскольку сын заместителя премьер-министра наследует не только материальные блага отца, но и его социальное привилегированное положение, и правовые рамки для него совсем другие, чем для сына парикмахера.

С.: – Вот сословный эгоизм и взбурлил с новой силой в конце XX века. В обществе после 90-х годов формировалось стремление не справедливый мир установить для всех сограждан, а выбиться из «побеждённого» народа наверх в «касту победителей», быть не «холопом», а хотя бы «приказчиком», если не получилось подняться в «барское» сословие. То есть стать ничем не ограничиваемым чиновником, собирать, с кого можно, «дань» и жить припеваючи и «припиваючи».

Р.: – В периоды, когда общество переживает кризис, в стране дела идут не лучшим образом, для претендующих на привилегированное положение людей становится не то что престижным, а остро необходимым войти в престижную корпорацию, принадлежать к какой-то касте, к творческой элите, к классу богатых «эксплуататоров», знатных персон, «звёзд» массовой культуры или хотя бы быть у этого класса в услужении. Не случайно в постсоветской России снова всплыло высокомерное словечко «быдло», оказаться среди которого для этих людей стало верхом унижения. Многие за престижное место под солнцем, за возвышение над массой сами готовы заплатить и деньгами, и «натурой».

С.: – Как выразился кто-то, у нас понты дороже денег.

Р.: – То есть социально-психологические мотивы оказались даже впереди экономических. Такая «кастовость» задавила классический капитализм с его конкуренцией, побуждая банкиров, владельцев авиакомпаний, нефтяных и прочих компаний не конкурировать друг с другом, а сговариваться и совместно повышать тарифы, расценки, цены на свои ресурсы, товары и услуги. Таким образом, они вместе противостоят населению России. Рядовой житель сталкивается с огромными, никем не сдерживаемыми, поборами госмонополий, жилищно-коммунального хозяйства, но он не в состоянии провести в свою квартиру другой водопровод, поехать по параллельной железной дороге. Усилия нынешней антимонопольной службы слабы, фактически не видны ввиду отсутствия у неё действенных рычагов. В какой-то мере это – наследие советского прошлого, которое отучало производителей и их начальников прилагать усилия для повышения качества, конкурентоспособности своего продукта, поскольку конкуренции не было.

С.: – Значит,

герб с двумя головами символизирует раздвоение народа не только по направлениям «восток – запад», но и по вертикали.

А дружба народов, входивших в СССР, которую воплощал советский герб, кончилась. Вот так нами символы управляют!

Р.: – Цивилизованным странам больше свойственно разделение между группами общества «по горизонтали»: скажем, мы – «синие», вы – «фиолетовые», они – «бежевые». У нас же сравнения идут главным образом «по вертикали»: «мы – лучше, выше вас», «они – ниже нас». Когда в демократическом обществе встречаются два человека, то каждого из них интересуют качественные характеристики друг друга: какие у кого интересы, взгляды, жизненная позиция, цели и т.д. В тоталитарном же каждый мысленно задаётся вопросом: собеседник выше меня или ниже? Речь не только о должностном положении человека, но и о его весе в обществе. Умный человек или глупый, добрый или злой, порядочный или плутоватый, способный или бездарь? – эти вопросы часто отходят на второй и третий планы. Причём это характерно для мужчин и женщин. Мы норювим любые «горизонтальные» различия людей – их национальность, мировоззрение, вероисповедание, особенности характера, привычки, профессию –

перевернуть в вертикальное положение. Характерно, что в нашей стране особенно часто употребляют слова с корнями «верх» и «низ», например, «указание сверху», «инициатива снизу» и т.д. За определениями должностей как «высокая» и «низкая» тоже кроется наша «вертикальная» психология. Премьер-министр в Европе – просто работник с большим объёмом ответственности, но эта должность не присваивает её обладателю какой-то высший титул.

С.: – Лидеры российской оппозиции отчуждены от народа не меньше, чем власть. Став людьми публичными, они уже позиционируют себя ближе к властной группировке, чем к населению, ощущают себя «белой костью». Окажись они вдруг у власти, велика вероятность, что поведут себя точно так же, как нынешняя так называемая элита.

Р.: – Граница между «элитой» и «населением», или эксплуататорами и эксплуатируемыми, проходит совсем не там, где раньше. Рабочий класс резко уменьшился и стал тонкой прослойкой. Крестьянство тоже нельзя считать чётко выделяющимся классом. Интеллигенции с присущей ей традиционной ролью, как многие сейчас полагают, уже не существует. Теперь в высшую касту входит не партийная номенклатура, а чиновничья бюрократия, а также олигархическая верхушка с околоолигархической тусовкой.

С.: – Но люди, оказавшиеся у власти и старающиеся обособиться от своего народа, – вовсе не элита нации. Н. Козин в книге «Постижение России» возмущается, что после августа 1991 года в России вырвалась наверх группа людей, «никого и ничего не представляющих, кроме собственных претензий на власть. Они в ряде случаев открыто связывают себя, свои интересы и даже политическую судьбу не с собственной нацией, а с той престижной международной средой, куда они стремятся. На одном из самых ответственных периодов своей истории XX столетия Россия оказалась не способной предложить лидера общенационального масштаба», – считает Козин. Он пишет о том, что в советские годы «сформировался слой властной номенклатуры, для которой главным принципом стало отсутствие всяких принципов в отношении к собственной стране и нации». Если и сейчас у власти – не элита в истинном смысле этого слова, а по-прежнему номенклатура, то наивно ожидать, что она честно будет стараться улучшить наше житьё-бытьё.

Р.: – И всё-таки неверно считать, что людей элитарного склада в подлинном понимании вообще нет в России. Настоящая элита непременно пробьётся, как трава через асфальт. Элита – от французского «elite» – избранные, лучшие. Принадлежность к элите определяет прежде всего критерий нравственности. То есть входящие в неё люди, как справедливо считает доктор философских наук Е. Андрющенко, задают духовные ориентиры и эталоны деятельности, способствующие порядку, согласию, украшению жизни, прогрессу в обществе. Д. Лихачёв, А. Сахаров, А. Приставкин, Г. Жжёнов и много других достойных людей – разве не элита? А они жили и работали в гораздо более тяжких условиях, некоторые были в заключении. А можно ли сказать, что сейчас элита лучше или хуже, чем в 1915 году или в 1965-м? Сто лет назад элиту вместе с царём тоже честили и похлещали, чем сейчас.

С.: – Но наши сограждане хотят иметь настоящую элиту, состоящую из добросовестных деятелей. Видимо, они таких в предлагаемых выдвиженцах не видят, а гламурная элита для телевизора, как выразилась социолог О. Крыштановская, их не устраивает. При этом нынешняя российская псевдоэлита успешно и исправно выдавливает из своих рядов случайно «зате-савшихся» достойных граждан.

Р.: – Многие уважаемые представители нации сами не идут в политику, на руководящие должности. Власти сильно себя скомпрометировали в России в XX веке, и поэтому принципиальные, искренне беспокоящиеся за судьбу России люди, не карьеристы стесняются оказаться рядом с правительством. И ещё порядочные граждане разобщены. Главная задача нации – истинным радетелям объединить усилия за положение в стране. И терпеливо, настойчиво «цивилизовывать» наш народ, во многом проблемный, своенравный, многоликий.

С.: – Нынче в так называемую элиту сплошь и рядом попадают бойкие выходцы из рядовых жителей России, некоторые – благодаря своей изворотливости, наглости, внешним свойствам. Именно эта категория людей, попавших «из грязи в князи», особенно высокомерна, заносчива по отношению к «простым» гражданам и падка до роскоши, всеми силами стараясь выглядеть и вести себя так, какими, по их представлению, должны быть господа из высшего общества. Уж раз не суждено быть элитой, то хотя бы казаться таковою. В водоохранной зоне подмосковных водохранилищ, из которых многомиллионный город пьёт воду, варварски вырубали лес и строили коттеджи. В управлении лесопарка говорили: «Там слишком высокие персоны, чтобы мы могли этому противостоять». Самые «высокие персоны» строят себе дворцы в заповедниках, естественно, уничтожая часть реликтовых деревьев.

**Пока существует «каста неприкасаемых»,
Россия вряд ли добьётся успехов.**

Р.: – А почему надо воздвигать свой коттедж непременно в водоохранной зоне или в заповеднике? Дело не только в природной привлекательности этих зон. И убийство редких животных из «Красной книги» вроде сайгаков не удаётся пресечь также не только из-за непобедимого охотничьего азарта «высоких персон». Дело ещё в том, что им обязательно нужно оказаться вне законов и правил, которые они устанавливают для населения. Причина – потребность во что бы то ни стало откреститься от простонародья, доказать себе и другим свою принадлежность к особой касте, даже к другому народу. И невдомёк им, что они этим демонстрируют миру свои изъяны. Так ведут себя неуверенные в своей значимости индивидуумы с изрядным дефицитом чувства собственного достоинства.

С.: – Поговорка «из грязи – в князи», наверное, сугубо наша, национальная. Говоря так, подразумевают людей, которые, запрыгнув из простонародья на какой-нибудь высокий чиновничий пост, отличаются особой кичливостью по отношению к представителям того слоя, из которого они вышли. Чем глубже сидел «в грязи» такой себялюбец и чем выше он запрыгнул «в князи», тем энергичнее стремится изолироваться от «черни». Стоит кому-то стать начальником, как сразу возникает культ его личности. Чем выше должность, тем быстрее он возникает. Руководящая должность у нас приобрела культовое, прямо-таки магическое значение, как нигде, наверное, в мире.

Р.: – Это – культ не личности, а руководящей должности. Мы оказались заложниками представления, что удачливая жизнь непременно подразумевает обладание высокодоходным бизнесом, обретение модной профессии или занятие руководящей должности. Что делает человек в этой привлекательной профессии или восседая в вожделенном чиновничьем кресле, каков результат сего «восседания» – это уже стало делом десятым. Из-за огромного психологического расслоения у нас плохо работают так называемые социальные лифты, слаб обмен кадрами между группами населения. Если человек попал в бюрократическую обойму определённого уровня, то как бы он ни проявил себя, он уже остаётся в этой обойме, перемещаясь из кабинета в кабинет «по горизонтали». И наоборот, много способных и добросовестных работников остаются на рядовых должностях.

С.: – В первые годы нынешнего века советский номенклатурный характер назначения на руководящие должности даже укрепился, а вместе с ним подскочила и коррупция. Именно российскому обществу, и без того склонному к «вертикальному» размежеванию, всякие «вертикали» противопоказаны, смещают нас снова в сторону тоталитаризма. Мы и так привыкли в первую очередь учитывать не «что говорит» тот или иной человек, а «кто говорит»: отец или сын, начальник, подчинённый или ещё более высокий начальник. На этот счёт мы придумали кодекс россиянина из двух пунктов: 1-й – начальник всегда прав, 2-й – если начальник не прав, смотри пункт 1-й. Ну что скрывать, любят у нас на Руси играть в начальство! Есть хорошая фраза: «рождённый ползать летать не может, но может заползти так высоко, что рождённый летать будет перед ним ползать». А как иной раз важничают какие-нибудь

уборщицы или вахтёрши в солидных учреждениях, например, в министерствах! Ну прямо-таки главнее самого министра!

Р.: – Не все уборщицы ведут себя так. Важничающая за счёт учреждения техническая сотрудница неосознанно старается поднять свой личный статус.

С.: – Так называемые официальные лица и менеджеры даже автомобили, на которых они приезжают в свои офисы, должны иметь не ниже моделей, принятых в их кругу. Приедет служащий не на той машине, ему начальник может сказать: «Раз не соответствуешь должности, мы тебя понизим». Наши новоиспечённые вельможи готовы часами томиться в пробках, но в общественный транспорт для простонародья сесть им, как говорит молодёжь, «западло». В западных странах, например в Дании, министры и мэры ездят на работу на велосипедах. Можно ли себе представить, чтобы у нас начальник какой-нибудь захудалой конторы прикатил на работу на двух колёсах? Почему в Москве и в областных центрах фактически нет велодорожек – в отличие от многих столиц и городов Европы? Не потому, что условия в наших городах не позволяют. И деньги на это нужны мизерные. Потому что сами наши чиновники ни за что на велосипед не сядут, а эгоизм и самомнение не дают подумать о гражданах, не относящихся к VIP-персонам.

Р.: – Срезанию экстремумов в социальной иерархии горожан способствует устройство на основных городских магистралях выделенных полос для общественного транспорта: автобусы и троллейбусы играют демократизирующую роль. Но это – только один из аспектов демократизации общества.

С.: – В Европе обладатели самых высоких должностей не стесняются не только ездить на велосипеде, но и участвовать самым непосредственным образом в праздниках, карнавалах, шуточных соревнованиях. А наши многие местные начальники в лучшем случае прочитают по бумажке какое-нибудь приветствие с высокой трибуны, чтобы обязательно быть над народом.

Р.: – Наши чиновники нагружены унаследованным из прошлого советским официозом. До 1917 года в русских селениях жили намного веселее, устраивали всевозможные игры и развлечения. А Горянин в книге «Мифы о России и дух нации» рассказывает, что в старину массовые развлечения были очень любимы нашими предками. Например, в Пскове весь город, мужчины и женщины, молодые и старые, наряжались и собирались на игрища. Мы за годы советской власти отвыкли от карнавалов, всевозможных фестивалей, шествий, массовых весёлых праздников. Непринуждённое веселье заменилось в основном добровольно-принудительными празднествами, идеологически направленными мероприятиями с изрядным включением бюрократического официоза. Однако прежние традиции и увлечения в России постепенно возвращаются.

С.: – Мы очень болезненно блюдём свой статус. Начиная с Петра I, всё время будто стремимся прыгнуть выше головы в нашем рвении, вознестись над страной, над соотечественниками, над могилами предков, над окружающими, причём, сами того не сознавая, это делают почти все: от охранников до академиков и министров.

«Ты меня уважаешь?» – типично русский вопрос, который у пьяного на языке, а у трезвого на уме.

Стремление вырваться в высшие слои общества присутствует у всех народов, соревнования в успешности – извечная цель человека. Но у нас оно приняло гипертрофированные, даже уродливые формы, нередко переходя в криминал и садизм. Взять так называемую дедовщину, причём не только в армии, но и в училищах, в школах, в детских домах, даже в детских садах. Это стало прямо-таки навязчивой всепоглощающей целью: не подниматься самому, а пригнать сверстников, однополчан, соучеников.

Р.: – Надменны и заносчивы, как правило, люди с какими-то психологическими изъянами, с заниженной самооценкой, не очень уверенные в своих достоинствах и в своих силах, чувствующие свою незначительность. На самом деле путь наверх, к высокой самооценке лежит

не через унижение других, а наоборот, через возвышение их. Истинно большой человек подтягивает других комплиментами, подбадриванием, добрым словом, находит в людях положительные качества и предпосылки к успехам.

С.: – Выходит дело, чем меньше человек «комплексует», тем меньше он нуждается в возвышении над кем-либо, над народом вообще, тем крепче связи между разными группами общества, оно более дееспособно. И наоборот, чем больше в обществе социально-психологическое расслоение, тем уязвимее связи, тем хуже в стране обстоят дела, что в конечном счёте влияет на самоощущение людей. Налицо порочный круг!

Р.: – Когда в стране существует свободное предпринимательство, люди выдвигаются «наверх», прежде всего, благодаря своим деловым качествам. Но если в главной сфере человеческой деятельности власти ставят ограничители, как было в советское время и сохраняется в какой-то степени сейчас, то экономическую конкуренцию заменяет психологическая, ибо никакая революция не может уничтожить стремление индивидуума подняться наверх по социальной лестнице. Естественно, что состязание бумажников и денежных мешков в Союзе сместилось в сторону борьбы характеров, амбиций, нервов.

С.: – К нынешним временам у нас к тому же сложился колоссальный разрыв в уровне и образе жизни между крупными мегаполисами и тысячами малых городов, посёлков, сёл и деревень. «Мы легко найдём в России места, где ещё не наступил 1991 год, где ещё живут при социализме, – отмечают Л. Блехер и Г. Любарский в книге «Главный русский спор». – Если поискать, можно найти и такие места, где ещё не было 1917 года, где живут, по сути, в царской России. Гораздо реже встречаются, но есть люди, для которых ещё не произошла христианизация Руси. И все они живут в XXI веке». Особенно оторвалась от всей России Москва. Ну, ещё С.-Петербург. Провинциальная Россия, особенно в малых городах и сёлах, медленно, но верно вымирает. А провинцией у нас считаются даже крупные областные центры. Львиная доля налогов уходит в столицу, и даже в областных центрах дорогу, бывает, отремонтировать не на что. В центре, видимо, рассуждают так: чем на местах разворуют, лучше мы сами присвоим. В Москве сконцентрировались почти все олигархи. Столица и ещё несколько крупных городов утопают в деньгах от продажи сырья, строят небоскрёбы, просаживают миллионы в ресторанах и ночных клубах. Москва оказывает развращающее воздействие на русский народ. Немудрено, что у москвичей и провинциалов установилась взаимная нелюбовь, а то и неприязнь. Москвичи относятся к провинциалам более высокомерно, чем жители столиц других стран к своим провинциалам. Даже когда В. Шукшин был на пике славы, можно было от снобов услышать: «Кажется, что от него пахнет коровником».

Р.: – Но коренные ли москвичи этим грешат? В столице их остались жалкие несколько процентов, а в основном её заполнили пробивные приезжие из всех краёв и областей бывшего Союза. Может быть, вчерашние жители тех самых провинциальных городов и сёл и задирают носы перед своими бывшими земляками с целью как можно больше вознестись над ними? А жители регионов, когда ругают москвичей, выплёскивают своё негодование чаще на своих же бывших земляков.

С.: – Ругая москвичей, они имеют в виду нынешнее население Москвы. Верно, в наших столицах помимо способных и энергичных людей собирается много ушлых, амбициозных, порой не вполне чистоплотных в выборе средств приезжих со всей России. Средний заработок в Москве намного выше, чем в целом по стране. Вот и появляются в регионах сепаратистские настроения. А первопричина таких настроений – поведение столичных чиновников.

Р.: – Тем не менее в эту якобы ненавистную Москву продолжают стремиться со всей России, особенно те, кто хочет поднять свой личностный статус, несмотря на то, что в Москве жизнь дороже, чем в регионах. После окончания ВУЗа четверо из пяти не хотят возвращаться в свои регионы. Вот столичный мегаполис и распух до невероятных размеров. В Питер едут тоже. А наоборот – единичные случаи. Россиянам свойственна малая мобильность граждан, но

и та однонаправленная – в города, и чем больше город, тем сильнее он притягивает людей. По «горизонтали» переездов мало. Помимо прочего, сказывается то, что в Москве новый человек не выделяется, а в небольших городах и сёлах приезжий долго чувствует себя чужаком.

С.: – Хуже, что со столицы берут пример центры регионов и районов, вытягивая все соки из своих территорий, поэтому чем дальше от административных центров, тем больше – разруха, запустение, одичание народа или вовсе безлюдье.

Р.: – В том, что столица стремится распоряжаться как можно бóльшим бюджетом, проявляется наш консерватизм. Борясь с анархией, центр следует привычкам в традициях «Домостроя». В прежние времена во многих семьях отец часто не доверял жене, детям, прислуге серьёзные покупки, считая, что они растратят деньги на всякую чепуху. Но он преследовал и свои цели: покупал себе роскошную повозку или пятого дорогого коня, а то и проигрывал семейное достояние в карты, в то время как дочь ходила в одном платье третий год. И получается: анархию-то проявляли не жена и дети, а сам папаша, он – главный «анархист», жил по принципу «что хочу, то и ворочу». Так у нас испокон веков уживаются анархизм и деспотизм, время от времени вспыхивают конфликты. Отрыв столицы от остальной России начался не сейчас, а в XVIII-XIX веках. Даже первопрестольная жила другой жизнью, чем С.-Петербург, приспособлялась к правящему императору или к императрице лишь внешне, оставаясь сама собой и себе на уме.

С.: – Тем не менее уездные города, да и сёла с деревнями, до революции 1917 года жили себе и не тужили, развивали всякие мануфактуры, стекольные, кирпичные, пищевые и прочие производства, купцы строили каменные дома, возводили церкви, богатели, сёла были огромными, деревни были полны ребячьего крика. Большевики отрыв от России столицы, уже Москвы, не уменьшили, а даже увеличили. Жизнь в малых городах стала глхнуть. Неприязнь москвичей к приезжим усилилась в эпоху «колбасных» электричек и поездов, когда старым и новым обитателям Москвы казалось, что иногородние увозят последнюю колбасу, не осознавая, что жители Коломны, Ржева и Костромы тоже имеют право кушать этот «деликатес». Тогда и появилось расхожее словечко «понаехали». Под ним имели в виду также «лимитчиков» – строителей жилых домов, приехавших в столицу из разных областей.

Р.: – Урбанизация, массовое «огорожанивание» населения, начавшееся в XX веке и продолжающееся в XXI-м, когда поколения детей переезжают в города, а родители остаются в деревнях, весьма осложнило взаимоотношения между молодыми и пожилыми гражданами страны, принципиально изменило веками существовавшее положение, при котором дети, как правило, вырастали и старились там же, где жили родители. Для детей, оказавшихся в более цивилизованных условиях, чем родители, отцы и матери уже не являются таким же авторитетом, как в патриархальной семье. Тут не образование детей даже является решающим фактором, а само «огорожанивание». А в XXI веке возникает ещё больший разрыв между поколениями, когда в Европу уезжает деревенский молодой житель, минуя российский город, при этом влияние на него родителей фактически совсем прекращается. В результате в последнее столетие

самоощущение каждого нового поколения в социально-психологическом аспекте в России намного выше, чем предыдущего.

Это обстоятельство резко усиливает и без того большое «вертикальное» психологическое расслоение русского народа.

С.: – Высокомерное отношение горожан к селянам, то есть всё та же «вертикальная» психология, изрядно проявилось в советское время. Приезжали начальники и партийные функционеры из районных и областных центров, из столицы и начинали колхозников учить жить: чем им заниматься, что, где и когда сеять, сколько иметь коров, гусей и яблонь. А в общем горожане эксплуатировали селян, то есть своих кормильцев, превратив их фактически в крепостных.

Р.: – Это обстоятельство тоже сыграло свою роль в том, что деградировала социальная и экономическая жизнь села, что провинциальная сельская Россия обезлюдела. Народ из деревень побежал в прошлом веке с таким рвением не только от бездорожья, отсутствия вблизи универмагов, поликлиник и театров, но и в немалой степени от презрительного отношения к нему горожан, с особенной жестокостью проявившегося во время правления большевиков. Если бы не их варварское обхождение с крестьянами, если бы горожане относились к кормившим их селянам как к социально равным, какая-то жизнь, несомненно, продолжалась бы в русской деревне и сейчас.

С.: – Теперь многие молодые выходцы из села считают, что работать в поле или на ферме – значит, опуститься ниже плинтуса. Даже слова, обозначающие одну и ту же профессию, у нас и в Америке вызывают совершенно разные ассоциации и, соответственно, отношение к её обладателям. Американский ковбой в нашем представлении – рыцарь, смельчак, «мачо», объект восхищения девушек. А какой образ возникает у людей при произнесении слова «пастух»? И к фермеру США отношение у общества совсем иное, чем в России. А сам заокеанский фермер не гнушается работать наряду с наёмными работниками. Теперь понятно, почему в магазинах продаётся бельгийская картошка, аргентинские яблоки, венгерский горох. Даже грибами, исконно русским продуктом, нас почему-то кормят китайцы, а цветы поставляют из Голландии, а не из Ставрополя, находящегося намного южнее и ближе к российской столице. А в «Ашане» продаётся квашеная капуста «Деревенская», и уже закрадывается подозрение: не из сербской ли деревни привезена она? Сажать лук, выращивать хрюшек, делать утюги или пылесосы, менять водопроводные краны или укладывать асфальт на дорогах – это воспринимается как нечто позорное.

Р.: – Понятие о престижности профессии у нас в России возведено в абсолют. Профессии есть сверхпрестижные, есть престижные, есть массовые малопрестижные и, наконец, совсем непрестижные. Так появляются профессиональные сословия и соответствующее психологическое самоощущение.

С.: – Скрытая и явная безработица возросла неимоверно, и в то же время полно объявлений, начинающихся словом «требуется». Перестал быть престижным огромный набор профессий: учитель, врач, инженер и т.п. Даже журналист в постсоветской России серьёзно упал в глазах общественности.

Р.: – Мы склонны решать эту проблему только деньгами – поднимать зарплату, например, учителям. Впрочем, и в этом не очень преуспели. А важнее преодолевать чванливость граждан по отношению к одной из самых почётных профессий, поднимать престиж Учителя. Чему может научить учитель-маргинал, который попал в школу не по собственному желанию, а потому что не сумел устроиться в более престижных сферах, чувствует себя на обочине жизни и вдобавок ловит на себе высокомерные взгляды некоторых учеников – детей преуспевающих в материальном плане родителей? Сложился замкнутый круг: мы рвёмся из «черни» в «белые люди» для того, чтобы нас уважали. Но попав в привилегированные слои, надменны по отношению к тем, кто нас кормит, одевает, обогревает. Своим отношением к ним мы рубим сук, на котором сидим: вызываем у этих людей тоже желание подняться в профессиональном плане, а следовательно и по социальной лестнице, что обычно соответствует переходу из производителей материальных ценностей в их потребителей. В итоге получается, утрированно говоря, вот что: умрём, но морковь сажать не будем!

С.: – Жители некоторых городов возмущаются по поводу большого количества гастарбайтеров. Но если бы в нашем обществе было поменьше снобизма, не пришлось бы в таких количествах приглашать таджиков. Намечается тенденция, что скоро каменщиками, столярами, водопроводчиками, дорожными рабочими будут исключительно иммигранты и «понаехавшие», которые и нашим работодателям выгоднее. Как в XX веке в России почти исчезло крестьянство, так же в нынешнем столетии рискуем остаться без рабочего класса. Всё ругаем

милицию-полицию, что там много хапуг, что у некоторых сотрудников приёмы обращения с гражданами подчас бандитские. Но не все ли мы с нашим снобизмом «опустили» профессию сотрудника милиции так, что туда уже не хочет идти ни заботливый добряк дядя Стёпа, ни благородный Знаменский, ни принципиальный Анискин, ни неистовый борец с ворами Жеглов? В армию стараются не попасть ребята из «порядочных» семей, помимо прочего, из-за нежелания резко понизить свой психологический статус, в результате там оказывается большинство недалёких элементов с люмпенской психологией.

Р.: – Когда наш гражданин попадает в западноевропейскую столицу, он удивляется тому, что на улицах идут похожие друг на друга люди, одетые одинаково, так что не отличишь доктора наук от слесаря, а консьержку от начальницы фирмы, и все вроде бы с умными лицами. Но потом становится ясно, что внешне похожими их делает самоуважение. Они не одеждой и позой отличаются, а разные внутренне, у них различие личностное, а не показное. Они не на словах и не в жестах независимы, а в ощущениях, в подсознании. Даже в Эстонии в советское время трубочист или сантехник весьма отличался от нашего «дяди Васи». Он выглядел, как кандидат наук, и держался с чувством собственного достоинства.

С.: – А нам мешает так же держаться в качестве сантехника не столько низкая самооценка, сколько отношение окружающих. Нам стыдно перед знакомыми «опуститься» до такой работы: мол, совсем в человека «третьего сорта» превратился. Мы опасаемся, что окружающие будут себя держать с нами на психологической дистанции, обращаться с чувством своего превосходства. При нынешнем снобизме у нас может всё остановиться, поскольку в непрестижных профессиях не будут появляться мастера своего дела.

Р.: – На Руси были печники, а были Печники, известные на всю округу, которые в своё ремесло вкладывали душу, и поэтому их наперебой люди звали сложить им печь. Но когда за дело берутся нехотя, если не сказать – с отвращением, а потом работают спустя рукава, скорее имитируют работу, и трубы будут течь, и асфальт пучиться, и стены домов трещинами покрываться, и преступления не будут раскрываться, и учителя станут деградировать. Обладателей «непрестижных» профессий ещё долго не заменят роботы. А наблюдательного следователя, эрудированного учителя, внимательного врача никакой робот не заменит.

С.: – По некоторым данным, сейчас девять профессий и видов работ из десяти молодые люди считают ниже своего достоинства. По итогам одного исследования, только 3,5 процента ребят хотят освоить рабочие профессии. Выпускники средней школы не горят желанием становиться токарями, фрезеровщиками, шлифовщиками. Выяснилось, что каждый четвёртый-пятый парень готов пойти работать в ФСБ. Эксперты полагают, что, во-первых, ради «корочек», а во-вторых, – всё тот же мотив возвыситься: мол, ты – никто и зовут тебя никак, а я – сотрудник ФСБ, передо мной все будут нишкнуть.

Р.: – Всё-таки кого-то из этих ребят привлекает сама работа, её романтика, а кто-то хочет быть максимально полезным стране.

С.: – Дай Бог! В конце прошлого века преобладающим было стремление в предпринимательство, люди предполагали в собственном деле поднять свой статус, не только улучшить материальное положение. А в первом десятилетии XXI века молодёжь уже переориентировалась на «государеву» службу: вряд ли в поисках романтики. Самый большой наплыв в те ВУЗы, где готовят чиновников. С появлением в России нуворишей повысилась амбициозность молодёжи, особенно детей школ с каким-то уклоном, которые считают для себя унижительным подметать пол, стирать носки и выносить мусор. А глядя на них, считают для себя зазорным домашний труд и дети каких-нибудь «сырых» родителей – скромных и низкооплачиваемых инженеров, служащих, научных работников, которые «запихнули» детей в эти спецшколы. Мы норовим взять плохой пример с американцев, а всё хорошее у них не перенимаем. Их тинейджерам не стыдно устроиться в кафе мыть посуду, драить полы в больницах, продавать газеты и т.д. Нашим ребятам «опуститься» до этого ложное самолюбие не позволяет.

Р.: – Это здесь, рядом с русскими соотечественниками, они стесняются подметать пол и мыть посуду. В Америке и в Европе они держат себя по-другому. Там наши эмигранты соглашались на гораздо менее квалифицированную работу, чем в России.

Ксенофобия – это и результат, и признак

«вертикальной» психологической ориентированности общества.

С.: – До революции принцессы заботились о бедных, в Первую мировую войну Александра Фёдоровна приучала дочерей к благотворительности, к непривлекательному труду, и великие княжны не гнушались ухаживать за ранеными солдатами в госпиталях, где были вонь, грязь. Без всякой бравады! А нынешние дочки даже не премьер-министра или президента, а среднего чиновника пойдут ухаживать за ранеными солдатами? Британский принц Уильям рубил дрова, дежурил на кухне и мыл туалеты в Чили в экспедиции, будучи курсантом в военной академии Сэндхерст, то есть делал всё, что и другие ребята. А наши высокопоставленные отцы считают нужным освободить сыновей от «лишних» забот и растят махровых эгоистов и бездельников. Выходит дело, в Великобритании принц превращался в работника, а у нас работники стремятся быть принцами.

Р.: – Из мира взрослых, из семей «вертикально» ориентированная психология перекочёвывает в школы. В российских школах заносчивость, презрение одних учеников по отношению к другим стало обычным явлением. Даже школьные специализации создают у ребят представление, что они не просто расходятся по разным направлениям знаний, а дифференцируются по шкале «выше – ниже». Родители не очень-то прививают детям умение вести спор без агрессии и презрительности, находить компромиссы. И современная российская школа не учит детей разрешать конфликты не силовыми способами.

С.: – Частенько у нас бывает так: стóбит кому-то узнать больше другого, как ему непременно нужно это продемонстрировать высокомерным тоном, взглядом, жестом, утвердить своё превосходство. Психологическая «вертикальность» проникла даже во взаимоотношения близких людей. Можно наблюдать такие ситуации. Два закадычных друга, знакомых с детского сада, достигли примерно одинакового положения в обществе. Но одному непременно надо возвышаться над другим, он менторским тоном поучает друга, всё время подчёркивает своё превосходство. Они могли бы до конца жизни получать радость от общения и взаимно обогащаться опытом, а вместо этого в их отношениях появилась напряжённость, и они расстались. Другой типичный случай. Мама эксплуатирует любовь к себе ребёнка и заставляет его заниматься нелюбимым им, но престижным делом, чтобы стать мамой если не гения, то известного человека. То есть она стала рабом собственного тщеславия. Или такая коллизия. Молодая женщина не желает иметь ничего общего с двоюродными сёстрами. Не потому, что те ей чем-то насолили, либо опустили и ведут аморальный образ жизни – нет, они вполне достойные дамы и хотели бы с ней поддерживать отношения. Но то ли бойкотирующая родственниц считает себя выше их и не желает «снисходить» до них, то ли полагает, что родство – ничтожный повод для общения. Родственные чувства – на нуле. И таких случаев у нас в стране – пруд пруди!

Р.: – Есть множество народов на Земле, которые находятся в своём развитии позади России, но граждане которых очень толерантны, привыкли общаться друг с другом спокойно и уважительно.

С.: – Может быть, мы одичали в нашем восточном краю с редким населением?

Р.: – Такая ситуация складывается в проблемных, эгоистичных обществах, где граждане чувствуют себя не на высоте, ущемлёнными. Вертикальная ориентированность взаимоотношений обычно свойственна тоталитарным государствам с монополистическим укладом всей жизни, со связями и структурами, основанными в первую очередь на подчинении, а потом на человеческих качествах и здравом смысле. Такой уклад переносится и на частные взаимоотношения между людьми. Чтобы начать действительно решать наши жгучие проблемы, нам всем надо увидеть в соотечественнике, прежде всего, Человека, заслуживающего такого же отноше-

ния, как хороший наш родственник. Без выравнивания отношения друг к другу, без превращения пресловутой психологической «вертикали» если не в «горизонталь», то хотя бы в наклонную линию, нам не преодолеть общую, как говорят, закомплексованность, вообще на большой успех рассчитывать трудно. Эту проблему не решить только постановлениями и указами правительства. Но оно должно ослабить остроту противостояния богатеющей «элиты» и беднеющего «населения» путём введения адекватного налогообложения, выработки мер снижения экономического расслоения в стране.

С.: – Страна того гляди станет колониальной, причём колонизаторы – не иностранцы, а в подавляющем большинстве сами русские, чувствующие себя иностранцами по отношению к населению. К тому же ни в одной европейской стране нет такого количества категорий лиц, пользующихся судебной неприкосновенностью. Рядовые граждане этого не могут понять: казалось бы, у депутатов ответственность должна быть повышенной. Всё равно что в семье старший сын может творить всё, что ему заблагорассудится, а младшие за любой проступок подвергаются наказанию.

Р.: – Как правило, склонность к беспределу в политике, экономике и общественной жизни закладывается в детстве, когда родители и близкие покрывают проступки и безобразия своих чад, защищают их, либо стараясь избежать осложнений для себя, либо из ложно понимаемой, беспринципной любви к своим чадам, либо просто пасуя перед ними. Какой-нибудь сановник публично может решительно выступать за честность и объективность судей, но вот проштрафился его сын, и он, не колеблясь, берёт телефонную трубку и начинает искать возможности влияния на судей, чтобы они вынесли оправдательный приговор или хотя бы дали его чаду условный срок.

С.: – У нас очень много говорят о том, что судебная власть должна быть совершенно независимой от других ветвей власти, высказывается масса идей по поводу её устройства. Но как стояли судьи насмерть на стороне государства, его структур, больших и средних начальников, так и продолжают строго обслуживать их интересы, делая бесправными рядовых граждан. А чем объяснить обвинительный уклон судов, когда рассматривают дела людей из народа? Подсознательной потребностью «блюстителей закона» самим как можно выше подняться над «чернью» до уровня «неприкасаемых»?

Р.: – Известно: кто платит, тот и заказывает музыку. Стало быть, объективность и беспристрастность решений судей зависит не только от того, насколько бескорыстные и смелые люди составляют судейский корпус. Нужно также, чтобы их труд оплачивался независимо от воли чиновничьего сословия. А для этого надо, чтобы средства на судебную систему шли, минуя подвластный правительству и президенту государственный бюджет, непосредственно из отдельного налога, собираемого со всех граждан страны. Суды станут ещё независимее, если наиглавнейший судья будет избираться всем народом.

С.: – Но удастся ли при этом избежать подкупа судей высокопоставленными чиновниками и олигархами?

Р.: – Мы всё ругаем за разгул коррупции чиновников. Но не только они виноваты в том, что взяточничество не уменьшается. Мы сами горим желанием обтяпать наши дела поскорее, да без очереди, а то и в обход законов. Но в намерении опередить других в решении своего вопроса сказывается ещё и гордыня. Взятка вроде бы возвышает дающего над остальными, делает его хитрее, ловчее земляков, он вырастает в собственных глазах. Дескать, мне можно то, что другим нельзя. И это уже стало навязчивым стремлением нашего соотечественника: выйти за пределы законов и правил, стать над нормами бытия, попасть в разряд привилегированных. Даже мелкий начальник, инспектор, ответственный за сбор каких-нибудь рогов и копыт претендует хоть на маленькие преимущества.

С.: – Вот и среди автоводителей немало таких, которых Правила дорожного движения слишком напрягают. Растёт среди них агрессивность, уже говорят о гражданской войне на дорогах.

Р.: – Эскалацию агрессии провоцирует безнаказанность. Но дело и в том, что на улицах и дорогах, то есть на одном пространстве, сталкиваются все слои общества: жители Рублёвки, чиновники, бизнесмены, бандиты и «рядовые» автовладельцы, которых стало очень много.

За малым исключением, на дороге, как в бане, все равны,

и оказываются под властью единых Правил дорожного движения. Дорога демократизирует общество, она – не салон для элиты, на ней нет возможности уединиться в своих роскошных хоромаш за трёхметровым забором. Но некоторым и здесь хочется быть «равнее» остальных, особенно тем, кто рвётся продемонстрировать свою избранность и возвышенность над «простолюдинами». И поэтому они начинают хамить, притеснять «быдляков», а то и издеваться над ними, будто именно они, а не улица, уравнили «белую кость» с «серой» массой.

С.: – Кто знает, может быть, строительство дорог для так называемой элиты, отгороженной трёхметровым забором, – вопрос времени. Обособление «элиты» от простонародья из Москвы и других крупных городов волнами расходится по стране: свои «рублёвки», то есть улицы для избранных, появились даже в посёлках городского типа. Российская «элита» отгораживается от «плебеев» неземными ценами на квартиры и дома. Однако разных границ и барьеров у нас и без того хватает. Такая политика плодит маргиналов и люмпенов, чувствующих себя отвергнутыми, которые начинают представлять опасность для отделяющихся тоже, и вряд ли заборы – надёжная защита. Наше общество в постсоветской России и так оказалось слишком люмпенизированным, а у люмпена основной инстинкт – «к себе».

Р.: – Люмпенство – одно из самых серьёзных наших препятствий. Одна из причин его – обилие природных ресурсов, что действует на страну в общем демобилизующее: зачем развивать технологии, совершенствовать обрабатывающую технику, если можно продать сырьё, а потом сидеть на печи и есть калачи. Люмпенская психология душит российское общество, всё время сбивает с верного пути. В 1917 году большевики в полном объёме использовали контингент с такой психологией для достижения своих целей. Поначалу называли люмпенов продотрядом, дали им ружья, кожаные куртки и отправили отбирать хлеб у крестьян. Потом они становились начальниками местного масштаба, а иные вскоре добрались и до самых верхов. По сути дела, люмпены в 1917 году у нас победили. Ещё больше люмпенизировали страну сталинские репрессии. В тюрьмах и лагерях вместе с уголовниками оказывались благопристойные законопослушные граждане, а дети их были брошены на произвол судьбы, лишены благотворного семейного воспитания, и в свою очередь, пополнили люмпенскую братию. В 90-х годах из-за развала многих предприятий и вследствие потери веры у людей в будущее люмпенизация населения в стране продолжала нарастать. Люмпенская психология проявляется, прежде всего, в падении морали.

С.: – Швондеры и шариковы никогда не будут работать, создавать ценности. Какую бы должность они ни заняли, всегда будут стремиться отбирать, делить и забирать себе как можно больше. Такие люди пополняют фашиствующую оппозицию, идут в карательные структуры. И они жестоки к людям, кто бы перед ними ни оказался. Дорого обходится трудоспособным гражданам обширная люмпенизированная публика в разных обличьях.

Р.: – Для преодоления люмпенства нужно, чтобы государство как можно больше способствовало инициативным, предприимчивым людям.

С.: – Философ и публицист М. Масарский различает, с точки зрения экономического поведения, людей конкурентного типа и неконкурентного типа. Первые способны организовать своё дело и активно его двигать вперёд, а вторые могут только быть наёмными работниками, исполнительными или не очень – у кого как получается. Так вот Масарский сожалеет, что государство периодически идёт на поводу у второй и большей части населения и начи-

нает душить активных предпринимателей, которые, конечно, в меньшинстве. И тогда отбирают у производителей заработанное ими, делят на всех. «При отсутствии устойчивой мотивации к напряжённому и высокопроизводительному труду неуспешные работники всё более склоняются к силовому перераспределению, – утверждает М. Масарский в книге «Порядок и смута». – Не научившись умножать, они предпочитают делить. Мера принудительного государственного изъятия национального дохода зависит от политической представленности неконкурентной части населения во властных институтах».

Р.: – Сословно-кастовое расслоение не только не преодолевается или хотя бы уменьшается в результате революций и переворотов, а наоборот, даже усиливается, поскольку приходят к власти неимущие, но амбициозные люди, дорвавшиеся до распределительных рычагов с мыслью «уж теперь-то мы обогатимся!»

С.: – А возможно ли вообще бесклассовое общество?

Р.: – Оно может возникнуть лишь при абсолютно равных стартовых условиях. А это нелегко в принципе! Один родился в столице, другой – в глухом посёлке, у одного папа – президент, пусть не страны, хотя бы солидной фирмы, у другого – грузчик. Один – сын любящих его без памяти родителей, он вырастает уверенным в себе, хитрым; другой – рохля, забитый воспитанник детдома. А поскольку человек старается из своего стартового положения извлечь всё что можно, то, естественно, он попадает в гораздо лучшие условия, чем не имеющих стартовых преимуществ. Так он может оказаться в среде, присущей другому классу.

С.: – Сейчас много споров относительно среднего класса, высчитывают суммы доходов, кого к нему можно отнести, а кого нет.

Р.: – Чёткого представления в обществе о том, кого считать представителями среднего класса, пока нет. Здесь нельзя подходить только с имущественными критериями: каков заработок, есть ли машина, дача, хороша ли квартира и т.д. Это лишь одно из условий. Хорошее образование – условие желательное, но не обязательное. Знания, эрудиция могут приобретаться и самостоятельно. Профессия определяет принадлежность к среднему классу лишь в какой-то мере. Далеко не все учителя, врачи, учёные сами себя причисляют к среднему классу. К нему, как правило, относят себя менеджеры, руководители среднего звена. Чиновники на государственной службе, офисные служащие могут быть отнесены к среднему классу с натяжкой, поскольку они зависят от своего начальства. Завтра человека уволили – и он не имеет ни заработка, ни социального положения. В 2014 году к среднему классу себя относили около 40 процентов граждан России. Однако некоторые подходят к этому строже, зачисляя в него людей независимых экономически и политически: мелких и средних бизнесменов, индивидуальных предпринимателей, фермеров, успешных представителей творческих профессий. К среднему классу относят собственников, представляющих некий противовес государству. Высказывают также мнение, что этот класс создаётся не одним поколением, накапливая и передавая по наследству недвижимость, дело, умения. Если иметь в виду такие подходы, то к среднему классу можно отнести 10-12 процентов россиян.

С.: – Видимо, архаичность русского народа, о которой говорят, в том и состоит, что «верхи» не хотят, а «низы» не могут сократить разрыв между частями общества. Будет ли всё-таки разделение на «белую» и «чёрную» кость преодолено?

Р.: – Этого не скажет, вероятно, и сам Всевышний. Положение начнёт улучшаться, когда всё больше людей будут заняты полезной для общества работой, когда начнёт выравниваться экономическое положение разных слоёв граждан. Вот увеличение среднего класса всё больше заполняет пространство между «верхами» и «низами».

НЕ ВСЁ ЛАДНО В НАШЕМ КОРОЛЕВСТВЕ

Рассудительный: – В 1990-х году вышел фильм Станислава Говорухина «Так жить нельзя». Сохранилась ли актуальность такого утверждения? Сейчас «так» жить уже можно?

Сердитый: – Если с тех пор что-то изменилось, то очень незначительно. Приходится признать, что в прошедшие годы нового века наша страна отличилась в том, в чём отличаться не следовало бы. Время от времени можно было прочесть в газете или услышать в радио- или телепередаче фразу вроде «ни в одной стране мира нет такого, чтобы...» – и далее о каком-нибудь негативном явлении в России. В области балета мы уже не впереди планеты всей, и перекрытый Енисей никого не вдохновляет, а сделанные ракеты и вовсе не приносят россиянам счастья. Если мы не на первом месте в чём-то плохом, то резво поспешаем в негативные лидеры. У нас не получился социализм с человеческим лицом, и капитализм выходит с каким-то мурлом из ночного кошмара. Напрашивается вопрос: а есть ли у России вообще человеческое лицо? В советское время мы просто не знали, что такое истинно благополучная жизнь. Когда открылись границы, вдруг выяснилось, что Россия по качеству жизни не входит даже в первую сотню стран.

Р.: – Мы были счастливее, когда жили изолированно, «варились в собственном соку», довольствовались отечественными костюмами и ботинками и презирали падких на зарубежные «тряпки» стилинг. Но теперь уже широкую публику не удовлетворят «Скорород, Красный Треугольник да Кемеровский промкомбинат».

С.: – В те годы мы считали, что самый наш большой порок – пьянство. Сколько омерзительных картин из жизни пьющих можно было видеть в российской глубинке! Остальные недуги и изьяны замалчивались или приглушались. Мол, есть отдельные недостатки, ещё «кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет», а в основном мы – самое прогрессивное общество в мире, которое под знаменем самого верного учения широкой поступью идёт к победе коммунизма. Куда наше общество пришло, мы сейчас и наблюдаем.

Р.: – Советская власть признавала пьянство как социальную проблему, но и действенной борьбы с ним не вело, ограничиваясь, по сути дела, её имитацией, а главное – не устранялись корни этого явления. Правящий класс, или номенклатура, не видел для себя выгоды бороться с пьянством. Огромный «налог» вследствие копеечной себестоимости водки покрывал потери из-за головотяпства и разгильдяйства «алкашей», распивавших «на троих» в рабочее время или появлявшихся на работе уже в подпитии. К тому же выпивоха был подконтролен: в пьяном виде у него развязывался язык, и он выворачивал свою душу наизнанку. Сам же любитель спиртного видел в своём пристрастии элемент протеста: дескать, я – в отсутствии, и идите вы все куда подальше.

С.: – А то, что от пьяниц появлялось всё больше ущербных детей, и это прямым путём вело к вырождению нации, волновало только учёных.

Р.: – Хотя у нас и любят цитировать слова князя Владимира о том, что «веселие Руси есть пити», наши предки так, как в последние двести лет, не пили. Допетровская Русь не мирилась с пьяницами, их били кнутом, сажали в тюрьму. А в период зарождения и развития капитализма немалую часть состояний и доходов в России промотали, пропили, проплясали. «Дворянство в усадьбах погружалось в обломовское неделание и маниловское непротивление, в тридцатые-пятидесятые годы XIX века поместное дворянство вместо занятия агрокультурой кутило вовсю, – писал в 1907 году известный в то время публицист М. Меньшиков. – Обломовы и Маниловы не в силах были создать народную культуру, втянуть народ в разумный труд, в трезвость, порядок и добродетель». При таком раскладе процветали только трактирщики, владельцы питейных и увеселительных заведений. А серьёзными отраслями хозяйства овладевал зарубежный капитал.

С.: – За прошедшие 14 лет XXI века в радио- и телепередачах от людей можно было услышать немало прискорбного. Житель одного из сёл Краснодарского края сообщил: «На нашей сельской улице – ни одной благополучной семьи. В одном доме мужчины спились, в другом сидят, в третьем убиты. Во времена моего детства по улице бегало пятьдесят мальчишек, сейчас нас в живых осталось семеро». Иностранец, заехавший в глубинку России, заметил, что в 10 часов утра там уже все пьяные. Ведущий утренней передачи «Радио России», побывавший в деревне Омской области, рассказал, что там пьют все поголовно. А сколько таких деревень в стране! В постсоветские годы стал стремительно развиваться пивной алкоголизм, особенно среди молодёжи. Несколько лет назад назвали такое число: русские потребляют по 15-18 литров чистого алкоголя в год, включая новорожденных и стариков. При этом никто никогда не подсчитывает, сколько выставляет на рынок теневой алкогольный бизнес, сколько население выпивает самогона. А если ещё прибавить потребляющих всякие спиртосодержащие жидкости вроде лосьонов, одеколona, тормозной жидкости и прочей отравы, то мы наверняка выйдем на первое место в мире. Но по данным Всемирной организации здравоохранения, употребление более 8-9 литров в год в расчёте на каждого жителя страны ведёт к деградации нации. Что, мы обречены на гибель? В России набирается порядка двух миллионов алкоголиков, а признаки алкоголизма наблюдаются более чем у трети мужчин и у каждой шестой женщины. Диву даёшься, как мы ещё существуем!

Р.: – Что спивается нация в целом, звучит слишком категорично. Два миллиона человек – далеко не вся нация. В последние годы на одну душу приходится до 11-13 литров чистого алкоголя, то есть зафиксировано снижение. Но, по мнению экспертов, реальные цифры действительно превышают официальную статистику в 1,5-2 раза. Так что отрицать серьёзность положения нельзя, ведь алкоголиками становятся в основном мужчины трудоспособного возраста. По некоторым данным, больше нас потребляют алкогольных напитков в пересчёте на чистый спирт в Великобритании. Много пьют во Франции, в Финляндии и некоторых других европейских странах. Но там выше культура питья. Например, во Франции считается естественным в обед выпить бокал вина. А в России пьют больше водку. Культура питья у нас не прививалась. Да номенклатура и сама не знала, что это такое, и с тем же рвением, что и остальное население, хлестала водку. Выпивохам тем более не нужна была эта самая культура питья. А в 80-х годах стали вырубать виноградники – то же бездумное шараханье из одной крайности в другую, административное рвение чиновников на местах к исполнению «руководящей линии партии». Но именно

виноградное вино способствует привитию культуры питья.

Кстати, странно, что в наших магазинах не видно румынских вин, которые славятся высоким качеством при низких ценах. Из Латинской Америки есть, а из соседней Румынии нет.

С.: – Но в пьющей Англии до пенсии доживают 9 из 10 человек, в Норвегии раньше 60 лет умирают менее 10 процентов граждан, а у нас почти половина. Смертность от злоупотребления спиртными напитками составляет 32 человека на каждые 100 тыс., тогда как в западных странах этот показатель в 10 раз меньше. В год из-за увлечения алкоголем умирают до полу-миллиона человек. После выпивки наши становятся бесшабашными, агрессивными, их тянет на подвиги, они затевают драки. Четыре из пяти убийств совершаются пьяными. Больше всего детей в семьях погибают из-за пьянства родителей. По опросам, почти две трети граждан считают, что в России пора вводить «сухой» закон.

Р.: – Как свидетельствует история, «сухой» закон ничего не даёт. В России пили много и раньше, но после окончательного крушения веры в социализм, развала Советского Союза, после закрытия многих предприятий пить стали больше. Людей, прежде всего мужчин, выбила из колеи невостребованность их труда, особенно в городах и посёлках, возникших при одном предприятии, – после того, как это предприятие закрылось. Деревня, особенно в центральных и северных областях, стала больше пить тоже из-за того, что потребность в труде селян упала

почти до нуля. Зерном с избытком снабжает юг России, многие продукты, вдруг оказалось, выгоднее привозить из-за рубежа, своя продукция стала нерентабельной. Селяне не могут сами найти выход из создавшегося положения, поля зарастают бурьяном и кустарником, деревни и сёла вымирают.

С.: – Но государство не очень-то поддерживает сельское хозяйство. «Как следует из английского опыта, единственным способом борьбы с пьянством является развитие индустрии развлечений, – пишет А. Гудзенко в книге «Русский менталитет». – В России, к сожалению, основной метод борьбы с любыми негативными явлениями – запрет, и он довлеет над нашими умами до сих пор». А водка позволяет нашим людям уйти от реальности.

Р.: – В наших маленьких городах и в сельской местности люди пьют также от скуки. А почему они скучают? Не могут вместе организовать что-то весёлое и интересное: турнир, состязания, конкурс, фестиваль, организовать куда-то экскурсию и т.д. Почему не могут? Во-первых, из-за разобщённости, индивидуализма. Во-вторых, не хватает творческой фантазии, которая в советское время не стимулировалась, всё было заорганизовано по указке партийной бюрократии. У массы россиян, особенно в маленьких городах и сёлах, скромны запросы относительно своего досуга. На праздник хорошо выпить и так же хорошо закусить, ещё попеть песни – и для большинства на этом радости жизни кончаются. В-третьих, по причине закомплексованности: стесняются показаться особенными, несолидными, выбивающимися из общего строя, подпасть под обвинение «больше всех надо». В-четвёртых, от беспомощности: обязательно должен прийти активный массовик-затейник и устроить для всех что-то интересное и увлекательное, при этом скучающие граждане ещё подумают, участвовать ли в этом мероприятии.

С.: – Ну да, понимаете ли, как-то несолидно с радостью пускаться в дядины игры. Вот посидеть в сторонке и похихикать над участниками действия, а потом «раздавить» бутылку-другую на троих и свалиться где-нибудь у забора – это вполне солидно, достойно настоящего мужчины.

Р.: – Да, наш человек чересчур уязвим перед общественным мнением. И это становится главной причиной начальной стадии пристрастия к выпивкам: желание обрести мужскую значимость, выглядеть в глазах окружающих взрослым и солидным. И ещё есть экзистенциальная причина. Любит русский человек поговорить «за жисть», о смысле жизни, о вечном за бутылкой водки где-нибудь на кухне или на веранде, засиживаясь до утра. Ю. Мамлеев в книге «Россия вечная» приводит слова одного западного исследователя, который сказал, что только русские способны отложить обед, если не закончен спор о духовных проблемах.

С.: – В советское время замалчивали проблему наркомании. А когда в 90-е годы хватились, оказалось, мы и тут стремимся на первое место, а по употреблению героина – уже на нём. И толком не знаем, сколько у нас наркоманов. По оценкам специалистов, количество лиц, потребляющих наркотики, в стране составляет примерно 2,5 млн. человек, а по данным Международного комитета по контролю за наркотиками, общее количество лиц, злоупотребляющих наркотиками в России, «может достигать 6 миллионов человек». Ежегодно у нас от наркотиков погибает 30-35 тысяч человек. В то же время в России – лишь несколько реабилитационных наркологических центров, даже в США – тысячи. В числе причин высокой смертности – курение. От табака, по словам Д. Медведева, умирают до 400 тысяч человек в год. В нынешнем веке Россия оказалась единственной из цивилизованных стран, где число курильщиков росло. По количеству дымящих подростков мы находимся на втором месте в мире.

Р.: – Вроде взялись за курильщиков, в 2014 году количество их снизилось.

С.: – На несколько процентов? Хуже всего, что у нас всю курят молодые девчонки. Вероятно, мамами они становятся не собираются. Наверное, у России и тут – свой особый путь. Только куда? На погост?

Р.: – Алкоголизм, наркотизация, курение говорят о том, что

наши граждане не дорожат жизнью.

Это – прямое следствие искусственно создаваемых барьеров в обществе, невозможности реализовать свои способности и делать что-то полезное для страны. Хорошие намерения человека натываются на запреты, препоны, эгоизм тех, от кого зависит развитие дела, либо на незаконные поборы всяких ответственных, а по сути, безответственных лиц. Когда человеку не дают сделать объективно полезное доброе дело, это вызывает у него агрессию, но поскольку на чиновника он её выплеснуть не может, обращивается на самого себя, ударяется в пьянство, в наркоманию и т.д. Вообще когда из дня в день в стране, в городе, в районе, в ведомстве многое делается вопреки общепринятым нормам и правилам, здравому смыслу, естественному положению вещей и ходу жизни, нормальный человек, если ничего с этим поделать не может, либо звереет, либо впадает в депрессию, либо заболевает психически. Неудивительно, что у нас растёт число психически нездоровых людей. Кроме того, запреты, неоправданные препятствия и преграды, всяческие ограничения сопровождаются насилием в обществе не только физическим, но и экономическим.

С.: – Алкоголизм, наркомания, СПИД – это косвенные убийцы нации. Но и по количеству убийств, в том числе заказных, наша страна в нынешнем веке вышла на второе место в мире, а по молодёжным убийствам оказалась на первом. В последние годы происходило немало массовых драк, даже жестоких побоищ с применением обрезков труб и металлических прутьев, что приводило к жертвам. А всего в год в России убивают до 30 тысяч наших граждан – население небольшого города. Проходит год – и целый город будто корова языком слизнула. В следующий год нет другого города. Ещё больше умирают от побоев и ран. У нас количество убийств на 100 тысяч жителей в среднем в 10 раз больше, чем в Европейских странах. Ежегодно до 14 тысяч женщин погибают от рук мужчин. При этом цифры реальной преступности значительно отличаются от регистрируемой. Мы оказались в первой десятке самых криминальных государств.

Р.: – К убитым следует прибавить пропавших без вести, которые «ушли из дома и не вернулись».

С.: – За последние 15 лет пропавших и не найденных набралось более ста тысяч человек – население большого города. Среди пропавших есть погибшие от несчастных случаев, заблудившиеся, психически больные, но многие из них – убиты и «закатаны в асфальт». Мужья убивают жён, жёны – мужей, предприниматели – конкурентов, даже девчонки-подростки, случается, убивают подруг из-за мальчика. Российская пресса сообщает о случаях невероятной бессмысленной жестокости с изощрёнными пытками. «Исследования психологов показывают, что уровень агрессивности в нашем обществе существенно выше, чем в Западной Европе, – утверждает философ и публицист Игорь Чубайс в книге «Российская идея». – Она проявляется на всех этажах вертикали власти, по всему её периметру – «деды» подавляют новобранцев, чиновники – просителей, детсадовские воспитатели – детей, вахтёры больниц – посетителей, но случается, когда школьники издеваются над учительницей». Несоразмерная агрессия присуща не только людям низкого интеллектуального уровня, но и представителям интеллигенции, людям с разными доходами. Почему же растёт озлобленность в нашем обществе?

Р.: – Врач-физиолог О. Соболев уверяет, что агрессивность генетически не наследуется, у подавляющего большинства людей степень агрессии определяется воспитанием. Психологи называют такую главную причину: личная необустроенность граждан на фоне укрепляющегося чувства беспомощности против матёрой государственной машины, от необоснованного финансового и морального прессинга, ощущения жуткой несправедливости, царящей в стране, с которой ничего нельзя поделать. Самолюбивый человек, будучи униженным, порой становится страшным для окружающих. Многих из нас преследует страх перед будущим, часто неосознанный, и получается, что ожидание глобального кризиса рождает кризис психологический, уже реальный. Но в наши бедовые головы не приходит осознание, что унижая детей,

родителей, других домочадцев, соседей, подчинённых или хотя бы игнорируя их, мы проявляем не силу, а слабость, усугубляем положение.

С.: – По сравнению с советским временем количество детских преступлений выросло в три с лишним раза. За убийства в заключении находятся несколько десятков тысяч подростков. Особенно людей поражает бессмысленность убийств своих же одноклассников, соседей, даже родственников, тем более когда убийцы не испытывают ни грамма сожаления или раскаяния, на суде ведут себя так, будто пойманы всего-навсего за мошенничество. Особенно всех потрясло убийство десятиклассником в московской школе учителя и полицейского в феврале 2014 года. На следующий день средства массовой информации сообщили, что психологи работают с учениками и родителями той школы. Но в тот же день российское телевидение продолжило «работать» в прямо противоположном направлении: едва ли не по всем каналам по-прежнему шли фильмы и сериалы, которые живописали убийства во всяких ситуациях и ракурсах.

Количество убитых в сериалах и фильмах за последние двадцать лет наверняка уже превысило численность всего населения России.

По сути дела, многие телеканалы занимаются преподаванием техники убийства различными способами.

Р.: – Сплошняком идущие картины убийств на домашних экранах девальвируют человеческую жизнь, создают у молодых граждан ощущение, что убийство – обычный способ достижения какой-то личной цели. Огромный вал сообщений, сюжетов и сцен из фильмов и телесериалов об убийствах, истязаниях, о маньяках, изнасилованиях ведёт к тому, что у общества, как выразился известный психолог С. Ениколопов, нарастает усталость сострадания. И уже перестаёт действовать максима, что убивать нельзя. Что же удивляться, что растёт преступность среди подростков, основных зрителей сериалов «про бандитов»? Россия признана одной из самых опасных стран для журналистов: за последние 20 лет у нас погибли или пропали без вести около 340 человек. Среди сильных мира сего – много людей с бандитским мышлением, для которых цель оправдывает средства, в том числе убийства. «По числу охранников на душу населения мы занимаем первое место в мире, на каждые 30-40 человек приходится один охранник, – свидетельствует А. Гудзенко в книге «Русский менталитет». – Но безопаснее от этого не становится».

С.: – Мы печалимся, что нас стало менее 143 миллионов, из них этнических русских всего 111 миллионов. Но мы упоённо продолжаем убивать друг друга: на кухнях, на улицах, в ресторанах, в полицейских участках, в зонах, в армейских частях, даже в школах. Который год идёт вялотекущая бандитская «гражданская» война, ведущаяся из-за угла, с невооружёнными людьми! И похоже, она не собирается кончаться. Получается, самые свирепые и жестокие враги русских – сами русские. Своими руками из года в год уничтожаем свой собственный народ. Людей, которые не были убиты, но получили тяжкие телесные повреждения, – в два-три раза больше. Многие из них стали инвалидами, бременем легли на остальное общество – не в результате несчастного случая, не в бою с врагом, а по вине своих же соотечественников, а то и близких родственников.

Р.: – Власти веками, особенно в последнем столетии, приучали людей к послушанию, регулировали наше поведение внешними ограничениями, чуть что – наказывали, причём жестоко. Когда ослабили внешние государственные вожжи, сняли уздечки, – некоторые пустились вразнос.

С.: – А иные сограждане по своей воле отправляются в мир иной, полагая, что лучше небытие, чем такая жизнь. По количеству самоубийств Россия в начале XXI века вышла на одно из первых мест в мире. Всемирная организация здравоохранения Организации Объединённых Наций считает 20 самоубийств в год на 100 тыс. населения критическим порогом. А у нас за последние годы интенсивность самоубийств достигла 40 на 100 тыс. населения, а в отдельных регионах значительно превысила и это число. До 60 тыс. мужчин, женщин и детей

ежегодно сводят счёты с жизнью, то есть ещё больший город в России как бы прекращает своё существование. А всего за последние двадцать лет расстались с этим миром более 800 тысяч человек. Мужчины по своей воле уходят в мир иной в несколько раз чаще, чем женщины. Кончают жизнь самоубийством даже дети до 10 лет. Причём количество попыток расстаться с жизнью превышает завершённые суициды более чем в 10 раз. Получается, что за десять лет до 10 миллионов наших сограждан находились в критической точке отчаяния. А до 1917 года Россия по числу самоубийств стояла на одном из последних мест, в ней было менее трёх самоубийств на 100 тыс. человек в год.

Р.: – Главная причина самоубийств в России – отсутствие надежд на будущее. Некоторые психиатры считают причиной большого количества суицидов бездушие чиновников. Видимо, это чаще происходит с натурами высокой принципиальности и честности, которые не могут ужиться с лживостью и несправедливостью.

С.: – Особенно возросло число суицидов среди сельской интеллигенции.

Р.: – Работники культуры и образования на селе ощущают свою ненужность в нынешней жизни. Такое ощущение у них рождает и мизерная зарплата, и то, что народ перестал ходить в Дома культуры, ему стала не нужна библиотека, всему этому он предпочитает водку, в лучшем случае сидит перед телевизором. Как показывает статистика, число самоубийств увеличивается в периоды более ровной жизни государства, в частности, в годы застоя, когда консервируется всё негативное. Наивысший пик самоубийств в советские годы пришёлся на 1984 год, когда в генеральные секретари выдвинули К. Черненко, и общественность поняла, что застой «благополучно» продолжится. Горбачёвская перестройка число самоубийств резко сократила, у людей появилась надежда на благодатные перемены. В первые годы нынешнего века, когда стали говорить о стабильности и новом застое, суицидная кривая снова устремилась вверх.

С.: – Россияне увидели, что руководство не готово ощутимо изменить ситуацию в России к лучшему, что правительство не спешит решать самые жгучие проблемы страны. Так называемая стабильность действует на людей угнетающе, её воспринимают как стагнацию. Не видно признаков, чтобы таким положением были озабочены экономисты, общественные деятели.

Р.: – В нашей жизни слишком много факторов, способных выбить из колеи любого человека. Некоторые из страха отстать от остальных ставят перед собой несбыточные цели, берут на себя слишком большие нагрузки и, не рассчитав свои силы, ломаются. Трудно россиянину быть счастливым и уравновешенным, если он постоянно опасается подвергнуться атаке недоброжелателей в той или иной форме, испытывает страх потерять кого-то из значимых для себя людей или чего-то очень ценного, остаться без работы или без жилья, потерять средства к существованию, серьёзно заболеть и не получить медицинскую помощь, попасть ни за что ни про что в тюрьму, страх быть избитым, ограбленным, убитым, просто оказаться в нежелательном месте.

С.: – По безопасности жизни граждан мы оказались где-то на 136 месте в компании с Ираком и Афганистаном. Режиссёр и продюсер Ю. Грымов как-то сказал: «Страх стал нашей национальной идеей, это единственное, что нас объединяет».

Р.: – Скорее, разъединяет. Инстинкт самосохранения в подобных условиях приглушает в людях голос совести, блокирует ответственность.

С.: – До 30 тысяч человек в год гибнет на дорогах. Всех потряс случай, когда дочь чиновника сбила двух женщин, вышла из машины посмотреть, не пострадала ли она... нет, не сбитая женщина, а машина, и даже не взглянув на сбитых, уехала. Почти треть смертей в стране – насильственные: убийства и самоубийства. Считается, что мы в Афганистане воевали, но там за все десять лет было убито менее 15 тысяч наших солдат. А в наше якобы мирное время погибает неестественной смертью почти сто тысяч человек в год: одних убивают, другие попадают в дорожно-транспортные происшествия, третьи оказываются жертвами техногенных катастроф, четвёртые травятся, пятые «уходят из дома и не возвращаются», шестых отправляет на тот свет алкоголь, седьмые сами сводят счёты с жизнью. А если сюда прибавить ещё гибель при

пожарах, в стихийных бедствиях, от несчастных случаев, от разного рода отравлений, от элементарного разгильдяйства, от юношеского бахвальства и т.д., то число людей, которые ещё могли жить и жить, но покинули этот мир, определяется уже не одной сотней тысяч в год. А мечтаем о сильной державе!

Р.: – Люди не дорожат жизнью из-за ощущения одиночества, отсутствия поддержки, прежде всего моральной, оттого, что нет рядом любящего и любимого человека. Особенно ранит коварство, предательство того, кто притворяется добрым и верным, а в один прекрасный день вдруг проявляет себя с самой жестокой стороны. Оказывается, его интересует только собственная выгода, меркантильный интерес, им движет стремление обогатиться за счёт других.

С.: – Может быть, жуткие события на Украине нас отрезвят?

нам надо перестать быть самим себе врагами.

Одно из главных направлений преуспевания нашего государства – военная мощь. Но армию в первую очередь составляют люди, а потом уже техника. «Гражданская война» проникла и в воинские части, где, казалось бы, по определению должны царить взаимопомощь, дух товарищества и даже братства, готовность ради однополчанина не то что пожертвовать своими сиюминутными интересами, но даже жизнью. А наши ребята боятся идти в армию, поскольку наслышаны об издевательствах старослужащих и офицеров в частях над новобранцами. Одних убивают, другие, не выдерживая издевательств, кончают жизнь самоубийством. Каждый месяц в армии сводят счёты с жизнью в среднем двадцать солдат. При этом эксперты говорят, что реальные числа выше из-за фальсификаций: командиры частей всячески стараются скрыть истинные причины смертей военнослужащих, убийства и самоубийства выдают за несчастные случаи, смерти от болезней, а запуганные свидетели «ничего не видят». Ещё больше, чем убитых, из армии возвращается изувеченных парней, с травмированной психикой, с потерей веры в людей и в страну. Армия не может быть боеспособной, когда нет единства в её рядах, когда пришедшего служить родине паренька кто-то из однополчан может унижить, избить, предать, ограбить, а то и убить, когда командиры заботятся в основном о личном благополучии, покрывая преступные деяния в своих частях.

Р.: – Не во всех частях такое положение. А после того, как министром стал С. Шойгу, оно начало улучшаться во всей армии.

С.: – Социально-психологическое состояние любого сообщества сразу не изменишь. Да и что это за армия, моральная атмосфера в которой зависит только от министра. А что делают остальные военачальники? Получается, порядочность и честность – по приказу? До чего всё докатилось: только министру граждане верят!

Р.: – Некоторые военнослужащие сами были унижаемы родителями или ещё кем-то и потому испытывают повышенную потребность в самоутверждении.

С.: – Издеваясь над новобранцами, так называемые «деды» чувствуют свою безнаказанность. А молодым солдатам, как и заключённым, некуда деться от своих обидчиков, не у кого искать защиты в условиях ограниченной свободы. За всё это следует спрашивать, прежде всего, с командиров частей. Здравомыслящему человеку трудно поверить, что и они, и маршалы Министерства обороны России не способны справиться с распоясавшимися разбойниками, пресечь раз и навсегда проявления бандитизма в армии. А если начальники во всей цепочке не в состоянии решить эту проблему, то правомерно говорить об их неполном служебном соответствии. Неудивительно, что после наиболее вопиющих случаев издевательств в армии в обществе возобновляются разговоры о том, что нужно ужесточить наказания, что начальников надо выгнать, судить, посадить и т.д. А замалчивание подобных инцидентов – ещё страшнее.

Р.: – И опять центр тяжести реакций приходится на санкции, а не на выявление и предупреждение причин, вызывающих жестокость. Суровость наказаний не ослабит, не устраним агрессию, а то и усилит, загонит её в тень, внутрь, в квартиры, обрушит на жён, на детей военнослужащих.

С.: – На детей – больше уже некуда! Из-за насилия по отношению к детям Россия и так – в числе первых. Причём грубую силу применяют в семьях всех слоёв общества. Ежегодно в России жертвами насилия в семье становятся 2-2,5 миллиона детей в возрасте до 14 лет, для некоторых из них побои заканчиваются смертью. В одном из опросов почти четверть детей сказали, что их бьют «просто так», причём 10 процентов из них смиряются с этим, считают, что родители имеют право бить своих детей. То есть сказывается низкая культура общения внутри семьи. Матерный язык стал нормой. Даже в детских садах воспитательницы порой кричат на детей, как в зоне. Специалисты отмечают, что у нас слишком снисходительны по отношению к тем, кто жестоко обращается с детьми. Но почему родители и вообще взрослые издеваются над ними?

Р.: – Насилие над детьми – это отражение общего состояния в стране. Вот какие **причины жестокого обращения с детьми** называют психологи. Первая причина: неблагополучная жизнь взрослых, прежде всего – их невостребованность. Причина вторая: родители таким образом срывают раздражение из-за несправедливостей, безобразий и нелепостей вокруг. Третья причина: сказывается свойство слабого и униженного человека отыгрываться на ещё более слабом и безответном. Четвёртая: мамы и папы просто не любят ребёнка, причём они знают, что за избиение никакая ответственность им не грозит. Пятая: люди ушли от норм страха тоталитарного времени, но ещё не пришли к нормам совести. Шестая: это идёт от «Домостроя» – считалось, что когда секут тело ребёнка, спасают его душу. Седьмая: родителей били, когда они были детьми, и они считают это нормой. Восьмая: взрослые не могут справиться со своими чадами другими способами. Причина девятая: провинность чада настолько велика, что родитель считает вполне правомерным применение «высшей меры наказания» ремнём или кулаками. Десятая причина: в доме что-то произошло, и ребёнок подворачивается под руку в самый неподходящий момент.

С.: – О степени озверелости российского населения можно судить по тому, что в нашей стране в среднем ежегодно от рук мам и пап погибают до двух тысяч маленьких россиян, в том числе усыновлённых, что невозможно принять ни логически, ни эмоционально. Растёт сексуальное насилие над детьми, причём большая часть этих преступлений совершается в семьях. По данным Министерства внутренних дел, в день в России подвергаются сексуальному насилию 50 детей. Однако это – выявленные случаи. При этом общественность настроена по отношению к насильникам над детьми сурово, большинство граждан высказываются за смертную казнь. И народ уже начал расправляться с извращенцами.

Р.: – Мы опять склонны воздействовать на самих маньяков, но не очень вникаем в то, почему они стали такими. Сексуальному насилию способствует половая расторможенность в обществе. Но педофилов в немалой степени растят и женщины, в том числе те, которые теперь требуют их казни. Нередко маньяки – жертвы в детстве грубых и жестоких матерей. А повзрослевшего парня, бывает, безжалостно, с унижениями «отшивает» девушка, если ей парень не нравится или разонравился. В последнее время педофилию стали называть болезнью.

С.: – Положение с самоубийствами детей – ещё более кошмарное. В России в год кончают жить по своей воле от двух до трёх тысяч юных россиян. По числу подростковых самоубийств мы тоже стремимся в горестные лидеры. Среди причин детских суицидов не последнее место занимают отношения детей с родителями, то есть папы и мамы повинны в доведении своего чада до самоубийства.

Р.: – Родителям не хватает сил и времени на сыновей и дочерей, они озабочены тем, чтобы сохранить работу, место под солнцем, а особенно амбициозные люди озадачены лишь тем, чтобы вырваться как можно выше в нашем социуме. Неудивительно, что лишь один ребёнок из пяти приходит в школу вполне благополучным в психологическом и психиатрическом плане. Но люди боятся обращаться к психотерапевтам из-за боязни, что прищёпнут нежелательный ярлык. А в результате проблемы усугубляются, напряжение между родителями и

детьми растёт, приводит к конфликтам с рукоприкладством. После получения первого удара ребёнок уже делает первый шаг к суициду, сначала в мыслях.

С.: – Ежегодно десятки тысяч детей убегают из дома от жестокого обращения. Этим они спасают себя? Если бы! Тысячи из них каждый год пропадают без вести. Но и судьба оставшихся в живых складывается весьма печально: одни дети становятся бандитами, другие наркоманами, третьи заболевают неизлечимыми болезнями и вскоре всё равно умирают. В итоге Россия находится на первом месте в Европе по детской смертности. По разным оценкам, в нашей стране – от одного до трёх миллионов беспризорников. У нас – порядка 700 тысяч сирот, больше чем после Великой Отечественной войны, причём многие из них – сироты социальные, то есть родители их живы. Для подавляющего большинства российских детских домов, по словам главного защитника прав детей П. Астахова, характерна уголовная субкультура, власть «маленьких паханов», отсутствие у детей личных вещей, пьянство воспитанников, равнодушие взрослых.

Р.: – Из детских домов воспитанники выносят большой негативный социальный багаж. Около 16 тысяч сирот ежегодно начинают самостоятельную жизнь. Но, по данным Генпрокуратуры, адаптируются к жизни только 10 процентов выпускников, 40 процентов совершают преступления, 40 процентов становятся алкоголиками и наркоманами, 10 процентов кончают жизнь самоубийством.

С.: – Одной из разновидностей убийств можно считать аборты. По ним Россия стала мировым лидером. Прерывается больше половины всех беременностей, причём по неофициальной статистике, абортов совершается гораздо больше.

Р.: – Но когда говорят об абортах, обычно умалчивают о втором участнике акта, из-за которого наступила нежелательная беременность, или возникла ситуация, побудившая женщину её прервать. Мужчина не меньше виноват в том, что женщина вынуждена делать аборт. Он допустил беременность, стало быть, не озаботился предохранением, а после того, как женщина забеременела, не оказался рядом с нею. Так что миллионы абортов – это свидетельство также эгоизма российских мужчин, усугубляемое тем, что какая-то часть беременностей – следствие изнасилований, после которых аборт целиком – на совести мужчин.

С.: – И по количеству заключённых Россия уступает первое место только США. Надо ещё учесть, что наше правосудие лояльно к казнокрадам, крупным мошенникам, несправлимым коррупционерам, к применяющим пытки и избиения людей. Если бы правоохранительные органы и Федеральная служба безопасности по-настоящему взялись за расследование преступлений, невзирая на лица и на пресловутую кастовость, мы бы, по-видимому, вышли по сидельцам на первое место.

Р.: – Очень много преступлений скрывает обстановка безнаказанности, безответственности, царящая в стране. Это стало нашей национальной особенностью, тесно связано с атмосферой равнодушия, безразличия: одно порождает другое. Все мы надеемся, что до нас преступники не доберутся, что нас минует беда.

С.: – Большим несчастьем для страны стала террористическая деятельность. Возникает вопрос: почему самые громкие террористические акты застали наших доблестных чекистов, воспетых Ю. Семёновым, врасплох? Чем занимаются владельцы четырёх огромных зданий на Лубянке? В советские времена умудрились завербовать даже граждан далёкой во всех смыслах Великобритании. А сейчас не могут найти пронырливых осведомителей в своей стране?

Р.: – Мы знаем только о совершённых терактах. Но мы не знаем, сколько подобных вылазок экстремистов было предотвращено. И уж конечно нам неведомо об оперативной, разведывательной и вербовочной деятельности спецслужб.

С.: – Социологи высчитали, что в XXI веке по продолжительности жизни мы скатились на 140-е. В России она – одна из самых низких в мире, причём средний россиянин живёт на 12-14 лет меньше европейца. Смертность граждан России в работоспособном возрасте, осо-

бенно мужчин, гораздо выше, чем у европейцев. Создаётся впечатление, что нация решила наложить на себя руки, причём на ровном месте. Но что случилось, Россию потрянуло глобальное землетрясение, в неё врезался огромный астероид, на страну надвигается гигантский ледник, на неё напала многомиллионная орда кочевников, инопланетяне обесточили всю нашу электросеть? – нет, всё хорошо, прекрасная погода, светит солнце, птицы поют, всего в стране вдоволь, а мы не радуемся жизни, а терпим её, как в заключении. Значит, это – наш внутренний недуг. По мнению доктора философских наук В. Кантора, Россия с начала XX века несла культуру самоуничтожения. Однако раньше воровство, самодурство, жадность, презрение к простолюдинам, жестокость уживались с инстинктом продолжения жизни, обеспечивали восстановление и рост населения. Теперь не уживаются. Главной общенациональной причиной многих негативных явлений следует назвать падение веры людей в свою страну, в свой народ, неуверенность нашего соотечественника в себе, в своих достоинствах и возможностях.

Р.: – В 2014 году ситуация стала меняться в лучшую сторону.

С.: – Дай Бог, чтобы позитивная динамика продолжилась. Но

у нас не стало чёткой границы между честными людьми и преступниками, между порядочностью и подлостью.

Внутренние барьеры во многих разрушены, мотив «я это не сделаю не потому, что боюсь кары, а потому что так поступать плохо» перестал быть определяющим в поведении многих людей.

Р.: – Исстари у нас, русских, покаяние осуществлялось не за какие-то конкретные преступления, а как ритуал. Конструктивное, не самоедское чувство вины появляется у человека лишь тогда, когда он совершает самостоятельные поступки. Честно признать свои изъязы и промахи – это значит, сказать себе: «Я хочу и могу их преодолеть». А у нас слишком часто проявляется склонность отводить от себя ответственность, если что-то случилось или сложилось не лучшим образом, попытка переложить вину на кого-то другого. Социолог Л. Гудков поделился результатами исследования: самокритично настроены треть опрошенных, но более половины респондентов считают, что власть виновата больше.

С.: – Известно выражение: «Нам, русским, хлеб не надобен, мы друг друга едим и этим сыты». Когда люди перестают соблюдать элементарные нормы бытия, выработанные веками, когда игнорируют границы допустимого и недопустимого, наступает хаос.

Р.: – У нас много изъязов, но мы охотно и посмеиваться над собой, как ни одна другая нация. Правда, при этом каждый юморист как бы ставит себя над теми, кого высмеивает. И мы, рассказывая анекдоты о всяких недотёпах, мысленно себя от них отделяем. Мы чувствуем себя выше этих чудачков, лодырей, неумех. За склонностью высмеивать своего соотечественника сквозит, с одной стороны, умиление нашей неповторимостью, а с другой – желание хоть бы в юмористическом тоне повлиять на собратьев и на власти. Если над недостатками страна готова смеяться, значит, она способна выправляться.

МЫ – В ПОДРОСТКОВОМ ПЕРИОДЕ РАЗВИТИЯ?

Сердитый: – Почему же несмотря на то, что знаем, как жить нельзя, – не дети же мы! – тем не менее так живём? Ну если не все, то какая-то часть нации. Она сама живёт так, как нельзя, а из-за неё и весь русский народ мается, не может зажить по-человечески?

Рассудительный: – Нарисуем словесный портрет некоего индивидуума. Горазд на неожиданные поступки, порой шарахается из одной крайности в другую, ему свойственен максимализм. Нуждается в кумире, но может быстро поменять одного на другого. Сметлив, обладает незаурядными способностями, склонен к творчеству, иногда здраво рассуждает, но часто не доводит начатое до конца. Неусидчив, легко срывается гулять, любит всевозможные тусовки. Переменчив в настроении. Склонен к унынию, даже к суициду, но может легко перейти в состояние восторженности. Проявляет гипертрофированную жажду самоутверждения. Категоричен в суждениях, неохотно идёт на компромиссы. Развит дух соперничества – в ущерб духу сотрудничества. Нередко начинает хамить, но избегает ответственности, будто боится отцовского ремня. Эгоистичен. В разговорах легко возбуждается, в спорах бывает несдержан и задирист, иногда использует силовые «аргументы». Бывает, ведёт себя вызывающе, проявляет упрямство. Не умеет просчитать свои действия на десять-двадцать шагов вперёд. Чей это портрет?

С.: – Любой грамотный человек скажет, что это типичный образ подростка.

Р.: – Да нет, это коллективный образ вообще русского человека любого возраста. Вот слова психолога: «Русскому человеку трудно определить свои личные границы, где кончается его «я», а где начинается «я» другого человека». Но разве это не типичная черта подростка? А вот высказывание известного психотерапевта: «Люди всё более становятся инфантильными, безответственными, всё больше похожи на великовозрастных детей. Процветает эгоизм». Многие из нас до преклонного возраста не могут научиться договариваться, взаимодействуют с другими по принципу: «должно быть только по-моему». Что это, если не юношеский максимализм, ребяческая неуступчивость? Мы любим командовать – хоть собственным псом, если у нас в подчинении больше никого, даже жены, нет. Отсюда – раздутый управленческий аппарат. По Фрейду: мужчины среди своих друзей и знакомых до 70 лет всё «ребята», а женщины между собой до такого же возраста – «девчонки». Подсознательно ощущаем себя подростками?

С.: – Может быть, дело в том, что русские – сравнительно молодая нация, поэтому в нас много подросткового? Н. Бердяев говорил о женском характере, о женской душе русского человека. А можно ли провести границу между женской психологией и мужской, между поведением взрослого человека и подростка? Очевидно, женственность проявляется прежде всего в его эмоциональности. То есть и у взрослого русского мужчины преобладают эмоциональные, смещённые в сторону женских, реакции на действительность. А как легко возбуждаются внешне солидные дяди, как кричат и перебивают друг друга на наших телевизионных ток-шоу! Если понаблюдать за ребячьей дворовой компанией, можно увидеть абсолютно то же самое.

Р.: – Но перебивают ещё и потому, что некоторые участники шоу слишком увлекаются произнесением своих спичей и забывают о том, что другие тоже хотят высказаться. Наши граждане, особенно мужчины в солидном возрасте, в том числе облечённые большей или меньшей властью, демонстрируют стиль или паттерны, как говорят психологи, подросткового поведения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.